

Кларк Эштон СМИТ

ЗОТИКА

БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Зотика

Кларк Эштон Смит

Аннотация
Кларк Смит. Зотика
Зотик
Империя некромантов
Остров мучителей
Путешествие короля Еворана
Бог из храма смерти
Колдовство Улуа
Пришелец из гробницы
Ткач в склепе
Цитра
В книге Вергамы
Последний иероглиф
Черный идол
Некромантия в Наате
Черный аббат Патуума

Аннотация

Кларк Эштон Смит – поэт, писатель, художник. Друг Лавкрафта и Говарда. Его мрачное и изысканное воображение создавало странные миры, одновременно исполненные ужаса и притягательности.

«Зотик» – цикл рассказов о последнем континенте Земли, Зотике. Мрачный увядающий мир, с каждым мгновением приближающийся к Концу, постоянно ожидающий прихода Смерти… Мир, в котором вновь воцарилась магия. Зловещая магия!

Кларк Смит
Зотика

© ООО «Издательство «Северо-Запад», 2020

* * *

Зотик

Он, кто бродил в тенях Зотика́,
В сверканье солнца-уголька,
Но возвращаться не спешил
На моря злые берега,
Прогнившее то побережье,
Где океан волной омыл
Руины древних городов,
Где боги пьют нектар веков.

Он побывал в садах Зотика́,
Где кровоточат все плоды,
Где симорг страх свеляет в души.
Там нету зелени листвы.
Солнце всходило, заходило,
А путник смаковал вино —
Напиток амаранта[1] *пряный.*
И ему было все равно.

Любил он диких дев Зотика́,
И не хотел их покидать,

---

[1] Примечания: 1

Амарант, или щирица (лат. Amaránthus) — широко распространённый род преимущественно однолетних травянистых растений с мелкими цветками, собранными в густые колосовидно-метельчатые соцветия.

Но поцелуя от вампира
Не получилось испытать.
За ним гонялся алый призрак —
Лилит из мертвых городов,
Маня любовью и отравой.

Он к смерти был всегда готов.
Он плавал на галерах в Зотик,
Мерцанье мачт в ночи видал,
Смотрел в лицо штормам и бурям
И вахту нес, хоть и устал.
И на просторах океана
Он любовался на луну,
И видел дальние он страны,
Но только Зотик люб ему.

Империя некромантов

Легенда о Матмуоре и Содосме родится только на последних оборотах Земли, когда веселые сказания ее золотых дней будут давно позабыты. Многие эпохи канут в прошлое, и морские воды придут туда, где прежде была суша, и новые континенты прорежут океанскую гладь, прежде чем наступит время ее рассказать. И, может быть, в тот день она немного рассеет жестокую тоску умирающей расы, неумолимо сходящей в пучину забвения. Я поведаю это предание так, как его будут рассказывать на Зотике — последнем континенте — под тусклым солнцем и грустными небесами, которые вечерней порой озаряются немыслимо яркими звездами.

Глава 1

Матмуор и Содосма были магами-некромантами с темного острова Наат. Однажды они пересекли высохшее море и появились в Тинарате, чтобы и там заниматься своим губительным искусством. Но не слишком преуспели, ибо таинство смерти считалось священным у жителей

этой сумрачной страны, и не так-то просто было осквернить могильное небытие, а воскрешение мертвых чарами некромантии считалось кощунством.

Поэтому вскоре Матмуору и Содосме, изгнанным из города разгневанными жителями, пришлось бежать на юг, в пустыню Синкор, чьим населением были лишь скелеты и мумии — все, что осталось от некогда могущественной расы, погубленной Великим мором.

Их путь лежал по унылой растрескавшейся земле, выжженной лучами огромного солнца, которое, впрочем, напоминало едва тлеющий уголь. Один вид крошащихся камней и занесенных песком безлюдных просторов привел бы в ужас обычного человека. Колдуны оказались в этой бесплодной пустыне без еды и воды, поэтому их положение могло бы показаться отчаянным. Но Содосма и Матмуор, улыбаясь, все шагали и шагали в глубь Синкора с видом завоевателей, прокладывающих дорогу к долгожданной цели.

Они пересекали поля, лишенные растительности, русла пересохших рек, и перед ними расстилался великий путь, по которому в прежние времена путешественники добирались из Синкора в Тинарат. Ни единой живой души не

встретилось им здесь, но зато вскоре они наткнулись на лежащие посреди дороги скелеты лошади в роскошной сбруе и всадника, чья одежда все еще была столь же великолепна, как и при жизни. Матмуор и Содосма остановились перед жалкими костями, на которых не осталось ни клочка плоти, и хищно улыбнулись друг другу.

— Скакун будет твоим, — предложил Матмуор. — Ведь ты старший из нас двоих, а всадник станет служить нам обоим и будет первым в Синкоре, кто присягнет нам на верность.

Маги начертили тройной круг на пепельном песке у обочины дороги и, стоя в центре, начали святотатственный ритуал, заставлявший мертвых пробудиться от безмятежного смертного сна и во всем подчиняться злой воле некроманта. Затем они всыпали по щепотке волшебного порошка в отверстия, бывшие когда то ноздрями человека и лошади. И вот выбеленные ветрами и дождями кости, скорбно поскрипывая, поднялись с того места, где так долго лежали, и застыли в готовности служить своим хозяевам.

Как это было решено между ними, Содосма оседлал костяного скакуна, натянул украшенные драгоценными камнями поводья и, словно в насмешку над Смертью, погнал свою жалкую

клячу. Матмуор брел за ним, слегка опираясь на палку черного дерева, а человеческий скелет в развивающемся пышном одеянии шел следом, как верный оруженосец.

Вскоре маги нашли останки еще одного всадника с лошадью, которые шакалы обошли стороной, а солнце иссушило до состояния мумий. Они тоже были воскрешены из мертвых, и Матмуор взгромоздился на спину высохшего коня. Теперь оба некроманта скакали с торжественностью странствующих императоров, сопровождаемые свитой из двух скелетов. А так как по пути к Синкору встречались и другие останки, оживляемые посредством того же обряда, то процессия все разрасталась и разрасталась.

Когда дорога почти подошла к столице Йетлириому, показались бесчисленные могилы города мертвых, чей покой никто не нарушал вот уже многие века. Всем спеленатым мумиям этого города также пришлось пробудиться, чтобы исполнять волю двух колдунов. Некоторым было приказано вспахать и засеять пустынные поля, добывать из глубоких колодцев воду; остальные занялись тем, чем занимались при жизни. Шум и грохот нарушили вековую тишину. Мертвые ткачи трудились над своими челноками, а мертвые

пахари шли за плугами, которые тянули мертвые буйволы.

Утомленные долгим путешествием и многократно повторяемыми заклинаниями, Матмуор и Содосма наконец увидели с вершины бархана далекие башни и уцелевшие прекрасные купола Йетлириома. Был вечер, и город казался погруженным в густую, застоявшуюся кровь зловещего заката.

— Это обширная земля, — вздохнул Матмуор. — Мы поделим ее и будем властвовать над всеми мертвецами, лежащими в ней. Завтра же мы взойдем на императорский престол Йетлириома.

— Да, — согласился Содосма. — Ибо никто из живых не сможет противостоять нам здесь. А те, кого мы вызвали из царства мертвых, будут двигаться и дышать только по нашей воле и никогда не восстанут.

Так, в кроваво красных сумерках, которые уже начали становиться пурпурными, некроманты в сопровождении своей внушающей ужас свиты вошли в Йетлирием. Они прошествовали мимо многих величественных дворцов и расположились в том из них, откуда на протяжении двух тысяч лет императоры династии Нимботов пра-

вили Синкором.

Своим хитроумным колдовством маги разожгли в пыльных залах давно погасшие светильники из оникса и поужинали королевскими яствами, сотворенными тем же способом. Бесплотные руки слуг наливали древние имперские вина в кубки из лунного камня, и два колдуна пировали и веселились с фантасмагорической пышностью, отложив на следующий день воскрешение всех, кто спал вечным сном в земле Йетлириома.

Утром они поднялись, когда темно-малиновый рассвет еще только занимался над городом, ибо сделать предстояло многое. Они сновали по забытой столице, творя заклинания над непогребенными телами тех, кто умер в последний год Великого мора. Покончив с этой работой, маги перешли к другому некрополю, располагавшемуся за пределами Йетлириома, где в огромных мавзолеях покоились императоры и знать Синкора.

Некроманты приказали беспрекословным рабам-скелетам проломить запечатанные двери склепов, а потом своими страшными деспотическими заклятиями вызвали мумии императоров, не пощадив даже старейшего из династии. Те равнодушно вышли к ним, с безжизненными

глазами, в роскошных саванах, расшитых сверкающими, словно огни, драгоценными камнями. После этого настала очередь вдохнуть подобие жизни в многочисленные поколения придворных и сановников.

Мертвые императоры и императрицы Синкора, с высохшими мрачными и высокомерными лицами, торжественно выразили свою покорность Матмуору и Содосме. И, словно караван пленников, последовали за ними по всем улицам Йетлириома. Затем некроманты установили в просторном тронном зале дворца высокий двойной трон, на котором когда то восседали законные правители с супругами. Трон окружили императоры в пышных погребальных одеждах. Мумия Гестайона (первого императора династии Нимботов, правившего в полулегендарные времена) движением иссохшей руки облекла обоих магов верховной властью. После этого все потомки Гестайона, заполонившие зал, невыразительными, точно эхо, голосами, провозгласили владычество Матмуора и Содосмы.

Так отверженные некроманты приобрели империю и подданных в безлюдной и бесплодной земле, куда жители Тинарата изгнали их на верную гибель. Они стали жесточайшими

деспотами, беспредельно властвуя над всеми мертвыми Синкора. Все бесплотные прислужники из отдаленных уголков царства должны были платить дань. Тронутые тлением трупы сновали взад вперед по поручениям колдунов. Высокие мумии, издающие запах бальзамических смол, выносили из своих неистощимых склепов груды потемневшего золота и покрытых пылью времен драгоценностей и складывали пред жадными очами новых правителей. Мертвые садовники украшали дворцовые сады давно увядшими цветами. Выбеленные ветрами скелеты гнули спины в копях или воздвигали великолепные, фантастические башни в честь угасающего солнца. Гордые принцы былых времен подносили некромантам кубки, а златокудрые императрицы услаждали их слух игрой на лютнях, перебирая струны точеными руками. Самые же прекрасные, чьи прелести были не слишком сильно обезображены тлением и червями, стали наложницами и утоляли порочную страсть колдунов.

Глава 2

Везде и во всем обитатели Синкора, по приказанию Матмуора и Содосмы, вели себя подобно живым. Они говорили и двигались, слышали и

видели, ели и пили. Они помнили, хотя и очень смутно, свою прежнюю жизнь. Они даже испытывали чувства, сходные с теми, что испытывали при жизни. Но разум их был порабощен чудовищным колдовством. Их кровь медленно и неохотно струилась по жилам, смешанная с водой реки забвения, и дыхание Леты затуманивало их глаза. Пустым, беспокойным и унылым было их теперешнее существование.

Воскрешенные подданные повиновались приказаниям своих деспотичных властителей без возмущения и возражений, но с ощущением некой смутной, безграничной тоски. Такая тоска терзает мертвых, когда, уже пригубив чашу вечного сна, они должны вновь возвращаться к лишениям земного бытия. Они не испытывали ни страсти, ни желания, ни удовольствия, лишь грызущую боль пробуждения от сна и жестокую, неутолимую жажду возвращения к этому прерванному забытью.

Самый младшим (и последним) императором династии Нимботов был Илейро. Он умер в первый же месяц Великого мора и двести лет пролежал в своем величественном мавзолее, пока не появились некроманты.

Разбуженный вместе с прародителями и под-

данными для прислуживания двум тиранам, Илейро без ропота и удивления влачил пустое существование. Он принял собственное воскрешение и воскрешение своих предков так, как принимают оскорбления из страшного сна. Он знал, что вернулся под дотлевающее солнце, в лживый и призрачный мир, где сам он — лишь покорная тень. Тревожила только смутная печаль и бессильная тоска по утраченному забвению.

Илейро был отравлен колдовством своих повелителей, поэтому его не возмущали все те над ругательства, которым подвергались его предки. Как сомнамбула, наблюдал он за происходящим. Только через много дней слабая вспышка внезапно озарила его сумрачный разум.

Молодой император вдруг вспомнил безвозвратно утраченное великолепие своего царствования в Йетлириоме и вновь ощутил переполнявшие его тогда гордость и ликование. В душе слабо всколыхнулось возмущение, тень негодования против злодеев, вытащивших его из вечного покоя назад, в это убогое подобие жизни. Он начал втайне оплакивать свою поруганную землю и бедственное положение ее народа.

День за днем, поднося кубки в те залы, где прежде владычествовал сам, Илейро был свидетелем

деяний Матмуора и Содосмы. Он видел как исполнялись их прихоти, наблюдал их жестокость и то, как они удовлетворяли свою похоть, их все более и более омерзительное пьянство и обжорство. Он видел, как колдуны тонут в роскоши, толстеют, становятся все ленивее и невоздержаннее. Тираны давно забросили занятия магией и забыли многие заклинания. Тем не менее они правили, все еще могучие и грозные. Развалившись на своих розовых и пурпурных ложах, Матмуор и Содосма грезили о том, как поведут армию мертвецов на Тинарат, как возрастет их могущество. За этими мечтами они жирели, словно могильные черви в полном гнили склепе. Своим деспотизмом и мерзкой похотью некроманты зажгли в сумрачном сердце Илейро огонек восстания, и разгорающееся пламя стало побеждать мертвенное дыхание Леты. Гнев все больше охватывал последнего императора, возвращая ему некоторое подобие прежней силы и твердости. Илейро видел постыдное поведение своих угнетателей, вспоминал все то зло, которое они причинили беззащитным мертвым, и хор приглушенных голосов в его мозгу требовал возмездия.

Но до поры до времени Илейро безмолвно передвигался по залам дворца в Йетлириоме,

повинуясь воле повелителей, или же замирал в ожидании приказаний. Он наполнял их агатовые кубки янтарными винами, что добывались с помощью колдовства на холмах под молодым солнцем; он терпел всяческие унижения и оскорбления. И ночь за ночью он лицезрел, как маги напиваются допьяна и засыпают, румяные и толстые, среди никак не заслуженной ими роскоши.

Живые мертвецы почти не разговаривали между собой. Отцы и сыновья, матери и дочери, бывшие возлюбленные проходили друг мимо друга, словно не узнавая, без слова жалобы на жестокий жребий. Но однажды ночью, когда тираны забылись пьяным сном и язычки пламени заколебались в колдовских светильниках, Илейро пришел за советом к своему старшему прародителю, Гестайону. Легенды прославляли первого императора как великого волшебника и хранителя потаенного знания древности.

Гестайон стоял поодаль от других, в углу полутемного зала, коричневый и высохший в своей жалкой одежде мумии, его безжизненные обсидиановые глаза неподвижно глядели в небытие. Он как будто не слышал вопроса Илейро, но через несколько минут вдруг заговорил сухим шеле-

стящим шепотом:

— Я слишком стар, а гробовой сон был таким долгим, что заставил забыть очень многое. Но возможно, заглянув назад, в пустоту смерти, я смогу вернуть хотя бы часть былой мудрости, и мы вместе найдем способ спастись.

И Гестайон начал перебирать обрывки воспоминаний. Так мудрец пытается найти крупицу драгоценного знания в книгах, давно изъеденных книжным червем и уже сгнивших в своих переплетах. Наконец он произнес:

— Тысячу веков назад я был могущественным волшебником и очень многое было мне ведомо, в том числе заклятия некромантии. Хотя я и не использовал их, считая воскрешение мертвых отвратительным. Возможно, среди моих знаний найдется что-нибудь, что поможет нам сейчас. Я вспоминаю смутное, неясное пророчество, сделанное в те давние годы, когда был заложен Йетлирием и родилась империя Синкора. Пророчество гласило, что беда страшнее смерти постигнет империю в далеком будущем. Но первый и последний из Нимботов, объединив свои силы, найдут способ освободиться и победить злой рок. Предсказание ничего не говорило о том, какая это будет беда, однако упоминало, что

два императора смогут преодолеть ее, разбив древнее глиняное изваяние, охраняющее самый нижний склеп под императорским дворцом в Йетлириоме.

Выслушав это пророчество из поблекших уст своего предка, Илейро некоторое время размышлял.

— Сейчас мне вспомнился один день моей ранней юности, когда я беспечно бродил по незанятым склепам дворца и добрался до самого последнего, — наконец заговорил Илейро. — Там стояло грубо слепленное глиняное изваяние, чей облик показался мне странным. Ничего не зная об этом пророчестве, я с разочарованием развернулся и ушел так же беззаботно, как и пришел.

Гестайон и Илейро оставили своих ничего не замечающих сородичей, прихватили из зала украшенные драгоценными камнями светильники и отправились к тайной лестнице в подземелье дворца. Долго пробирались они, словно тени, по лабиринту ночных коридоров и наконец вышли к самому нижнему склепу.

Предсказание оправдалось. В клубах паутины и черной пыли незапамятных времен императоры обнаружили глиняную статую с грубыми чертами одного из забытых земных божков. Илейро

разбил изваяние камнем и извлек огромный меч благородной стали, тяжелый бронзовый ключ и медные таблички. Надпись, высеченная на блестящих табличках, рассказывала, как избавить Синкор от темного владычества некромантов и вернуть людей в милосердные объятия смерти.

Бронзовый ключ отпирал низенькую и узкую дверь в задней стене склепа, за разбитым изваянием. Винтовая лестница из темного камня вела вниз, в неисследованные глубины, где, как в гигантской топке, все еще горел угасающий земной огонь.

Илейро остался охранять открытую дверь, а Гестайон иссохшей рукой взял меч и вернулся в зал, где спали некроманты. Древнее пророчество вело его.

Матмуор и Содосма распростерлись на розовых и пурпурных ложах и почивали пьяным сном в окружении безропотных, бледных мертвецов. Вооруженный открывшимся знанием, Гестайон взмахнул мечом и разом отрубил головы обоим колдунам. Затем, как было указано в табличках, он сильными ударами четвертовал тела. И некроманты испустили свой нечистый дух, а нежные розы и темный пурпур их постелей стали алыми от крови.

Императоры и императрицы стояли безмолвно и равнодушно, едва ли осознавая свое избавление. Тогда древняя мумия Гестайона заговорила слабым шепотом, но не менее властно, чем король, отдающий приказания своим детям. Мертвые зашевелились, точно осенние листья на внезапном ветру, и в толпе пробежал шепот. Весть об освобождении быстро вылетела за пределы дворца, чтобы достичь самых дальних уголков Синкора.

Всю ночь и весь последующий кроваво-сумрачный день наводящий ужас поток тянулся по улицам Йетлириома. В свете дрожащих факелов и под лучами слабеющего солнца шла нескончаемая армия только тронутых тлением покойников и давно высохших скелетов. Это напоминало шествие теней с неподвижными, отсутствующими взглядами. Процессия безостановочно двигалась к подземному склепу под дворцом, чтобы пройти сквозь распахнутую дверь, у которой стоял Илейро, а потом спуститься вниз, по тысячам ступеней, к клокочущей затухающим огнем пучине. Там они во второй раз бросались в объятия смерти, чтобы навсегда исчезнуть в бездонном пламени.

Но даже когда все обрели избавление, Гестайон все еще оставался на своем месте, у рассеченных

на части тел Матмуора и Содосмы. Он купался в угасающем свете заката. Здесь, подчиняясь древнему приказу табличек, легендарный император в первый и последний раз испробовал заклинания древней некромантии, которые выучил в годы расцвета своей мудрости. Он произнес проклятие, обрекавшее обезображенные тела на вечную жизнь в смерти. Это была такая же пытка, какой колдуны подвергли народ Синкора. Бледные губы выговорили страшное проклятие, и оживленные головы магов начали бешено вращать свирепыми глазами, а туловища и члены корчиться в запекшейся крови императорских постелей. После этого Гестайон предоставил злосчастных некромантов их судьбе, зная, что все выполнено в точности так, как было предопределено с самого начала. Сам же он, не оборачиваясь, устало побрел сквозь лабиринт окутанных мраком подземелий, чтобы присоединиться к Илейро.

Так, в спокойном молчании, более не нуждаясь в словах, первый и последний из императорского рода Нимботов прошли через раскрытую дверь нижнего склепа, и Илейро запер ее за собой бронзовым ключом. Оттуда, по спиральной лестнице, они направились к затухающему пламени и

воссоединились со своим родом и подданными в окончательном и абсолютном небытии.

Что же до Матмуора и Содосмы, то люди поговаривают, будто их четвертованные тела до сих пор скитаются в затерянном Йетлириоме. Они не могут найти ни успокоения, ни облегчения и тщетно разыскивают в темном лабиринте дверь, навсегда запертую Илейро.

Остров мучителей

Серебряная смерть обрушилась на Йорос после захода солнца. Ее появление, однако, было предсказано многими пророчествами, как древними, так и недавними. Астрологи говорили, что эта загадочная болезнь придет на землю с огромной звезды Ачернар, зловеще нависающей над землями южного континента Зотика. Эпидемия отметит тела мириадов людей блестящей металлической бледностью и будет распространяться все дальше во времени и пространстве, переносимая эфирными потоками в другие миры.

Серебряная Смерть внушала ужас, и никто не проник в тайну ее внезапного возникновения или в причины редкого исцеления. Стремительная, как пустынный ветер, она пришла в Йорос из обезлюдевшего царства Тасуун, опередив ночных гонцов, что спешили предупредить о ее приближении. Те, кого она поражала, чувствовали леденящий, пробирающий до костей холод, словно их обдавало дыхание последнего моря. Их тела и лица причудливо искажались, мерцая слабым блеском, и окостеневали, подобно давним

трупам. И все это в мгновение ока.

По улицам Сильпона и Силоара, и в Фарааде, столице Йороса, зараза передавалась как жуткий сверкающий факел от человека к человеку, и жертвы падали там, где она их застала, и на их лицах оставалась блестящая печать смерти.

Шумные, буйные карнавалы стихали при ее приближении, и весельчаки замирали в игривых позах. В великолепных дворцах посреди пышных пиршеств бледность заливала лица раскрасневшихся от вина кутил, и они склонялись на роскошные кресла, сжимая наполовину опустошенные кубки окоченевшими пальцами. Купцы покоились в своих конторах на грудах монет, которые они начали считать; а воры, пришедшие позднее, уже никогда не смогли бы скрыться со своей добычей. Землекопы ложились в недорытые могилы, которые копали для других, но никто не пришел предъявить на них свои права.

Ни один человек не успел бежать от странной, неотвратимой беды. Чудовищно быстро ее дыхание отравляло Йорос, и на рассвете пробудились очень немногие. Фульбра, молодой король Йороса, лишь недавно занявший трон, стал правителем без подданных.

Фульбра провел ночь нашествия заразы на

высокой башне своего дворца в Фарааде — башне обсерватории, оснащенной астрономическими приборами. Величайшая тяжесть легла на его сердце, и мысли затуманились отупляющим отчаянием, но сон не мог сомкнуть его веки. Он помнил многие пророчества, предсказывающие появление Серебряной Смерти. Более того, он сам прочитал по звездам ее близкий приход с помощью старого астролога и волшебника Вемдееза. Они и не подумали провозгласить народу это известие, слишком хорошо зная, что гибель Йороса издавна предопределена роком, а судьбу обмануть нельзя. Ни один человек не сможет избежать смерти, если только ему на роду не будет написано умереть по другому.

Недавно Вемдеез составил гороскоп Фульбры. Там присутствовали определенные двусмысленности, но ясно значилось, что король умрет не в Йоросе. Где и каким образом придет к нему смерть — не говорилось. Старый астролог служил еще доблестному Альтату, отцу Фульбры, и был так же предан сыну. Своим магическим искусством он выковал заколдованное кольцо, должное защитить молодого короля от Серебряной Смерти везде и во все времена.

Кольцо было сделано из странного красного

метала, более темного, чем червонное золото или медь, и украшено черным продолговатым камнем неземного происхождения, источавшим сильный аромат какого то благовония. Волшебник велел Фульбре никогда не снимать кольцо со среднего пальца, на который оно было надето, — ни в самых удаленных от Йороса землях, ни годы спустя после окончания господства Серебряной Смерти. Он объяснил, что, если зараза коснется Фульбры, он будет всегда носить ее крошечные возбудители в своем теле, и как только кольцо будет снято, микробы вновь обретут силу. Но Вемдеез не открыл ему ни тайну происхождения красного металла и темного камня, ни цену, в которую обошлась эта защитная магия.

С грустью в сердце Фульбра принял это кольцо и носил его, поэтому Серебряная Смерть помиловала его этой ночью, не причинив ему ни малейшего вреда. В тревожном ожидании наблюдал он со своей высокой башни недостижимые звезды и золотые огни Фараада, чувствуя лишь легкую мимолетную прохладу. Он был свидетелем того, как беспечный шум города стих, жалобные песни лютни странно споткнулись и замерли, тишина сменила буйство карнавала. Несколько огней внизу потухли, и некому было зажечь их вновь.

Во дворце тоже царило безмолвие, юноша больше не слышал смеха своих сановников и слуг. Вемдеез не пришел в обычный час, чтобы вместе наблюдать за звездами. И Фульбра понял, что стал королем без королевства. Огромная скорбь по погибшим подданным заглушила печаль, которую он до сих пор чувствовал после смерти своего отца.

Час за часом он сидел без движения, настолько убитый горем, что не мог даже плакать. Звезды сменяли друг друга над его головой, и смертоносная Ачернар все смотрела вниз, как горящий жестокостью глаз демона-насмешника. Тяжелый запах благовоний из кольца с темным камнем достиг его ноздрей и, казалось, стал душить его. У Фульбры даже мелькнула мысль сорвать кольцо и умереть так же, как умерли его подданные. Но отчаяние слишком сильно придавило его, чтобы сделать это. Медленно заигравшая на небесах заря, бледная, как Серебряная Смерть, застала его в той же неподвижности.

С рассветом король Фульбра очнулся и направился по винтовой лестнице в свой дворец. На ее ступенях он нашел тело волшебника Вемдееза, умершего в тот момент, когда он поднимался к своему господину. Морщинистое лицо старика

было словно полированный металл и казалось белее волос и бороды, а его темные, сапфировые глаза остекленели от муки. Король медленно пошел дальше, горько оплакивая смерть Вемдееза, которого любил как приемного отца. Внизу, в многочисленных комнатах и залах, он увидел тела придворных, слуг и стражников. В живых не осталось никого, кроме трех рабов, охранявших позеленевшие медные ворота нижнего склепа, глубоко в дворцовом подземелье.

Тогда Фульбра задумался над советом покойного астролога, убеждавшего его бежать из страны и искать приюта на Синтроме, южном острове, платившем дань королям Йороса. И хотя сердце его не лежало ни к этому, ни к чему-либо другому, юноша приказал троим уцелевшим рабам собрать все необходимое для долгого путешествия и отнести на борт королевской галеры черного дерева, стоявшей в гавани на реке Воум.

Он вступил на борт и взялся за кормило, а рабам приказал поднять широкий парус цвета янтаря. Они оставили величественный Фараад, чьи улицы были заполнены серебристыми мертвецами, и вышли в расширяющуюся яшмовую дельту Воума, а затем в окрашенные пурпуром воды Индаскийского залива.

Дул попутный ветер, пришедший из опустошенного северного королевства Тасууна, откуда под покровом ночи прокралась Серебристая Смерть. За их галерой плыли корабли с мертвыми моряками: течение Воума несло их в открытое море. Фараад затих, как древний некрополь, ни малейшего движения не было видно на берегах речной дельты, кроме трепетания похожих на опахала пальмовых листьев, что покачивались под порывами крепчавшего северного ветра. Вскоре зеленые берега Йороса остались далеко позади и превратились в призрачную голубую полосу на горизонте.

Под высоко взошедшим утренним солнцем перед путешественниками раскинулось безмятежное море, покрытое пеной винного цвета. Приглушенные загадочные голоса звучали над волнами и заставляли вспоминать смутные сказки о диковинных вещах. Но ни чарующие морские звуки, ни убаюкивающая качка не смогли утолить печаль Фульбры, его отчаяние было столь же темным, как камень в красном кольце.

Король без королевства сжимал кормило галеры из черного дерева и вел ее по солнцу так прямо, как только мог, в направлении острова Синтрома. Попутный ветер туго натягивал ян-

тарный парус, и судно весь день стремительно скользило вперед, рассекая порфировые воды темным носом, увенчанным вырезанным из дерева изображением богини. А когда на море спустилась ночь с ее знакомыми южными звездами, юноша смог уточнить по ним курс корабля.

Многие и многие дни они плыли на юг, и солнце снизилось в своем беспрестанном кружении, и новые звезды восходили и соединялись в незнакомые созвездия над черной богиней на носу. Фульбра, который еще мальчиком как то раз плавал на остров Синтром вместе со своим отцом, рассчитывал вскоре увидеть возвышающиеся из винно-красной пучины берега, заросшие камфарными и сандаловыми деревьями. Но в его сердце не было радости и горькие слезы часто слепили его глаза, когда он вспоминал то давнее путешествие с Аль-татом.

Однажды днем внезапно настал полный штиль, и вода стала гладкой, словно рубиновое стекло. Небо превратилось в купол чеканной меди, низко нависший над морем, точно по злому волшебству наступила ночь. И вдруг разразилась буря, как будто выдохнули разом несколько могущественных дьяволов. Временное затишье волн сменилось бесконечной чередой гигантских греб-

ней и бездонных впадин. Мачта из черного дерева затрещала, как тростинка, парус разорвало в клочки, и беспомощное суденышко неумолимо швыряло вниз, в темноту, и вздымало вверх сквозь слепящую пену на головокружительных вершинах огромных валов. Фульбра отчаянно вцепился в бесполезное кормило, а рабы, подчиняясь его приказу, забились в трюм. Нескончаемо долго их несло по воле бешеного урагана, король не видел в кромешной мгле совсем ничего, кроме барашков на вершинах вздымающихся волн, и не мог определить, куда же их тащит буря.

Наконец, в зловещих сумерках он заметил неподалеку другое судно, то появляющееся, то вновь исчезающее за морскими валами. Скорее всего, это была галера купцов, бороздящих моря между южными островами и торгующих благовониями, пером и киноварью; почти все ее весла были сломаны, а упавшая мачта вместе с парусом бесполезно свисала с носа корабля.

Корабли некоторое время держались рядом друг с другом. Внезапно молния расколола мглу и осветила мрачные крутые берега неизвестной земли, над которыми возвышались остроконечные башни. Фульбра не мог повернуть кормило, и их вместе с другим кораблем понесло на быстро

увеличивающиеся в размере скалы. Юноша уже решил, что сейчас они разобьются. Но, словно по мановению волшебной палочки, буря утихла так же внезапно, как и началась, и над морем вновь повис мертвый штиль, а с очистившегося неба полился приветливый солнечный свет.

Корабль вынесло на широкую коричнево-желтую песчаную косу между утесами и неожиданно успокоившейся водой. Изумленный и оцепеневший, Фульбра прислонился к кормилу, а его рабы робко выбрались из трюма. На борт купеческой галеры высыпали люди, часть из которых была в скромных костюмах матросов, другая же одета, как и подобает богатым купцам. Юноша уже чуть было не окликнул их, но вдруг услышал странный смех, высокий, пронзительный и какой то зловещий, который, казалось, звучал откуда то сверху. Подняв голову, Фульбра увидел толпу людей, спускавшихся со скалы по некоему подобию лестницы. Они подтянулись ближе, столпившись вокруг кораблей. Их головы венчали фантастические, кроваво красные тюрбаны, а облегающие одежды были пугающе черными. Цвет их кожи отдавал шафрановой желтизной; узенькие, косо посаженные аспидные глазки неприятно выглядывали из под лишенных ресниц век, а тонкие,

вечно улыбающиеся губы своим изгибом напоминали лезвие ятагана.

Островитяне несли наводящее ужас оружие: зазубренные мечи и двурогие копья. Некоторые из них низко кланялись молодому королю и подобострастно приветствовали его, не отрывая немигающих взглядов, значения которых он никак не мог разгадать. Их речь была столь же чужой, сколь и их вид: наполненная резкими и свистящими звуками, она была непонятна ни королю, ни его слугам. Но Фульбра любезно поприветствовал чужестранцев на мягком и мелодичном языке своей родины и осведомился о названии земли, к которой его галеру прибило ураганом.

Казалось, несколько человек поняли его, ибо при звуках его речи в их непроницаемых глазах промелькнул слабый огонек. Один из них на ломаном языке Йороса ответил, что это остров Уккастрог. Потом с какой то неуловимо жестокой улыбкой он добавил, что все потерпевшие крушение мореплаватели получат радушный прием во дворце Иль-драка, короля острова.

При этих словах у Фульбры упало сердце: ему приходилось слышать многочисленные истории об острове Уккастроге, и истории эти отнюдь не

могли ободрить попавшего в беду путешественника. Уккастрог, лежавший далеко к востоку от Синтрома, был также известен как Остров Мучителей. Рассказывали, что ничего не подозревающих гостей, опрометчиво приставших к его берегам или выброшенных на них волей волн, островитяне заключали в тюрьму. Позже их подвергали бесконечным пыткам, что составляло основное развлечение этих жестоких созданий. Ходили слухи, что ни один человек не сумел сбежать с Уккастрога, но многие становились обитателями его темниц и адских пыточных камер на долгие годы, и их существование поддерживалось только затем, чтобы доставить удовольствие королю и его безжалостным придворным. Кроме того, некоторые верили, что Мучители были искусными волшебниками, способными своими заклинаниями вызвать жестокий шторм и заставить волны сначала унести корабль далеко от его курса, а потом выбросить на берега Уккастрога.

Желтолицые островитяне окружили галеру, и побег стал невозможен, поэтому Фульбра попросил немедленно отвести его к Ильдраку: только ему он назовет свое имя и происхождение. Наивный юноша думал, что даже самый жестокосердный король не станет пытать дру-

гого короля и держать его в плену. Кроме того, путешественники в своих рассказах могли и оклеветать жителей Уккастрога.

Так Фульбра со своими рабами последовал к скалам в сопровождении нескольких островитян. Высокие остроконечные башни дворца венчали дальние утесы, возвышаясь над скученными жилищами, в которых обитали подданные Ильдрака. Они взбирались по вырубленным в скале ступеням, когда сзади послышались неистовые крики и звон стали. Оглянувшись, юноша увидел, что команда купеческой галеры вытащила свои мечи и набросилась на желтолицых. Но сопротивление быстро подавили многочисленные Мучители, причем большинство мореплавателей захватили живыми. При виде этой картины сердце Фульбры больно сжалось, а его доверие к островитянам стало стремительно таять.

Вскоре он оказался во дворце и предстал перед Ильдраком, восседавшим в высоком бронзовом кресле. Король был на полголовы выше самого высокого из своих придворных, а его лицо походило на маску Зла, выкованную из какого то бледного позолоченного металла. Королевское облачение тоже имело очень странный оттенок, словно пурпурную морскую воду смешали со

свежей алой кровью.

Множество вооруженных стражников охраняло тронный зал. Между огромными базальтовыми колоннами угрюмо расхаживали узкоглазые придворные дамы в алых юбках и голубых корсетах. Повсюду стояли деревянные, каменные и металлические механизмы, каких Фульбра никогда раньше не видел. Эти механизмы походили на орудия пыток и представляли собой ужасающее зрелище: тяжелые цепи, веревки из рыбьей кожи, кресла, утыканные стальными иглами.

Молодой король Йороса мужественно вышел вперед и с истинно королевским достоинством обратился к Ильдраку, неподвижно сидевшему с равнодушным, немигающим взглядом. Юноша назвал свое имя и положение, рассказал, какое бедствие заставило его покинуть Йорос, и упомянул также, что ему необходимо как можно скорее достичь острова Синтром.

— Путь до Синтрома далек, — промолвил Ильдрак с едва заметной улыбкой. — Кроме того, не в наших привычках отпускать гостей, не дав им насладиться гостеприимством острова Уккастрог. Поэтому, король Фульбра, я прошу тебя умерить свое нетерпение. Мы можем очень многое показать тебе и предложить интереснейшие

развлечения. Слуги отведут тебя в комнату, подобающую твоему королевскому достоинству. Но сначала я попросил бы тебя отдать меч, который ты носишь на боку, ибо мечи часто бывают очень острыми, а я не хочу, чтобы мой гость невзначай пострадал от собственной руки.

Один из дворцовых стражников забрал у Фульбры меч, а также кинжал с рубиновым эфесом, который тот носил за поясом. Несколько вооруженных слуг окружили его и повели из зала по длинным коридорам и лестничным пролетам в глубь скалы, на которой стоял дворец. Юноша не знал, куда забрали троих его рабов и какие распоряжения сделаны относительно экипажа купеческой галеры. Вскоре дневной свет сменился коптящими огоньками бронзовых светильников, и они вошли в огромный подземный зал. Отовсюду доносились гнетущие стоны и громкие, нечеловеческие вопли, раздававшиеся и вновь замиравшие за несокрушимыми дверями скрытых камер.

Путь вел вниз, и в одном из залов Фульбра заметил юную девушку, более красивую, чем остальные островитянки, и не столь угрюмую. Пленнику показалось, что на ее губах мелькнула сочувственная улыбка. Неожиданно она еле

слышно прошептала на языке Йороса.

— Мужайся, король Фульбра, ибо здесь есть кто-то, кто поможет тебе.

Очевидно, охранники не обратили внимания на эти слова или просто не поняли их, потому что знали только грубый, шипящий язык Уккастрога.

Спустившись вниз по нескончаемым ступеням, они подошли к массивной медной двери, один из стражников открыл ее и заставил юношу войти. Со зловещим стуком дверь захлопнулась за спиной короля.

Крепкие стены камеры с трех сторон были из темного камня, а четвертая — из толстого, непробиваемого стекла. За этой стеной плескались сине-зеленые, мерцающие воды моря, и настенные фонари освещали копошащегося гигантского спрута, чьи щупальца змеились в непосредственной близости от стекла. Огромные змееподобные чудовища свивались в ошеломительные золотистые кольца в подводном полумраке, а покачивающиеся в волнах человеческие трупы смотрели на пленника мертвыми глазами.

В углу темницы стояло убогое ложе, а в деревянных мисках оказались еда и вода. Король прилег, не отведав ни крошки, так как был слишком

изнурен и доведен до отчаяния. Лежа с крепко зажмуренными глазами, чтобы не смотреть на утопленников и морских чудищ, он пытался забыть свои несчастья и злой рок, нависший над ним. Скорбь и ужас овладели его сердцем, но сквозь них вдруг пробился миловидный образ той девушки, что сочувственно улыбнулась ему. Она единственная из всех на Уккастроге обратилась к нему с добрым словом и вселила надежду. Ее лицо всплывало в памяти снова и снова, с мягкой настойчивостью, словно доброе колдовство. И Фульбра впервые за многие дни почувствовал робкое желание жить. Вскоре он задремал, а милый образ сопутствовал ему в его видениях.

Когда молодой король проснулся, фонари над ним горели все тем же ровным пламенем, а море за стеклянной стеной кишело теми же чудищами. Но к плавающим трупам добавились ободранные тела его собственных рабов. Островитяне замучили их до смерти, а потом выкинули в подводную пещеру, примыкавшую к его темнице, чтобы Фульбра мог насладиться зрелищем.

При виде этой картины юноша помертвел от ужаса, но как раз в тот момент, когда он смотрел на лица замученных слуг, медная дверь со зловещим скрежетом открылась и вошли стражники.

Увидев еду и воду нетронутыми, они заставили короля немного поесть и попить, угрожая широкими изогнутыми клинками. Затем его вывели из подземелья, и Фульбра вновь очутился в огромном зале пыток перед королем Ильдраком, сидевшим на своем высоком бронзовом троне.

По ровному золотистому свету из окон, длинным теням от колонн и пыточных машин Фульбра определил, что недавно рассвело.

Зал заполняли Мучители: некоторые (и мужчины, и женщины) занимались пугающими приготовлениями, остальные наблюдали. По правую руку короля Ильдрака стояла высокая бронзовая статуя неумолимого бога подземелья с жестоким, дьявольским лицом.

Стражники вытолкнули Фульбру вперед, и Иль-драк коротко поприветствовал его. Злорадная улыбка все время играла на губах короля зловещего острова.

Когда он закончил, статуя тоже начала говорить скрипучим, металлическим голосом, причем на языке Йороса Бронзовый бог подземелья перечислил все подробности тех бесчеловечных пыток, которым юноша подвергнется в этот радостный день.

Когда статуя завершила свою речь, Фульбра

услышал тихий голос и увидел ту самую миловидную девушку, которую встретил накануне. Мучители не обращали на нее внимания, а она прошептала:

— Будь смелым и мужественно перетерпи все то, что тебе предназначено, ибо до начала следующего дня я попытаюсь устроить тебе побег.

Уверенность девушки приободрила молодого короля. Она показалась ему еще прекраснее, чем в прошлый раз, потому что ее глаза глядели на него с нежностью. Желание любить и жить странным образом воскресло в его сердце, вселяя мужество перенести все истязания.

Обитатели Уккастрога изобрели бесчисленные мучения, искусные и необычные, которые терзали все пять чувств. Они могли истязать самый мозг, доводя его до состояния более ужасного, чем безумство: отбирали дражайшие сокровища памяти и заменяли их неописуемыми мерзостями.

В тот день, однако, островитяне не стали применять самые изощренные пытки. Они терзали уши Фульбры невыносимой какофонией различных музыкальных инструментов. Звуки флейт леденили кровь и заставляли ее застыть в сердце, оглушительный барабанный бой отдавался, казалось, в каждой клеточке тела, а от звона литавр

ныли все кости. Потом его заставили вдыхать дым, поднимавшийся от жаровен, где вместе с дровами горела смесь из высохшей желчи драконов и топленого жира мертвых каннибалов. А когда огонь угас, они залили угли маслом из летучих мышей вампиров, и Фульбра потерял сознание, не в силах больше выносить зловоние.

Тогда палачи сорвали с него королевские одежды и повязали вокруг пояса шелковый кушак, который перед этим обмакнули в кислоту, действующую только на человеческую плоть. Кислота медленно и мучительно разъедала его кожу. Пытка длилась долго, но островитяне сняли кушак прежде, чем боль убила бы юношу.

Затем Мучители принесли несколько странных существ, телом походивших на змей, а с головы до хвоста покрытых густыми волосами, словно гусеницы. Эти существа плотно обвились вокруг рук и ног Фульбры. Тот отчаянно сопротивлялся, но не смог сбросить мерзких созданий. Тем временем волоски, покрывающие их тугие кольца, вонзились в его плоть миллионом крошечных игл, пока он не закричал в агонии. Когда юноша совершенно обессилел и крик превратился в предсмертный хрип, змей заставили разжать объятия, сыграв особую мелодию на свирели.

Омерзительные твари уползли, но следы их объятий красными полосами остались на его членах, а тело опоясывало свежее клеймо от кушака.

Король Ильдрак и его подданные взирали на это зрелище с ужасающим злорадством, ибо так они утоляли свою порочную, неукротимую страсть к жестокости. Но Мучители хотели надолго растянуть удовольствие и, видя, что Фульбра больше не может выносить пытки, бросили его назад в темницу.

Полумертвый от пережитого ужаса, терзаемый болью, юноша все же не желал милосердной смерти: он надеялся на появление вчерашней незнакомки. Долгие часы прошли в полузабытьи, пламя светильников стало малиновым и, казалось, залило его глаза кровью, мертвецы и чудища за своей стеклянной стеной плавали в этой кровавой воде. А девушка все не появлялась, и Фульбра начал впадать в отчаяние. Наконец он услышал, как осторожно открывается дверь.

Прекрасная незнакомка стремительно проскользнула к его ложу, прижав палец к губам, чтобы обрадованный пленник не выдал их возгласом. Тихим шепотом она поведала, что сегодня ее план провалился, но уж на следующую ночь она обязательно подпоит стражников и выкра-

дет ключи. Фульбра сможет бежать из дворца в укромную бухту, где его будет ждать лодка с провизией и водой. Девушка умоляла потерпеть еще один день пытки короля Ильдрака, и волей-неволей ему пришлось согласиться.

Молодой король решил, что незнакомка полюбила его, с такой нежностью она гладила его воспаленный лоб и смазывала измученное пытками тело целительным снадобьем. Сострадание в ее глазах казалось ему чем-то большим, нежели простая жалость. Фульбра верил ей и набрался мужества, чтобы пережить весь ужас наступающего дня.

Девушка рассказала, что ее мать была уроженкой Йороса, но попала в плен к островитянам. Чтобы избежать жестоких пыток короля Ильдрака, ей пришлось выйти замуж за одного из Мучителей. Так на свет появилась Ильваа.

Долго оставаться в темнице было опасно, и девушка вскоре ушла. Через некоторое время король задремал, и в бессвязном бреду сновидений Ильваа опять заклинала его выдержать ужас этого странного ада.

На рассвете стражники с кривыми ножами отвели пленника к Ильдраку. И снова дьявольская бронзовая статуя скрипучим голосом возвестила,

какие страшные испытания ждут его в этот день. Но на сей раз он увидел в огромном зале и других пленников, ожидавших гибельного внимания Мучителей. Купцы и моряки из команды галеры также присутствовали среди них.

И опять в толпе зрителей Ильваа протиснулась поближе к нему, не замеченная его стражами, и прошептала слова поддержки. Она вселяла в его сердце решимость противостоять пыткам, предсказанным вещим бронзовым изваянием. Только поистине отважное сердце могло выдержать эти суровые испытания…

Страдальческие стоны и жуткие крики других пленников доносились из всех углов зала. Среди всех мучений, о которых страшно даже упоминать, палачи заставили Фульбру смотреть в странное колдовское зеркало. Оно отражало лицо таким, каким то станет после смерти. Король в ужасе следил, как застывшие черты его собственного лица покрывались синевато зелеными пятнами тления, и сморщенная плоть распадалась, обнажая кости и обнаруживая жадных червей.

В адском зеркале появились и другие лица — мертвые, раздувшиеся, лишенные век. Они выглядели насквозь промокшими, к волосам

прилипли водоросли. Холодное, влажное прикосновение заставило Фульбру обернуться, и он понял, что эти лица были не иллюзией. Несколько десятков утопленников, извлеченных из подводной пещеры губительным колдовством Мучителей, пришли в зал пыток и обступили юношу.

Его собственные рабы, чью плоть морские чудища обглодали почти до костей, тоже стояли в этой толпе и смотрели на бывшего хозяина горящими глазами. Затем, повинуясь злым чарам Ильдрака, они неожиданно набросились на Фульбру, пытаясь вцепиться в его лицо и одежду полуобглоданными пальцами. И юный король, теряя сознание от отвращения, дрался с мертвыми слугами, которые были столь же бесчувственны, как пыточные колеса и дыбы.

Вскоре утопленники куда то пропали, а Мучители раздели Фульбру и бросили его навзничь, привязав к железным кольцам за колени, лодыжки, запястья и локти. Потом внесли выкопанное из могилы тело женщины и положили рядом с пленником, по правую руку. Мертвое тело было уже почти съедено червями, на костях кишели мириады личинок и висели клочья разложившейся плоти. Затем притащили труп черного

козла, который был лишь слегка тронут гниением, и опустили его на пол слева от юноши. Голодные личинки длинным копошащимся потоком поползли через тело Фульбры справа налево…

После этой пытки последовало множество других, столь же варварских и изощренных. Король стойко перенес мучения, поддерживаемый мыслью о девушке.

Однако ночью он напрасно дожидался ее в своей темнице. Светильники горели еще более кроваво-красным огнем, и к прежним обитателям подводной пещеры добавились новые трупы и чудовища. Странные двухголовые змеи появились из глубин бездны, они беспрестанно извивались, а их рогатые головы через хрустальную стену казались непропорционально огромными.

Ильваа так и не пришла в эту ночь. Отчаяние вновь прочно поселилось в сердце юноши, и ужас вцепился в его горло своими отравленными пальцами. Но Фульбра отказывался усомниться в девушке, говоря себе, что какие то непредвиденные обстоятельства мешают ей прийти.

На рассвете третьего дня пленника опять привели в зал пыток. Бронзовое изваяние провозгласило, что его привяжут к алмазному колесу и

заставят выпить заколдованное вино. Зелье навсегда унесет его память и поведет обнаженную душу по мерзким, чудовищным кругам ада. После долгих странствий измученная душа возвратится назад, в тронный зал Ильдрака, в искалеченное тело на колесе.

Несколько придворных дам, непристойно смеясь, вышли вперед и ремнями из кишок дракона привязали короля Фульбру к огромному колесу. А потом ужас охватил юношу, но то был не страх перед пытками — перед ним появилась Ильваа. Она держала в руке золотой кубок с отравленным вином и бесстыдно, с неприкрытым злорадством улыбалась. Она насмехалась над королем за глупость и доверчивость, с которой тот поверил ее обещаниям. Все остальные Мучители, мужчины и женщины, и сам Ильдрак в бронзовом кресле злобно захохотали и стали хвалить девушку за ее вероломство.

Сердце юного короля сжалось от такого глубокого отчаяния, какого ему еще никогда не приходилось испытывать. Короткая, жалкая любовь, рожденная в печали и муках, умерла в его душе, оставив лишь горечь. Но, глядя на предательницу грустными глазами, он не сказал ей ни слова упрека. Ему хотелось только поскорее

умереть и уйти из этого жестокого мира. И тут Фульбра вспомнил о волшебном кольце Вемдеза, охранявшем его жизнь. Кольцо до сих пор было на среднем пальце: Мучители не заинтересовались им, посчитав дешевой безделушкой. Но придворные дамы крепко привязали к колесу руки юноши, и он не мог снять кольцо. Понимая, что островитяне ни за что не заберут талисман по его просьбе, он притворился внезапно обезумевшим и дико закричал:

— Вы с вашим проклятым зельем можете украсть мои воспоминания, если хотите, можете провести меня через тысячи кругов ада и вернуть назад на Уккастрог, но, умоляю, не снимайте кольцо, которое я ношу на среднем пальце, ибо оно мне дороже, чем королевство и жалкие радости любви!

При этих словах король Ильдрак поднялся со своего бронзового трона, подошел к пленнику и с любопытством осмотрел матово поблескивающее кольцо, украшенное загадочным темным камнем. И все это время Фульбра неистово кричал, как будто боясь, что драгоценность отберут.

Ильдрак пожелал еще больше усилить его мучения и сделал именно то, чего добивался узник: надел легко соскользнувшее кольцо на

свою руку.

Жестокий властелин Уккастрога глядел на свою жертву с изуверской улыбкой, а к Фульбре, королю Иороса, пришло ужасное и долгожданное избавление. Серебряная Смерть долго дремала в нем, сдерживаемая волшебным кольцом Вемдееза, но теперь вырвалась на свободу. Тело молодого короля окоченело в холодной агонии, лицо приобрело металлический блеск, словно его покрыл иней, и юноша заснул вечным сном.

В ту же секунду леденящее дыхание Серебряной Смерти коснулось Ильвааыы и всех Мучителей, пришедших насладиться колесованием. Они упали замертво там, где стояли, и исцелились от терзающей их жажды, которую могли утолить, лишь причиняя боль ближним. Чума запечатлела свой сверкающий поцелуй на их лицах и пронеслась по огромному залу, избавляя от страданий других пленников. Она мгновенно облетела весь дворец и весь остров Уккастрог, невидимая, но неотвратимая.

Только Ильдрак, охраняемый талисманом, был неуязвим. Не понимая причин происходящего, он ошеломленно глядел на страшную гибель подданных и освобождение жертв. Минутой позже страх перед неведомым, губительным

колдовством заставил его броситься прочь. В беспредельном ужасе король заподозрил, что именно перстень стал источником враждебной магии. Лучи восходящего солнца осветили его стремительный бег к берегу моря, где обезумевший властелин сорвал с пальца кольцо Вемдееза и швырнул его далеко в пенистые волны.

Умиротворение Серебряной Смерти настигло теперь и его. Он опустился на землю: кроваво пурпурное одеяние подчеркивало неестественную белизну застывшего в предсмертной судороге лица. Король разделил судьбу своих подданных, и остров Уккастрог был предан забвению, а Мучители стали единым целым с теми, кого они мучили.

Путешествие короля Еворана

Корона королей Юстаима была сделана из самых редких материалов, которые только можно достать. Волшебное могильное золото обруча было добыто из огромного метеора, который упал на южном острове Цинтром, смертоносным землетрясением встряхнув тот от берега до берега. Это золото было тяжелее и ярче, чем любое золото из недр Земли. Цвет его менялся от пламенно-красного до желтого, в цвет молодой луны. Корону украшали тринадцать драгоценных камней, каждый из которых считался уникальным сам по себе. Драгоценные камни вызывали удивление, а внешне этот звездный обруч со странными, беспокойными огнями сверкал ужасно, как глаза в глазницах. Но самым замечательным было чучело птицы газолбы, которая собственно и формировала структуру короны, зацепившись стальными когтями за обруч, чуть выше бровей того, кто носил корону. Птица восседала по-царски, раскинув великолепное оперение из зеленых, фиолетовых и ярко-красных перьев. Ее клюв имел оттенок темно-красной меди, глаза

походили на маленькие темные гранаты в гранях драгоценного серебра. Семь кружевных, миниатюрных игл торчали из эбонитовой головы, а белый хвост ниспадал сзади, с обруча короны подобно лучам белого солнца. Последнюю газолбу, согласно рассказам моряков, убили на почти легендарном острове Сотар, далеко на востоке Зотика. Девять поколений взирало на корону Юстаима. Короли рассматривали ее как священную эмблему их благосостояния, и как талисман, неотделимый от королевской власти, чья потеря будет сопровождаться серьезным бедствием.

Еворан сын Карпума, был девятым королем, унаследовавшим эту корону. Он гордо носил ее в течение двух лет и десяти месяцев, после смерти Карпума от неумеренного потребления фаршированных угрей и студня из яиц саламандры. Во время всех государственных церемоний, на утренних приемах и ежедневных публичных аудиенциях, в суде, корона сверкала на голове молодого короля, придавая ему невероятное величие в глазах подданных.

Также, она отлично скрывала обидную раннюю плешивость короля…

Все случилось осенью третьего года правления Еворана. Король поднялся из-за стола после

завтрака из двенадцати перемен блюд и двенадцати вин, и отправился согласно традиции в зал правосудия, который занимал целое крыло его дворца в городе Аромоам, — творении из многоцветного мрамора, взиравшего с цветущих холмов на слегка колеблющиеся воды лазурного восточного океана.

Хорошо подкрепившись завтраком, Евориан чувствовал себя готовым распутать большинство запутанных клубков пряжи законности и преступлений, приговорить к скорому наказанию всех преступников. Около него, по правую руку от его трона, вырезанного из слоновой кости в форме гигантского кракена, облокотясь на булаву, со свинцовым наконечником тверже железа, стоял палач. Очень часто прямо возле трона он крошил этой булавой кости преступников, стараясь, чтобы их черепа были раздроблены у ног короля на полу, усыпанном черным песком. А по левую руку от трона, стоял профессиональный палач-мучитель, беспрестанно занимающийся винтами и шкивами внушающих страх инструментов пытки. Он казался предупреждением всем злодеям. И далеко не всегда его винты вращались впустую и шкивы сжимали воздух, и не всегда пустой были металлические механические ложа для пыток.

Тем утром констебли города представили королю Еворану только несколько мелких воров и подозрительного бродягу. Не было никаких уголовных преступлений, которые гарантировали бы работу для булавы или использование орудий пытки. Король был разочарован и серьезно сомневался в незначительности преступлений арестованных, в свою очередь пытаясь выдавить из каждого признание в более серьезном преступлении, чем те, в которых их обвиняли. Но оказалось, что воришки повинны только в мелких кражах, а бродяги были виноваты всего лишь в бродяжничестве. Еворан начал думать, что это утро предложит лишь скудные развлечения. Самым тяжелым наказанием, которое король мог наложить на провинившихся согласно закону — удары палками.

— Уберите эту шваль! — приказал король констеблям, и корона его затряслась от негодования. Со стороны могло показаться, что высокая птица газолба кивала и кланялась. — И сами с ними убирайтесь. Уберите их. Дайте каждому из них по сотне ударов колючками по голым ногам и не забудьте про пятки. А потом отведите их подальше от земель Аромоама, а если будут упираться, используйте раскаленные трезубцы.

Но прежде чем слуги бросились выполнять его приказ, в зале появились два запоздавших констебля. Они притащили очень странного, подозрительно выглядевшего человека в шипастом воротнике на длинных ручках, которые в Аромоаме использовали для наказания преступников и подозреваемых. Эти шипы, казалось, впились в его плоть, точно так же, как грязные тряпки, заменявшие ему одежды, но, несмотря на это арестованный извивался, как настоящий акробат. Из-за его движений констебли качались из стороны в сторону, словно хвосты воздушного змея. И вот этот невероятный незнакомец предстал перед Евораном. Несколько секунд король в изумлении рассматривал бродягу, быстро моргая, наблюдая как тот метнулся к полу, опрокинув констеблей, которые не ожидали такого. В итоге те растянулись на полу в присутствии Его Королевского Величества.

— Ха! И кто это у нас? — поинтересовался король зловещим голосом.

— Это бродяга, сир, — затаив дыхание ответил один из констеблей, чуть приподнявшись с пола и склонив голову в знак уважения. — Он двигался по главному проспекту Аромоама на такой же манер, прыгая из стороны в сторону, пока мы не

арестовали его.

— Такое поведение очень подозрительно, — с надеждой прорычал Еворан. — Арестованный, как тебя зовут, когда ты родился, чем занимаешься, в каких преступлениях ты виновен?

Косоглазый пленник молчал. Казалось, он оценивающе рассматривает Евориана, королевского палача с булавой и пыточных дел мастера с его инструментами. Он был очень некрасив, а его нос, уши и все остальное обладали нечеловеческой подвижностью. Лицо постоянно кривилось в гримасах, а грязная борода дергалась и извивалась словно морские водоросли в кипящем водовороте.

— У меня много имен, — наконец ответил он наглым голосом, звук которого неприятно резанул по ушам Евориану, словно кто стал водить металлом по стеклу. — Что до моего рождения и занятий, король, даже если ты узнаешь о них, тебе это ничего не даст.

— Да ты дерзишь мне, любезнейший! Отвечай, или раскаленное железо развяжет тебе язык, — взревел Евориан.

— Тогда знайте, я — некромант и был рожден в царстве, где одновременно разгораются рассвет и заря, и Луна светит так же ярко, как солнце.

— Ха! Некромант! — фыркнул король. — А знаешь ли ты, что некромантия в Юстаиме является преступлением? И мы с удовольствием отучим тебя от этого позорного занятия.

По знаку Евориана констебли потащили колуна к пыточному столу. К их удивлению, он почти не сопротивлялся, позволив приковать себя к железной кровати, которая вытягивала руки и ноги. Повелитель этих чудес начал работать над чародеем, двигая рычаги, раздвигая кровать, так что скоро стало казаться, вот-вот и пленник будет разорван на части. Дюйм за дюймом прибавлялся к его росту, и хотя через некоторое время его тело растянули на поллоктя, он, казалось, не испытывал никакого дискомфорта. К изумлению всех присутствующих, эластичность тела, рук и ног колдуна оказалась невероятной. Но вскоре и она достигла предела.

Все в зале молча рассматривали этого удивительного человека. Даже Евориан поднялся со своего трона и подошел к пыточному столу, как будто сомневался в том, что видели его глаза — зрелище оказалось очень необычным. А колдун сказал ему:

— Думаю, было бы хорошо освободить меня, король Евориан.

— И это ты мне говоришь? — в гневе выкрикнул король. — Однако, с преступниками в Юстаиме не так обращаются, — и он сделал знак палачу, и тут же массивная, тяжелая булава взлетела к потолку.

— Испытайте лучше это на собственной голове, — посоветовал некромант, и он тут же поднялся на железном ложе, оборвав цепи, словно те были из травы. А потом с высоты своего ложа он направил свой длинный указательный палец, темный и сухой, как у мумии, на корону короля и одновременно произнес иностранное слово, пронзительное и естественное, как крик мигрирующих птиц, подлетающих ночью к неизвестным берегам. И… В ответ на это слово над головой Евориана громко захлопали крылья, и король почувствовал, что корона его стала намного легче. Тень упала на короля и все присутствующие увидели в воздухе птицу газолду, которая, по словам моряков, была истреблена на далеком острове более двухсот лет назад. Крылья птицы, блестящие, как у живой, раскинулись, словно она собиралась воспарить, а в стальных когтях она сжимала обруч короны. Несколько секунд она провисела над троном, в то время как король в бессловесном страхе и испуге наблюдал за ней. А

потом с металлическим треском ее белый хвост развернулся, подобно лучам восходящего солнца, и птица стремительно вылетела через открытые двери, направляясь к морю, прочь из Аромоама в сторону восходящего солнца.

За ней огромными уродливыми прыжками последовал некромант, и никто даже не попытался задержать его. Но те, кто видел, как он покинуло город, в один голос утверждали, что он пошел на север по океанскому берегу, в то время как птица полетела прямо на восток, словно хотела вернуться на остров, где родилась. После того как некромант пересек границу соседнего с Ютаимом государства. Но команда торговой галеры из Сотара, которая чуть позже прибыла в Аромоам, как один утверждала, что видела разноцветную птицу газолбу, которая пролетела над ними в сторону разгорающейся зори. И еще моряки сказали, что птица несла в когтях обруч короны с тринадцатью одинаковыми драгоценными камнями. И хотя они побывали на многих архипелагах и видели поистине чудесные вещи, они считали появление этой птицы редким беспрецедентным предзнаменованием.

Король Евориан, у которого так неожиданно украли корону, сверкал неожиданно обнажив-

шейся проплешиной, теперь открытой для пристальных взглядов воров и бродяг прямо в зале правосудия. Если бы солнце стало черным в небесах, или стены королевского дворца рухнули, король был бы поражен намного меньше. На какое-то время ему показалось, что он вместе с короной — эмблемой и талисманом отцов — лишился своей королевской власти. И, кроме того, происшествие шло в разрез с законами Природы, законами Бога и человека. Некромант словно разом всех их отменил. Никогда прежде, во всей истории королевства никто не слышал о том, чтобы мертвая птица бежала из королевства Юстаим.

Действительно, потеря была страшным бедствием, и Еворан, нацепив объемный тюрбан фиолетовой парчи, устроил совет с самыми доверенными министрами относительно возникшей государственной проблемы. Министры были не менее обеспокоены и озадачены, чем король: птица и золотой обод были незаменимы. Но если слухи об этом расползутся по Юстаиму, среди людей начнутся брожения и беспорядки; некоторые станут плести заговоры против Еворана, говоря, что никакой человек не может быть законным правителем этой страны без короны с газолбой.

Тогда, согласно традиции королей, как положено во время национального кризиса, Еворан отправился в храм, в котором обитал бог Геол — бог живущий на Земле — главное божество Аромоама. Один с непокрытой головой и босиком, в соответствии с архиерейским законом он вошел в тусклое святилище, где находился образ пузатого, словно вылепленного из коричневого, в цвет земли фаянса, Геола, вечно сидящего, словно откинувшегося на спину, освещенного через многочисленные дыры в потолке храма. И, упав в пыль, которая собралась вокруг идола за многие годы, король воздал дань уважения Геолу. Он умолял оракула просветить и направить его. Через какое-то время, голос, исходящий из пупа бога и больше напоминающий подземный грохот стал членораздельным. И оракул сказал королю Еворану:

— Иди вперед, ищи газолбу на тех островах, что нежатся в лучах восточного солнца. Там, король, на далеких побережьях рассвета, ты снова увидишь живую птицу, которая является символом и благосостоянием твоей династии, и там собственной рукой, ты должен будешь убить ее.

Еворан успокоился, услышав слова оракула, так как предсказания того считали безошибоч-

ными. Королю казалось, что оракул простыми словами сказал ему, что он должен оправиться за потерянной короной Юстаима, которую унесла возвращенная к жизни птица. Возвращаясь в королевский дворец, он послал за капитанами самых больших и грозных кораблей, которые стояли на якоре в спокойной гавани Аромоама, и приказал, чтобы они быстро подготовились к долгому путешествию на восток к архипелагам восходящего солнца.

Когда все было готово, король Еворан поднялся на борт флагманского судна флота — высокий квадрireме с веслами древесины казуарина и парусами крепкой ткани из бисусса окрашенных в желтовато-пурпурный, с длинным знаменем на вершине мачты, с вышитой птицей газолбой в ее естественных цветах на поле небесного кобальта. Гребцы и моряки квадрireмы были могучими неграми с севера, а солдаты, поднявшиеся на борт — жестокими наемниками из Ксилака с запада. Кроме того король взял на борт своих любовниц, шутов и других придворных, также как достаточный запас ликеров и редких вин, чтобы в течение рейса не испытывать недостаток ни в чем. И помня пророчество Геола, король вооружился длинным луком и колчаном, заполненным стре-

лами, оперенными перьями попугаев; еще он прихватил пращу из кожи льва и духовую трубку черного бамбука, которая стреляла крошечными отравленными дротиками.

Казалось, боги одобряют путешествие, потому что в утро отъезда свежий ветер дул с запада. Флот, насчитывающий пятнадцать судов, подняв паруса, понесся навстречу встающему из моря солнцу. И прощальные вопли и крики людей на причалах, приветствовавших Еворана, скоро стихли, приглушенные расстоянием и мраморные здания Аромоама, раскинувшиеся на четырех пологих холмах, растаяли в лазури береговой линии Юстаима. И после того, в течение многих дней, окованные железом деревянные клювы галер мягко рассекали море цвета индиго, которое нетронутым расстилалось во все стороны к безоблачным, темно-синим небесам.

Доверяя оракулу Геола, богу спустившемуся на Землю — тому, кто ни разу не подвел его отцов, король повеселел, стал таким, как обычно. Развалившись под шафрановым навесом на корме квадриремы, он жадно пил из изумрудного кубка вино и бренди, которые прихватил из подвалов дворца. Они хранили тепло лучей горячего древнего солнца и холод черного инея забвения.

Король смеялся над грубостью своих шутов, неисчерпаемых в древних непристойностях, которые вызывали смех других королей на утонувших континентах былого. И женщины отвлекали его, используя приемы флирта, которые были древнее, чем Рим и Атлантида. Но он все время держал под рукой, возле своего ложа, оружие с помощью которого он собирался охотиться и надеялся убить снова птицу газолбу, как предсказал оракул Геола.

Ветры дули неизменно и были благоприятны. Флот несся вперед, и огромные черные гребцы весело пели, сидя на веслах. Великолепные паруса громко хлопали, и длинные флаги развивались в небе, подобно языкам пламени. Через две недели они прибыли в Сотар, чьи пологие берега заросли кассией и саго, создав в море барьер, протянувшийся на сотни лиг с севера на юг. И в Лоифе, главном порте, эскадра остановилась, чтобы расспросить о птице газолбе. Ходили слухи, что птица пролетела над Сотаром. Люди поговаривали, что хитрый волшебник Иффибос заставил ее спуститься с небес, и поймав, запер в клетке сандалового дерева. Так что король высадился в Лоифе, считая что его поиски, возможно, вот-вот закончатся. С верными капитанами и воинами

он отправился на поиски Иффибоса, который обитал в отдаленной пещере среди гор в глубине острова.

Это была утомительная поездка, и Еворана сильно раздражали огромные и злобные комары Сотара, которые не испытывали никакого уважения к королевской персоне и всегда проскальзывали под его тюрбан. И когда, после проволочек и блужданий в густых джунглях, он прибыл к дому Иффибоса, расположенному на высокой, шаткой скале, оказалась, что птица, которую поймал волшебник, просто один из стервятников с яркими перьями, из тех, что водятся в этих районах, которого Иффибос приручил для собственного развлечения. Так что король вернулся в Лоиф, отклонив грубое приглашение волшебника, который хотел показать королю необычные фокусы, которым он обучил стервятника. В Лоифе король не остановился больше чем необходимо для того, чтобы загрузить на борт пятьдесят фляг королевского ар-рака, в производстве которого Сотар превосходит все другие земли.

Тогда, двигаясь вдоль южных утесов и мысов, вокруг которых в непомерно глубоких пещерах необыкновенно ревело море, суда Еворана покинули Сотар и оставили позади Тоск, чьи оби-

татели были более сродни обезьянам и лемурам, чем людям. Еворан попробовал поинтересоваться у них относительно газолбы, но в ответ услышал лишь болтовню обезьян. Так что король приказал, чтобы его воины отловили как можно больше этих диких островитян и пытали их, привязав к кокосовым пальмах. И воины целый день преследовали ловких обитателей Тоска среди деревьев и валунов, которых на острове было полным-полно, но так ни одного и не поймали. Так что королю пришлось удовольствоваться, отдав палачам нескольких воинов, приказав казнить их за неудачу. Потом флот Евориана приплыл к семи атоллам Юаматот, чьи жители были главным образом каннибалы. Обычно суда Юстаима не плавали так далеко на восток. А теперь они вошли в Илозианское море, и приблизились к землям, считающимся мифическими, которые нанесли на карты, руководствуясь лишь рассказами.

Было бы довольно скучно полностью пересказывать все подробности путешествия Евориана и его капитанов «на зарю». Миновав архипелаг Юаматот они не раз сталкивались с удивительными явлениями и чудесами, но нигде не смогли найти ни одного пера газолбы. Однако странные

обитатели тех островов никогда раньше не видели волшебной птицы.

Тем не менее, король видел множество стай неизвестных, огненнокрылых птиц, которые пролетали между галерами, перелетая с острова на остров. Часто высаживаясь на острова, король охотился с помощью лука на небольших попугайчиков, лирохвостов и олуш, или стрелял из духовой трубки по золотистым какаду. На безлюдных берегах он гонялся за дронтом и динорнисом. И однажды в море среди высоких, как столбы, бесплотных скал на флот напали могучие грифоны. Они пикировали вниз со скал, на которых были устроены их гнезда. В полуденном солнечном свете их крылья сияли так, словно перья были выкованы из меди и звенели, словно металлические щиты во время битвы. Свирепых и неуступчивых грифонов с трудом отогнали с помощью валунов, которые швыряли катапульты судов.

Флот Еворана двигался на восток, где в небе было множество самых разных птиц. Однако на закате четвертой луны, взошедшей с тех пор, как они покинули Арамоам, суда приблизились к безымянному острову, берега которого поднимались из воды утесами голого, черного бальзата,

у подножья которых море яростно ревело. Над этим островом не реяли птицы. Там росли лишь искривленные кипарисы, какие могли бы вырасти разве что на ветреном кладбище. И в темноте эти деревья едва заметно светились, словно были пропитаны коркой темной крови. Неподалеку в утесах путешественники обнаружили странный карниз с колоннами, похожий на покинутое жилье троглодитов, но, судя по всему, недоступное людям. Хотя пустые пещеры были раскиданы по всему острову, Евориан приказал бросить якоря, объявив, что способ подняться на утесы, они поищут на следующий день. Занимаясь поисками газолбы, он старался без должного изучения не пропустить ни одного острова в стране заходящего солнца, даже того, где никаких птиц и вовсе не было…

Темнота наступила очень быстро. И в темноте моряки на судах, стоящих на якоре, видели друг-друга только благодаря фонарям. Евориан ужинал у себя в каюте, потягивая золотой арак из Сотара, одновременно набивая рот мясом фламинго и манговым желе. И на судах моряки и воины приступили к вечерней трапезы, а гребцы ели чечевицу и рис прямо на своей палубе. Вдруг один из вахтенных закричал, поднимая тревогу,

и все суда качнулись и чуть просели, словно на них навалился огромный груз. Никто не понял, что происходит, и поначалу возникла суматоха, так как моряки решили, что атакованы пиратами. Те, кто вглядывался во тьму через порты и отверстия для весел, заметили, как потемнели огни на кораблях их соседей, а облака начали странным образом клубиться, опускаясь. А потом они разглядели, что это грязные, темные существа размером с человека и крылатые как птицы. Твари стали во множестве цепляться за весла, садиться на палубы, оснастку и мачты. Казалось, эти существа вели ночной образ жизни и летали, как летучие мыши, Они слетелись к кораблям, выбравшись из пещер зловещего острова.

Потом, словно создания из кошмара, чудовища полезли в люки и порты, впиваясь адскими когтями в людей, которые пытались противостоять им. Тварям тяжело было двигаться внутри корабля из-за крыльев, их отгоняли копьями и стрелами, но они возвращались снова и снова, и не счесть было их числа. Их писк звучал приглушенно и напоминал крики летучих мышей. Очевидно, они были вампирами, потому что всякий раз выхватив из толпы человека, они быстро высасывали его, так что оставался лишь мешок

кожи с костями. Верхние наполовину открытые весельные палубы оказались быстро захвачены, хотя люди отчаянно боролись с ужасным потоком, а гребцы с нижней палубы кричали, что морская вода заливает их через отверстия для весел, в то время как корабли погружались все глубже и глубже под все увеличивающимся весом крылатых вампиров.

Всю ночь люди Евориана отчаянно сражались с вампирами, не пуская их в люки и порты, уступая друг другу место, когда стоящие в первых рядах уставали. Многих моряков схватили в эту ночь и на глазах их же товарищей, выпили из них кровь. К тому же казалось, этих вампиров невозможно убить обычным оружием. И кровь, которую они пили, ручьями текла из их многочисленных ран. Тварей становилось все больше, и триремы, и ква-триремы погрузились настолько глубоко, что гребцы нижних палуб захлебнулись.

Король Еворан пришел в ярость от этой непристойной суматохи, прервавшей его ужин. А когда золотой арак пролился на стол, и блюда с изысканным мясом полетели на пол из-за того, что судно сильно раскачивалось, король вышел из своей каюты в полном вооружении. Он хотел попробовать договориться с мерзкими тварями.

Но, когда он попытался пошире открыть дверь каюты, раздался мягкий стук в иллюминатор за спиной короля. Женщины, которые были с королем, закричали, а шуты завопили от ужаса. В свете ламп король увидел ужасное лицо с зубами и ноздрями летучей мыши — тварь пыталась пролезть в каюту через один из иллюминаторов. Король ударил тварь в лицо, а после этого, до рассвета, бился с вампирами используя оружие, которое приготовил для убийства газолбы. Капитан корабля, который ужинал вместе с ним, защищал второй порт с помощью клеймора. А третий защищали два евнуха короля, вооруженные ятаганами. В эту ночь, король порадовался тому, что порты такие узкие, и крылатые твари едва могли протиснуться в каюту. После долгих темных часов утомительной борьбы, ночь сменили бурые сумерки, и вампиры поднялись с кораблей черным облаком и вернулись к пещерам в высоких утесах безымянного острова. Тяжело стало на сердце Еворана, когда он изучил ущерб, причиненный его флоту. Из пятнадцати судов семь в эту ночь затонули, под тяжестью орд, опустившихся на них. Палубы других были залиты кровью словно на скотобойне. Половина моряков, гребцов и воинов превратились в

мешки из кожи, высосанные большими летучими мышами. Паруса флаги были изодраны в лохмотья, и все еворанские галеры от носа до руля, были покрыты вонючей слизью. Чтобы на следующую ночь не оказаться в пределах досягаемости крылатых тварей с этого проклятого острова, король приказал капитанам судов, оставшиеся на плаву, поднимать якоря. И вот суда, с нижними палубами залитыми морской водой и усыпанными утонувшими гребцами, все еще прикованными к веслам, медленно поплыли на восток. Вскоре изъеденные стены острова исчезли за горизонтом. Но впереди не было никакой земли в поле зрения. После двух дней, все еще отбиваясь от вампиров, корабли Еворана прибыли на коралловый остров, едва поднимающийся из воды. Тут была спокойная лагуна, которую часто посещали океанские птицы. Там Еворан сделал остановку, чтобы восстановить изодранные паруса, откачать воду из трюмов и отчистить палубы от крови и мерзости.

Злобствуя из-за бедствия, обрушившегося на его эскадру, король не собирался отказываться от своей цели. Он собирался плыть и дальше на рассвет, поскольку Геол предсказал, что король должен найти газолду и убить ее собственной

королевской рукой. На следующую ночь они проплыли мимо других и более странных архипелагов, и приплыли в те края, о которых ходили только мифы.

Утром, окрасившим море в пурпурные цвета, стая золотистых попугаев пересекла дорогу путешественникам, а когда полдень разгорелся, словно мрачный сапфир, мимо, направляясь к неведомым берегам, пролетели фламинго. Незнакомые звезды загорелись над кораблями и моряки слышали печальные крики лебедей, которые летели на юг, убегая от зимы неведомых царств в поисках лета в неизвестных землях. Путешественники говорили с невероятными людьми, которые носили мантии из перьев птицы рух, шириной в эль, тянущиеся следом за ним по земле. И с людьми, щеголявшими в перьях апиорна. Еще они встречались с придурковатыми аборигенами, чьи тела покрывал пух только что вылупившихся птенцов, который, казалось, был приколот к телу булавками с большими шляпками. Но нигде люди короля так ничего нее узнали о газолбе.

Как-то утром, в начале шестого месяца путешествия, перед эскадрой появился новый и неизвестный берег. Изгибаясь, он протянулся на

много миль с северо-востока к юго-западу. Тут были и защищенные гавани, и утесы, и остроконечные скалы, меж которыми лежали поросшие зеленью долины. Когда галеры подплыли к этой земле, Еворан, и его капитаны увидели, что на некоторых самых высоких утесах возвышаются башни, но в заливах у их подножий не было никаких судов на якорях, между которыми сновали бы лодки. Берег был диким — зеленые деревья и трава. Подплыв ближе, заходя в гавань, путешественники так и не заметили никаких признаков присутствия человека, если не считать башен, на вершине скал.

Однако тут было полным-полно самых различных птиц, самого разного размера, от небольших синиц и птиц семейства воробьиных с размахом крыла больше, чем у орла или кондора. Они кружились над судами выводками и большими, разноцветными стаями, казались одновременно любопытными и осторожными. И Еворан видел, что массы крылатых то и дело поднимались над лесом, над утесами и башнями. Он напомнил себе, что прибыл, охотясь за газолбой. Тогда вооружившись для преследования, он спустился на берег в маленькой лодке с несколькими слугами.

Птицы, даже самые большие, были робкими и

безобидными. А когда король высадился на пляже, ему показалось, что сами деревья обратились в бегство, столь многочисленными оказались птицы, сорвавшиеся с места и полетевшие вглубь острова, или на поиск скал и бельведеров, где их невозможно было достать ни из какого лука. Вскоре ни одной птицы не осталось поблизости, и Евворан поразился такой хитрости. Кроме того король был сердит, поскольку не хотел уезжать, не сбив трофей, чтобы потренироваться, даже если не найдет газолбу. И он считал поведение птиц тем более любопытным из-за того, что остров был необитаем. Единственные дорожки на острове протоптали дикие животные. Лес и луга выглядели совершенно невозделанными. Башни казались заброшенными, и только морские птицы влетали и вылетали из их пустых окон.

Король и его люди прочесали пустынный лес, двигаясь вдоль берега, и вышли к крутому склону, поросшему кустарником и карликовыми кедрами, на верху которого возвышалась самая высокая башня. Стоя у основания склона Еворан увидел маленькую сову, которая спала на одном из кедров, словно совершенно не замечая волнения, охватившего остальных птиц, и заставившего их подняться в воздух. Еворан

выпустил стрелу и сбил сову, хотя обычно не охотился на столь пустяковую добычу. Он уже собирался подбирать упавшую птицу, когда один из людей, которые сопровождали его, закричал как будто в тревоге. Король в это время как раз наклонился, скрытый ветвями кедра. Повернув голову, он увидел колоссальную стаю птиц по размеру большую чем все, что он видел до того на этом острове. Они снизились, скользнув от башни подобно ударам молнии. Прежде, чем король наложил на тетиву следующую стрелу, они обрушились на него, моментально повалив на землю, превратившись в бурю хлещущих перьев и водоворот безжалостных клювов и когтей. Прежде чем его люди смогли прийти ему на помощь, одна из птиц огромными когтями впилась в плечо короля, укрытого мантией, безжалостно терзая плоть, сжала когти и унесла его к башне на скале так легко, как сокол нес бы маленького зайчонка. Король был совершенно беспомощным. Он потерял лук, когда птицы набросились на него, а его духовое ружье выпало из-за пояса, на котором висело, точно так же как все дротики и стрелы. У короля не осталось никакого оружия, кроме острого кинжала, каким обычно добивали поверженного врага. Но Еворан не мог использовать

кинжал против своего похитителя в воздухе.

Король стремительно приближался к башне, окруженный птицами. Те летали возле короля и вопили, словно высмеивали его, пока он окончательно не оглох от их криков. И волна тошноты накатила на него из-за высоты, на которую его подняли и того, как это случилось. Едва сдерживая головокружение, он увидел, как мимо проплывают стены башни с широкими, подобными дверям окнами. И тогда он начал блевать. Его пронесли через одно из окон и грубо швырнули на полу высокой и просторной палаты.

Он растянулся в полный рост лицом вниз, обмакнувшись в собственную рвоту. Он не видел, что его окружает. Потом, оправившись, он с трудом сел и увидел перед собой, на своего рода возвышении, огромного окуня из красного золота и желтой слоновой кости, вырезанного в форме нового полумесяца, выгибающего вверх. Окунь был укреплен между колоннами черной яшмы, испещренный вкраплениями, напоминающими капли крови. На этом окуне сидела самая большая и необыкновенная птица. Она уставилась на Еворана с мрачным, ужасным, строгим выражением, и когда зрение императора прояснилось, он понял, что накажет своих стражей за

нерасторопность. Оперение птицы было ярко фиолетовым, а ее клюв походил на огромную кирку из бледной бронзы, которая становилась более темной и зеленоватой к кончику. Птица сжимала окуня железными когтями — более длинными, чем пальцы воина. Ее голову украшали иглы бирюзово-синего и янтарно-желтого цветов, подобно короне. А на длинном, неоперенном горле, грубом, как кожа дракона, она носила необычное ожерелье, составленное из человеческих голов и голов различных хищников вроде ласки, дикого кота, горностая и лисы — все они были уменьшены до одного размера и выглядели не больше земляных орехов.

Еворан испугался, увидев эту птицу. И его тревога не стала меньше, когда он увидел, что много других птиц меньшего размера сидят в палате на менее дорогих и более мелких окунях, как гранды могли бы сидеть в присутствии своего суверена. А позади Еворана, словно страж, стояла та самая птица, что принесла короля в башню, и ее товарищи.

А потом, испугав короля еще больше, огромная птица с фиолетовыми крыльями обратилась к нему с человеческой речью. Птица сказала ему резким, но высокопарным и величественным

голосом:

— Слишком смело, отброс рода человеческого. Ты вторгся в мир Орнавы, на остров, который является священным для птиц. Чтобы ты знал, я — монарх всех птиц, которые летают, ходят, ковыляют или плавают на Земле. А Орнава — моя столица. Истина же в том, что правосудие должно восторжествовать, я осужу тебя за твое преступление. Но если тебе есть что сказать в свою защиту, я выслушаю тебя. Я выслушал бы даже земных паразитов, чтобы никто не смог бы обвинять меня в несправедливости или тирании.

Тогда, едва сдерживаясь, хотя в глубине души очень испуганный, Еворан ответил птице. Он сказал:

— Я прибыл сюда в поисках газолбы, которая украшала мою корону в Юстаиме, и была преступно украдена у меня вместе с короной с помощью чар преступника-некроманта. Знай же, что я — Еворан, король Юстаима, и я не поклонюсь никакой птице, даже самый могущественной.

После этого правитель птиц, пораженный и более возмущенный, чем прежде, стал задавать Ево-рану вопросы и сильно интересовался относительно газолбы. Повелитель птиц узнал, что эта газолба в свое время была убита моряками.

Впоследствии из нее сделали чучело, и что цель Еворана состоит в том, чтобы поймать и убить птицу во второй раз, а потом заново соорудить из нее чучело. Тогда повелитель птиц воскликнул гневно и громко:

— Это в твоем случае не поможет, но выставляет тебя дважды виновным и трижды опозоренным. Ты обладал отвратительной вещью, противоречащей самой сути природы. В моей башне я держу тела людей, которых мои набивщики чучел наполнили для меня, но не допустимо, не терпимо, чтобы человек таким образом относился к птицам. Теперь после правосудия и возмездия, я передам тебя одному из моих таксидермистов. В самом деле, чучело короля — ведь даже паразиты имеют королей — разнообразит мою коллекцию.

После этого, он обратился к охране Еворана и приказал им:

— Уберите с глаз долой эту мерзость. Посадите в клетку этого человека и постоянно наблюдайте за ним.

Еворан, которого, подклевывая, подстегивали и направляли охранники, был вынужден подняться по покатой лестнице с широкими тиковыми ступенями. Она вела из палаты на вершину башни. В центре комнаты наверху стояла бамбуковая

клетка более чем достаточная для шести человек. Короля загнали в нее и птицы заперли дверцу, действуя когтями, которые, казалось, имели ловкость пальцев. После один из них остался у клетки, уставившись на Еворана через щели между прутьями, а другой вылетел через большое окно и не возвращался.

Король сел на груду соломы, так как в клетке больше ничего не было. Отчаяние накатило на него. Ему казалось, что тяжелое положение в которое он попал, и ужасно, и позорно. И еще он был очень удивлен, что птицы, говорили как люди. Это само по себе казалось оскорбительно и оскорбляло все человечество. И еще столь же оскорбительным Еворан счел то, что птица живет как государь, окруженная слугами, готовыми выполнить любое ее желание, в великолепии, обладая властью короля. Обдумывая подобное безбожное положение вещей, Еворан ждал своей гибели в клетке, предназначенной для людей. Через некоторое время в глиняных сосудах ему принесли воду и зерно, но он не мог есть зерно. А позже, когда время подошло к полудню, он услышал крики людей и вопли птиц в башне. И перекрывал этот шум звон оружия и грохот валунов, падающих со скал. Так что Еворан знал,

что его моряки и солдаты, видя, что его унесли и держат в башне, напали на нее, пытаясь его освободить. И еще был шум, переходивший в ужасный и зверский — крики смертельно раненных людей и мстительное карканье гарпий. Потом шум битвы и крики стали слабеть и Еворан понял, что его люди не сумели захватить башню. Надежда угасла, умерла, растворившись в темном мраке отчаяния.

Наступил полдень, солнце снизилось над морем и его лучи коснулись Еворана, скользнув через западное окно и словно в насмешку окрасили прутья его клетки в золото. Теперь свет залил комнату, а после сгустились сумерки, сплетая словно паутину дрожащие фантомы из бледного воздуха. И между закатом и темнотой ночи, вошла вечерняя охрана, чтобы освободить птицу, которая весь день охраняла пленного короля. Вновь прибывшая птица обладала ночным зрением — ее глаза пылали желтыми огнями, и ростом она была с Еворана, но была сложена совершенно по другому. У этой птицы были крепкие ноги, как у курицы. Еворан взглянул в глаза птицы, которые горели, взирая на него. По мере того, как становилось все темнее, ее глаза разгорались. Едва ли король мог выдержать пристальный взгляд

этой птицы. Но скоро поднялась луна — почти полная. Комнату залил серебристый цвет, и глаза птицы побледнели. И тогда Еворан задумал отчаянный план.

Его тюремщики, решили, что все его оружие потерянно и позабыли удалить с его пояса мизрекорд — длинный, обоюдоострый и острый, как игла, кинжал. Украдкой сжав его рукоятку под мантией, король притворился, что ему стало плохо, застонал, стал метаться в конвульсиях, ударяясь о прутья клетки. Когда король начал это представление, большая птица подобралась ближе, заинтересовавшись, пытаясь понять, что беспокоило короля, наклонила голову, напоминавшую голову совы, просунула ее между прутьями клетки. А король, симулируя сильные конвульсии, вытянул кинжал из ножен и резко ударил в вытянутое горло птицы.

Сильное желание вернуться домой охватило короля, и орущая птица залила его кровью. Птица упала, так шумно хлопая крыльями, что Ево-ран испугался, что от этого звука проснуться все обитатели башни. Но оказалось, что его опасения беспочвенны. Ни одна птица не заглянула в палату. Скоро агония стража прекратилась, и он неподвижно застыл большой кучей взъерошен-

ных перьев. Тогда король продолжил выполнять свой план, и без особого труда снял задвижку с широкой бамбуковой двери из прутьев. Подобравшись к началу деревянной лестницы из тика, которая вела в нижнюю залу, король посмотрел вниз и увидел повелителя птиц, спящего в лунном свете на своем каменном окуне. Тот спрятал под крылом свой ужасный клюв-кирку. Еворан боялся, что если он спустится в палату, правитель проснется и увидит его. А потом королю пришло в голову, что нижние этажи башни могли хорошо охраняться такими же птицами, как ночное существо, которое он убил.

Снова его захлестнула волна отчаяния. Тогда хитрый и ловкий Еворан решил использовать другой план. Взявшись за работу, он с помощью кинжала содрал шкуру с ночной птицы и счистил, как мог кровь с его оперения. Потом Еворан обернулся в шкуру птицы, пристроил ее голову поверх собственной головы, проделав дыры в коже его горла, через которые мог смотреть. Шкура хорошо скрывала короля, так как у него, точно как у птицы, была грудь колесом и живот. И ноги у него были такие же толстые, как у птицы, шкуру которой он нацепил.

Потом подражая походке и осанке этой птицы,

король спустился по лестнице, шагая осторожно, чтобы не упасть. Он старался не шуметь, чтобы повелитель птиц не проснулся и не заметил его обман. Повелитель находился в зале в полном одиночестве, спал не шевелясь, пока Еворан спускался и украдкой пересекал палату. Король сразу направился к другой лестнице, ведущей на следующей этаж.

В комнате этажом ниже было много больших птиц, спящих на окунях, и король прошел среди них, готовый в любой момент умереть. Некоторые из птиц шевелились и вяло щебетали, как будто сознавая присутствие человека. Но ни одна из птиц не бросила ему вызов. А когда он спустился в третью комнату то был поражен, увидев замершие фигуры людей. Некоторые в одежде моряков, другие одеты подобно торговцам. Были тут и вовсе нагие, раскрашенные яркими красками, подобно дикарям. Люди выглядели зачарованными. Король боялся их ненамного меньше, чем птиц. Но он помнил, что повелитель сказал ему — они были людьми, которые были схвачены как и он, убиты птицами и сохранились в виде хорошо набитых чучел. Дрожа, он прошел в следующую комнату, наполненную котами, тиграми, змеями и различными другими врагами рода птичьего.

Следующая комната располагалась еще ниже у самой земли, у самого основания башни, и ее окна и двери сторожили несколько гигантских ночных птиц, вроде той, чью кожу носил король. Здесь и в самом деле его подстерегали самая большая опасность и самое большое испытание, потому что птицы с тревогой уставились на него своими большими святящимися глазами — золотыми шарами. Они приветствовали короля мягким уханьем, словно совы. Колени Еворана скрытые под шкурой птицы едва сгибались. Он ответил птицам подражая звуку, который они издавали, прошел мимо охраны и его не тронули. Добравшись до открытой двери башни, король увидел скалу, залитую лунным светом, находящуюся на расстоянии не больше, чем на два локтя ниже. Он прыгнул из дверного проема, как птица, а потом начал спускаться со скалы, перебираясь с выступа на выступ, пока не достиг начала того откоса у основания которого он убил сову. Спуск оказался более легким, и вскоре король прибыл в лес возле гавани.

Но, прежде чем он вошел в лес, пронзительно запели стрелы, и король был легко ранен одной из них. Он взревел от гнева и снял шкуру птицы. Этим, без сомнения, он спас себя от смерти от руки

собственных подданных, которые пробирались через лес с намерением напасть на башню ночью. Узнав это, король простил ранившего его стрелка и решил, что лучше воздержаться от нападения на башню, и оставил остров со всеми своими моряками. Вернувшись на свое флагманское судно, он приказал, чтобы все капитаны немедленно снялись с якоря и подняли паруса. Зная, насколько могущественный повелитель птиц, король опасался преследования. Он считал, что чем шире полоса моря ляжет между его судами и тем островом до рассвета, тем будет лучше. Так что, покинув спокойную гавань, они обогнули северовосточный мыс и поплыли на восток навстречу луне. Еворан, запершись в своей каюте, пировал, приказав накрыть разнообразный и богатый стол, чтобы забыть о том, чем кормили его в клетке. Еще он выпил целый галлон пальмового вина и добавил целый кувшин светло-золотого арака Сотара.

На полпути между полночью и утром, когда остров Орнава остался далеко позади, рулевые судов заметили стену эбонитовых облаков, стремительно несущихся по небу. Воздух вибрировал от раскатов грома. И вот шторм настиг флот Ево-рана и обрушился на него, словно адский

ураган, несущийся через мешанину беззвездного хаоса. В темноте суда потеряли друг друга. На рассвете квадрерима короля оказалась в полном одиночестве среди бурных волн и мечущихся облаков. Мачта корабля была сломана, так же, как и большая часть деревянных весел. Судно стало игрушкой для демонов бури.

В течение трех дней и ночей, в бурлящей тьме кипящего неба не было ни мерцания солнца, ни света звезд. Судно швыряло так, словно оно попало в поток, впадающий в безграничный залив за краем мира. Только на четвертый день облака немного разошлись, но все еще дувший ветер напоминал дыхание ада. И тогда, едва различимая сквозь брызги и пар, перед судном возникла земля. Рулевой и гребцы оказались совершенно беспомощны, они не могли повернуть обреченное судно. Вскоре, с треском дробя резной нос и ужасно скрипя днищем, судно врезалось в низкий риф, скрытый под бурлящей пеной, и ее более низкие палубы быстро залило водой. Судно начало тонуть. Его корма наклонялась все больше и больше, и вода пенилась вдоль фальшборта.

Мрачным, усеянным скалами, суровым был берег за рифом, едва различимый через завесу пены яростного моря. Безжизненной казалась

эта земля. Но прежде чем разрушенное судно ушло под воду, Еворан привязал себя веревками к пустому винному бочонку и бросился в море с кренящейся палубы. И те из его людей, которые еще не утонули и не были унесены за борт тайфуном, стали прыгать в бушующее море следом за королем. Некоторые считали себя хорошими пловцами, другие цеплялись за бочки, за обломки рей или доски. Большую часть моряков затянуло в кипящие водовороты или до смерти разбило о камни. В итоге из всей команды судна выжил только один король. Его выбросило на берег и он, хоть и наглотался горькой воды, все еще дышал.

Едва не утонувший, без чувств, он лежал там, где прибой выбросил его на пляж. Скоро буря начала стихать, и большие волны стали много ниже, облака приобрели жемчужный оттенок и солнце, взошедшее над скалами, засияло над Евораном на безупречно голубом небе. И король, все еще ошеломленный грубыми ударами моря, услышал смутно, как будто во сне, крики неизвестной птицы. Тогда, открыв глаза, он увидел в небе птицу с широко раскинутыми крыльями. У нее были перья самых разных цветов. Король знал ее, как газолбу. Снова прокричав резким и пронзительным голосом, напоминающим голос

павлина, птица на мгновение зависла над ним в воздухе, а затем полетела вглубь острова, проскользнув через трещину среди скал.

Забыв обо всех своих неприятностях и потере гордых военных галер, король поспешно отвязал себя от пустого бочонка. Борясь с головокружением, он последовал за птицей. И, хотя он был теперь безоружен, ему казалось, что предсказание оракула Геола вот-вот исполниться. С надеждой он вооружился большой дубиной из сухого дерева и подобрал тяжелый камень на пляжа, а потом продолжил преследование газолбы.

За расселиной среди высоких и крутых скал, он отыскал заброшенную долину со спокойными источниками, лесом экзотических деревьев и зарослями цветущих ароматных кустов. Здесь, скользя изумленным взглядом с ветви на ветку, он увидел множество птиц с безвкусным оперением газолбы. И среди них он не мог отличить ту птицу, которую преследовал, считая ее частью потерянной короны. Существование множества подобных птиц было выше его понимания, так как он и все его подданные думали, что птица на короне, уникальная, единственная во всем мире, так же как и другие части короны Юстаима. И тогда король понял, что его предки были обмануты

моряками, которые убили птицу на отдаленном острове и поклялись, что она последняя из своего вида.

Однако, хотя гнев и замешательство завладели Евораном, он помнил, что одна из птиц этой стаи все еще останется эмблемой и талисманом его королевской власти в Юстаиме, и из-за нее он отправился путешествие к островам рассвета. Бросая палки и камни, он попробовал сбить одну из газолб. И всякий раз, когда он пытался подобраться к ним, птицы перелетали от дерева до дерева с неприятными криками — буря перьев, имперский блеск. И в один прекрасный миг то ли хорошо прицелившись, то ли совершив удачный бросок, Еворан убил газолбу.

Когда же он пошел подобрать сбитую птицу, он увидел человека в плохо скроенных изодранных одеяниях, вооруженного грубым луком, и несущего на плече связку газолб, связанных вместе за ноги жесткой травой. И еще: незнакомец носил вместо головного убора шкуру и перья тех же птиц. Он подошел к Еворану, крича что-то нечленораздельное через спутанную бороду. Король с удивлением уставился на него и, переполненный гневом, громко закричал:

— Мерзкий раб, как смел ты убивать птиц, кото-

рые священны для королей Юстаима? И знаешь ли ты, что только короли могут носить головные уборы из оперения этих птиц? Я — король Еворан, заставлю тебя за это ответить.

Уставившись на Еворана, незнакомец смеялся долго и от души, как будто считал короля человеком, сказавшим нечто остроумное. Он, казалось, нашел много смешного в словах короля — человека в изодранной и жесткой от высохшей морской воды одежде, чей тюрбан унесли предательские волны, выставив на показ его плешивость. Отсмеявшись, незнакомец сказал:

— В самом деле, это — первая шутка, которую я услышал за девять лет. Так что ты должен простить мне мой смех. Вот уже девять лет как я потерпел кораблекрушение на этом острове. А до этого я был морским капитаном родом с юго-запада из земли Юллотрой. Я единственный член команды с моего судна, который выжил и выбрался на берег. Всех эти годы я не слышал речи другого человека, так как этот остров лежит в стороне от морских маршрутов. Тут кроме птиц никто не живет. А что касается твоих вопросов, с готовностью отвечу: я убиваю эти птицу, чтобы не страдать от мук голода. На этом острове нет ничего съедобного, если не считать корней и

ягод. И я ношу на голове шкуру и перья птицы, потому что мою феску унесло море, когда оно грубо выбросило меня на этот берег. К тому же я знать не знаю тех странных законов, о которых ты упоминал. А кроме того, твой королевский сан никого не волнует — этот остров не принадлежит ни одному королевству, к тому же я намного сильнее и лучше вооружен. Поэтому советую тебе, король Еворан, так как ты убил птицу, возьми ее и иди со мной. Тогда, быть может, я смогу помочь тебе освежевать и поджарить эту птицу, поскольку я полагаю, что ты лучше знаком с изделиями кулинарного искусства, чем с практикой их приготовления.

Выслушав незнакомца, гнев Еворана притух подобно пламени, которое так и не разожгло костра. Теперь он ясно осознал тяжелое положение, в которое в конце концов попал, достигнув цели своего путешествия. И только сейчас он с горечью понял всю иронию, сокрытую в предсказании оракула Геола. И король понял, что потерял свой военный флот, рассеянный среди таинственных островов или унесенный в неведомые моря. А потом он понял, что никогда больше не увидит мраморные здания Аромоама, не будет жить в приятной роскоши, не будет вершить закон с

помощью пыточных дел мастера и палача в зале правосудия, не будет носить корону с газолбой под аплодисменты его подданных. Так, лишившись цели в жизни, он отдался на волю Судьбы.

И тогда он ответил капитану:

— В том, что ты говоришь, есть смысл. Веди.

Подобрав мертвую птицу, Еворан и капитан, которого звали Наз Оббамар, направились к пещере в скалистом склоне холма, который Наз Оббамар выбрал для своего жительства. Там капитан развел огонь из сухих кедровых ветвей, и показал королю, как ощипать птицу и поджарить ее, медленно поворачивая на вертеле из зеленой ветки камфорного дерева. И Еворан, голодный, нашел мясо газолбы вполне съедобным, хотя несколько постным и чересчур ароматным.

После того, как они поели, Наз Оббамар принес из глубины пещеры грубую глиняную флягу с вином, которое делал из ягод. Он и Еворан пили из фляги по очереди. Потом они рассказали друг другу о своих приключениях, и забыли о грубости и своем тяжелом положении.

Так они и жили на острове газолб, убивая и поедая птиц когда испытывали голод. Иногда, для разнообразия, они убивали и ели других птиц, которые редко встречалась на острове, хотя их было

достаточно и в Юстаиме, и в Юллотрое. И король Еворан сделал себе головной убор из шкуры и перьев газолба, точно такой же как у Наза Обба-мара. Так они и прожили до конца своих дней.

Бог из храма смерти

— Мордиган — бог города Зуль Бха Сейра, — возвестил хозяин постоялого двора с подобострастной торжественностью. — Он был богом с тех незапамятных времен, что теряются в памяти людей во тьме более глубокой, чем подземелья его черного храма. В Зуль Бха Сейре нет другого бога. И все умершие в стенах города уходят к Мордигиану. Даже короли и знать после смерти попадают в руки его жрецов. Таков наш закон и обычай. А очень скоро жрецы придут и за твоей нареченной.

— Но Илейт не умерла, — с жалобным отчаянием уже в третий или четвертый раз возразил юный Фариом. — Ее недуг — лишь мнимое подобие смерти. Уже два раза до этого она утрачивала все чувства, а ее щеки покрывала мраморная бледность, и кровь останавливалась так, что девушку почти нельзя было отличить от тех, кто покинул наш мир, но дважды она просыпалась вновь через несколько дней.

Хозяин с выражением полного недоверия взглянул на девушку, бледную и недвижную, точно

сорванная лилия, лежавшую на убогом ложе в бедно обставленной чердачной комнате.

— Тогда тебе не следовало привозить ее в Зуль Бха Сейр, — заявил он с иронией. — Врач подтвердил ее смерть, и об этом уже объявлено жрецам. Она должна отправиться в храм Мордигиана.

— Но мы чужеземцы, и здесь ненадолго. Мы приехали из Ксилака, что на далеком севере, и этим утром должны были отправиться через Тасуун к Фарааду, столице Йороса, который лежит на берегу южного моря. Должно быть, вашему богу не нужна Илейт, даже если бы она была действительно мертва.

— Все, кто умирает в Зуль Бха Сейре, принадлежат Мордигиану, — нравоучительно сказал старик. — И чужеземцы тоже. Мрачная утроба его храма вечно разверста, и никто — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок за все эти годы не ускользнул от нее. Вся плоть смертных должна, когда суждено, превратиться в пищу бога.

От этого елейного и напыщенного заявления Фариома затрясло.

— Я что-то слышал о Мордигиане в неясных легендах, которые странники рассказывают в Кси-лаке, — признал он. — Но я забыл название его города, и мы с Илейт случайно попали в Зуль

Бха Сейр. Но даже если бы я знал об этом, то усомнился бы в существовании странного обычая, о котором ты рассказал. Что это за божество, которое ведет себя, точно гиена или гриф? Да он же не бог, а упырь!

— Эй, поосторожнее, а то так и до богохульства недалеко! — предостерег хозяин. — Мордигиан стар и всемогущ, как сама смерть. Ему поклонялись еще на древних континентах, до того, как из моря поднялся Зотик. Он спасает нас от тления и могильных червей. Точно так же, как люди других стран дарят своих мертвых всепожирающему пламени, мы отдаем наших богу. Величественен храм Мордигиана, место ужаса и зловещей тьмы, никогда не освещаемой солнцем, куда его жрецы приносят мертвых и кладут на огромные каменные столы, где трупы ждут появления бога из подземного склепа, в котором он обитает. Никто из живущих, кроме жрецов, не видел его, а лица жрецов скрыты за серебряными масками, и на их руках всегда перчатки, ибо никому не разрешено смотреть на тех, кто видел Мордигиана.

— Но ведь есть же в Зуль Бха Сейре король? Я подам ему прошение с жалобой на эту гнусную и ужасную несправедливость! Он должен мне помочь!

— Наш король — Фенквор, но он не смог бы помочь тебе, даже если бы и захотел. Твое прошение даже не выслушают. Мордигиан выше всех королей, и его закон свят. Слышишь — жрецы уже идут.

Фарием с упавшим сердцем, не в силах отвратить нависшую над его юной женой жестокую гибель в ужасном склепе этого кошмарного города, услышал приглушенное зловещее поскрипывание ступеней, ведущих на чердак постоялого двора. Звук с невероятной скоростью приближался, и в комнату вошли четыре странные фигуры, плотно закутанные в траурный пурпур, в серебряных масках в виде черепов. Было совершенно невозможно угадать их настоящий облик, ибо — точно так, как рассказывал хозяин — даже их руки скрывали перчатки без пальцев, а пурпурные рясы ниспадали просторными складками, волочившимися за их ногами, словно размотанные саваны. Они несли с собой ужас, и зловещие маски — лишь самая ничтожная его часть, ужас был в их неестественных согбенных позах, в звериной быстроте, с которой они двигались, несмотря на свои неуклюжие одеяния.

Служители страшного бога несли с собой необычные носилки, сделанные из сплетенных

полос кожи и огромных костей, служащих вместо рамы и ручек. Кожа была засаленной и потемневшей от долгих лет чудовищного использования.

Не сказав ни слова ни хозяину, ни Фариому, без каких либо промедлений или формальностей они двинулись к кровати, на которой лежала Илейт. Не обращая внимания на их угрожающий облик, совершенно обезумевший от горя и ярости юноша выхватил из за пояса короткий кинжал, свое единственное оружие. Не слушая предупреждающий крик хозяина, он был быстр и силен и, кроме того, одет в легкие и облегающие одежды, что, казалось бы, давало ему небольшое преимущество перед его пугающими соперниками.

Жрецы стояли к нему спиной, но, точно предвидя каждое его действие, двое из них развернулись со стремительностью тигров, метнув костяные лезвия, которые были у них при себе. Одно выбило нож из руки Фариома еле заметным глазу движением, похожим на бросок разъяренной змеи. Затем оба набросились на юношу, ответив ему ужасными молотоподобными ударами своих закутанных рук, отбросившими его через полкомнаты в пустой угол. Оглушенный падением, он на несколько минут потерял сознание.

Медленно очнувшись, он увидел, что толстый

хозяин склонился над ним, точно сальная луна. Мысль об Илейт более болезненная, чем удар кинжалом, вернула его в мучительную действительность. Он опасливо оглядел темную комнату и увидел, что жрецы уже ушли, и ложе опустело. До него донесся напыщенный замогильный голос старика:

— Служители Мордигиана милостивы, они простили тебе помешательство и неистовство только что понесшего утрату человека. Хорошо, что тебе не чужды сострадание и чуткость. Фарион резко выпрямился, точно его ушибленное и ноющее тело опалил внезапный огонь. Остановившись лишь затем, чтобы поднять свой кинжал, все еще лежавший на полу в центре комнаты, он устремился к двери. Его остановила рука хозяина, схватившая за плечо.

— Остерегайся перейти границы милости Мордигиана. Очень дурно преследовать его жрецов, и еще дурнее входить без разрешения под смертоносную и священную сень его храма.

Фарион едва слышал эти увещевания. Он нетерпеливо вырвался из толстых пальцев и рванулся к выходу, но рука вновь предостерегающе схватила его.

— По крайней мере, отдай мне то, что задолжал

за еду и комнату, прежде чем уходить, — потребовал хозяин. — Кроме того, нужно еще заплатить лекарю, что я могу сделать вместо тебя, если ты дашь мне нужную сумму. Плати сейчас, ибо никто не поручится, что ты вернешься назад.

Фариом вытащил кошелек, в котором лежало все его состояние, и вытряхнул на жадно подставленную ладонь кучку монет, которые даже не пересчитал. Не удостоив старика ни прощальным словом, ни взглядом, он сбежал по грязным выщербленным ступеням захудалой гостиницы, точно за ним гнался инкуб, и окунулся в паутину неосвещенных извилистых улиц Зуль Бха Сейра.

Город не слишком отличался от всех других, которые он повидал, был, пожалуй, лишь более старым и мрачным, но Фариому, охваченному мучительной болью, дороги, по которым он шел, казались подземными коридорами, ведущими в бездонный и чудовищный склеп. Солнце поднялось над самыми высокими крышами домов, но он не видел света, за исключением угасающего скорбного мерцания. Прохожие, возможно, были похожи на всех остальных людей, но он видел их сквозь призму своего несчастья, и они казались юноше вурдалаками и демонами, спешившими по своим гнусным надобностям по улицам

некрополя.

В отчаянии он с горечью вспоминал прошлый вечер, когда они вместе с Илейт в сумерках вошли в Зуль Бха Сейр. Девушка ехала верхом на единственном верблюде, пережившем их переход по пустыне, а он шел рядом с ней, усталый, но довольный. Розовый пурпур вечерней зари, окутывавший городские стены и купола, желтые глаза ярко освещенных окон придавали окрестностям вид прекрасного безымянного города мечты, и они планировали отдохнуть в нем день или два, прежде чем продолжать долгое и изнурительное путешествие в Фараад, столицу Йороса.

Это путешествие было предпринято в силу необходимости. Фариом, юноша из знатного, но обедневшего рода, был изгнан из Ксилака из-за политических и религиозных убеждений его семьи, не совпадавших с воззрениями правящего императора Калеппоса. С молодой женой, с которой они только что поженились, Фариом отправился в Йорос, где поселились его дальние родственники, готовые предложить ему свое гостеприимство.

Они путешествовали с большим караваном торговцев, идущим прямо на юг до Тасууна. За границами Ксилака, в красных песках Целотиан-

ской пустыни, на караван напали разбойники, убившие большинство путешественников и разогнавшие немногих уцелевших. Фариом и его жена, которым удалось сбежать на своих верблюдах, заблудившись, очутились одни в пустыне и, потеряв дорогу в Тасуун, нечаянно пошли по другой тропе, приведшей их к Зуль Бха Сейру, обнесенному высокой стеной городу на юго западном краю пустыни, не входившему в их маршрут.

Войдя в Зуль Бха Сейр, юная чета из соображений экономии остановилась на постоялом дворе в бедном квартале. Там ночью Илейт настиг третий приступ каталептического недуга, которым она страдала. Лекари Ксилака распознали истинную природу предыдущих приступов, произошедших до ее замужества с Фариомом, и их искусное врачевание дало свои плоды. Казалось, ее болезнь больше не вернется, но утомление и трудности долгого путешествия несомненно стали причиной третьего приступа. Фариом был уверен, что Илейт поправится, но врач Зуль Бха Сейра, поспешно вызванный перепуганным хозяином, утверждал, что она действительно мертва и, подчиняясь странному закону этого города, без промедления доложил об этом служителям

Мордигиана. Отчаянные протесты несчастного мужа оставили без внимания.

Казалось, была какая то дьявольская предопределенность во всей цепи обстоятельств, из за которых Илейт, все еще живая, хотя внешне и не отличимая от мертвой, попала в лапы приверженцев бога склепов. Фариом до одури раздумывал об этой предопределенности, в яростной, бесцельной спешке шагая по извилистым людным улицам.

К неутешительным сведениям, полученным им от хозяина гостиницы, он прибавлял все новые и новые смутно вспоминаемые легенды, которые слышал в Ксилаке. Воистину зловещей и сомнительной была слава Зуль Бха Сейра, и он удивлялся, как мог забыть об этом, и последними словами ругал себя за эту кратковременную, но ставшую роковой забывчивость. Уж лучше бы Илейт вместе с ним сгинула в пустыне, чем вошла в широкие ворота ужасного храма смерти, вечно распахнутые в ожидании добычи, как велел обычай Зуль Бха Сейра.

Это был большой торговый город, куда заходили иноземные путешественники, но не задерживались надолго из за омерзительного культа Мордигиана, незримого пожирателя

мертвых, который, как полагали, делил добычу со своими закутанными служителями. Говорили, что мертвые тела несколько дней лежали на столах в темном храме, и бог не приходил за ними до тех пор, пока они не начинали разлагаться. Люди между собой шептались о еще более гнусных вещах, о святотатственных обрядах, проходивших в подземельях вурдалаков, и о немыслимых целях, для которых использовали тела, прежде чем Мордигиан призывал их к себе. Во всех других землях удел тех, кто умирал в Зуль Бха Сейре, стал угрожающей поговоркой и проклятием. Но для обитателей города, выросших с верой в этого кровожадного бога, он был лишь обычным и ожидаемым видом погребения умерших. Могилы, гробницы, катакомбы, погребальные костры и прочие раздражающие ухищрения благодаря этому в высшей степени полезному божеству стали ненужными.

Фариом был поражен, увидев на улицах людей, полностью поглощенных своими повседневными делами и хлопотами. Проходили носильщики с кипами хозяйственных товаров на плечах. Купцы сидели на корточках у своих лавок, как ни в чем не бывало. Покупатели и продавцы громко торговались на базарах. Женщины сме-

ялись и беззаботно болтали у своих дверей. И лишь по пышным одеждам в красных, черных и фиолетовых тонах и по странному грубоватому произношению юноша мог отличить жителей Зуль Бха Сейра от таких же чужестранцев, как и он сам. Пелена кошмарного мрака начала потихоньку спадать с его сознания, и постепенно, по мере его передвижения по городу, зрелище повседневной жизни, окружавшей его со всех сторон, помогло ему немного умерить свое безумное неистовство и отчаяние. Ничто не могло рассеять ужас его потери и бесславной судьбы, угрожавшей Илейт. Но сейчас с холодной логикой, порожденной печальной необходимостью, Фарием начал обдумывать неразрешимую, на первый взгляд, проблему спасения жены из храма бога вурдалака.

Он постарался придать своей лихорадочной ходьбе вид праздной прогулки, чтобы никто не мог догадаться о тяжелых мыслях, разрывавших его изнутри. Притворившись, что разглядывает товары продавца мужской одежды, он втянул торговца в разговор о Зуль Бха Сейре и его обычаях, задавая такие вопросы, которые не выглядели бы удивительными в устах пришельца из далекой страны. Собеседник попался разговорчивый,

и Фарием вскоре узнал расположение храма Мордигиана, стоявшего в самом сердце города. Продавец также рассказал ему, что святилище открыто круглые сутки, и люди свободны входить и выходить за пределы его ограды. Однако у этого бога не было никаких других ритуалов поклонения, кроме некоторых тайных обрядов, проводимых жрецами. Немногие отваживались входить в храм, ибо в городе бытовало убеждение, что любой живущий человек, посягнувший на его тьму, вскоре вернется туда как пища кровожадного бога.

Мордигиан, по всей видимости, в глазах обитателей Зуль Бха Сейра выглядел милостивым божеством. Как ни странно, ему не приписывали каких-то определенных личных черт. Он являлся, так сказать, некой безликой силой, сродни природным стихиям — всепоглощающей и очищающей энергией, как, скажем, огонь. Его служители были столь же загадочными; они жили в храме и выходили из него лишь для исполнения своих погребальных обязанностей. Никто не знал, каким образом их нанимали, но многие считали, что среди них были как мужчины, так и женщины, что позволяло сохранять их численность из поколения в поколение, не

привлекая сторонние силы. Другие думали, что они вовсе не люди, а группа подземных существ, живших вечно и питавшихся трупами, как и сам бог. Из за этих верований в последнее время возникла опасная ересь, чьи сторонники утверждали, что бог — выдумка жрецов, которые сами пожирали мертвую плоть. Упомянув об этой ереси, торговец поспешил отречься от нее с праведным негодованием.

Фариом еще некоторое время поболтал с ним на другие темы, а затем продолжил свое движение по городу, пробираясь к храму так прямо, насколько позволяли извилистые улочки. У него не сложилось четкого плана, но он хотел изучить окрестности. Из всего того, что он узнал от торговца одеждой, единственной утешительной подробностью было то, что храм открыт, и всем, кто осмеливался, позволялось входить в него. Однако немногочисленность посетителей могла бы сделать присутствие Фариома в храме подозрительным, а он больше всего желал бы избежать ненужного внимания. С другой стороны, никто, казалось, не слышал о попытках выкрасть мертвое тело из храма — такая наглость не могла бы присниться жителям Зуль Бха Сейра и в страшном сне. Самая дерзость его замыслов могла

бы в случае удачи отвести от него подозрения и помочь ему спасти Илейт.

Улицы, по которым он шел, плавно спускались вниз и сужались, становясь более темными и извилистыми, чем все те, которые он пересекал раньше. На короткий миг он подумал, что сбился с пути, и чуть было не попросил какого-то прохожего указать ему дорогу. Но тут четверка жрецов Мордигиана, несущих странные, похожие на подстилку носилки из кости и кожаных ремней, вынырнула из узкого переулка прямо перед ним.

На носилках лежало тело девушки, и на мгновение объятый шоком и смятением, заставившими его задрожать, Фарием подумал, что это Илейт. Но взглянув на нее еще раз, он понял, что ошибся. Платье умершей, хотя и скромное, было сшито из какого то необыкновенного экзотического материала. Ее лицо, такое же бледное, как у Илейт, обрамляли густые кудри, напоминавшие лепестки тяжелых черных маков. Ее красота, теплая и чувственная даже после смерти, отличалась от светлой чистоты Илейт, как роскошная тропическая лилия отличается от скромного нарцисса.

Тихо, выдерживая благоразумное расстояние, Фарием пошел за зловещими закутанными фигурами. Он заметил, что прохожие расступались

перед носилками с благоговейной готовностью, и громкие голоса разносчиков и носильщиков затихали, когда мимо них проходили жрецы. Расслышав приглушенный разговор между двумя горожанами, юноша узнал, что девушку звали Арктела, дочь Кваоса, знатного аристократа и судьи Зуль Бха Сейра. Она умерла очень быстро и столь же загадочно от неизвестного врачам заболевания, которое ни в малейшей степени не попортило ее редкостную красоту. Некоторые подозревали не болезнь, а действие какого то яда, который невозможно обнаружить, другие считали ее жертвой губительного колдовства.

Жрецы невозмутимо шествовали дальше, и Фарием старался, насколько это было возможно в переплетении темных улиц, не терять их из виду. Дорога становилась все более крутой, закрывая обзор того, что находилось внизу, и дома, казалось, сгрудились более тесно, точно отодвигаясь от края обрыва. Наконец юноша заметил впереди своих страшных проводников округлую ложбину прямо в центре города, где в одиночестве поодаль от других зданий высился храм Мордигиана, окруженный мостовой из траурного оникса и мрачными кедрами, чьи кроны чернели, как будто погруженные в вечный мрак склепа.

Здание было построено на странной каменной плите, окрашенной темным пурпуром, точно отрицавшим и яркий свет дня, и расточительство рассветного и закатного сияния. Низкое, оно не имело окон, напоминая своей формой огромный мавзолей. Его ворота зловеще зияли в тени кедров.

Фариом видел, как жрецы исчезли в воротах вместе с лежащей на носилках Арктелой, точно привидения, несущие призрачную ношу. Широкая мощеная площадь между храмом и окружавшими его домами была пуста, но юноша не отваживался пересечь ее в предательски ярком свете дня. Обходя площадь, он заметил, что у огромного храма имелось несколько других входов, и все открыты и никем не охраняемы. Юноша задрожал, представив, что скрывалось за высокими храмовыми стенами, как пир червей скрывается под мраморными надгробиями.

Все гнусности, о которых он слышал, представились ему, и опять он дошел почти до безумия, зная, что Илейт должна лежать вместе с мертвыми в храме, в темной атмосфере мерзости, а он, охваченный неотступным неистовством, вынужден дожидаться благодатного покрова темноты, прежде чем начать свой неясный план

ее спасения, успех которого был весьма сомнительным. А тем временем она могла проснуться и погибнуть, сраженная окружающим ее ужасом… Или могло произойти что-нибудь еще более страшное, если все пересказываемые шепотом истории — правда…

Абнон Тха, колдун и некромант, поздравлял себя с удачной сделкой, заключенной со служителями Мордигиана. Он сознавал, возможно, имея на то основания, что никто не смог бы задумать и воплотить в жизнь эту сделку, превратившую Арктелу, дочь надменного Кваоса, в его бессловесную рабыню. Ни один влюбленный, говорил он себе, не был столь изобретательным, чтобы добиться желаемой женщины таким способом. Арктела, обрученная с Алосом, молодым аристократом, казалось, не питала к колдуну никаких чувств. Абнон Тха, однако, был не каким то там обычным захудалым волшебником, а величайшим знатоком, давно ставшим на путь самого ужасного и могущественного знания из всей черной магии. Он знал заклятья, убивавшие быстрее и надежнее, чем отравленный нож, причем на расстоянии, но владел и чарами, позволявшими воскрешать мертвых даже после долгих лет и веков тления. Он умертвил Арктелу так, что

никто не мог понять, в чем дело, слепив из воска ее куклу и пронзив кинжалом, и теперь ее тело лежало среди мертвых в храме Мордигиана. Сегодня вечером, с молчаливого согласия ужасных жрецов, он воскресит ее обратно к жизни.

Абнон Тха не был уроженцем Зуль Бха Сейра, но многие годы назад пришел со зловещего полумифического острова Сотар, расположенного где то на востоке от огромного континента Зотик. Точно лоснящийся молодой гриф, он устроился в тени храма склепов и процветал в окружении быстро появившихся у него учеников и помощников.

Его отношения со жрецами были долгими и разносторонними, и та сделка, которую он заключил сейчас, была далеко не первой. Они разрешали ему временно пользоваться телами тех, кого призвал Мордигиан, поставив ему лишь одно условие, чтобы во время всех его экспериментов в некромантии тела не покидали храм. Поскольку нарушение этого условия с точки зрения служителей бога было незаконным, он счел необходимым подкупить их — хотя и не золотом, а обещанием щедро снабжать их материями более зловещими и подверженными тлению, чем золото. Их соглашение было достаточно выгодным для обеих сторон: мертвые стекались в храм

гораздо изобильнее с тех пор, как колдун появился в городе, у бога не было недостатка в пище, а Абнон Тха никогда не испытывал затруднений, на ком опробовать свои гибельные чары.

В целом, у Абнона Тха не было причин быть недовольным собой. Более того, он считал, что помимо своей искушенности в магии и непревзойденной находчивости, он проявил и почти беспримерное мужество. Он планировал ограбление, которое будет равносильно святотатству — похищение воскресшего тела Арктелы из храма. О таких похищениях как оживших, так и бездыханных тел и о полагающихся за это наказаниях ходили лишь легенды, ибо за недавние годы не произошло ни одного подобного случая. И трижды более ужасной, как гласила молва, была судьба тех, кто, попытавшись совершить это преступление, попадался. Некромант вовсе не был слеп к опасностям своей затеи, но, с другой стороны, они не останавливали и не пугали его.

Два его помощника, Нарфай и Вемба Тсит, знавшие о его намерении, со всей должной секретностью производили необходимые приготовления к побегу из Зуль Бха Сейра. Неодолимая страсть, которую колдун питал к Арктеле, не была единственной причиной, по которой он

хотел покинуть город. Им двигала также и жажда перемен, ибо он уже немного устал от странных законов, ограничивавших его колдовскую деятельность, хотя в каком-то смысле и способствовавших ей. Он собирался двинуться на юг и поселиться в одном из городов Тасууна, королевства, знаменитого количеством и древностью своих мумий.

Время подошло к закату. Пять беговых верблюдов ожидали во внутреннем дворе дома Аб-нона Тха, высокого и величественного здания, казалось, наклонявшегося над открытой круглой площадью, принадлежащей храму. На одного из верблюдов навьючили тюк с самыми ценными магическими книгами, манускриптами и прочими принадлежностями магии. Его товарищи должны были нести самого Абнона Тха, двух его помощников и Арктелу.

Нарфай и Вемба Тсит предстали перед своим учителем, чтобы доложить, что все подготовлено. Оба были много младше, чем Абнон Тха, но, как и он сам, чужаки в Зуль Бха Сейре. Молодые колдуны происходили из смуглых и узкоглазых обитателей Наата, острова, имевшего чуть менее скверную славу, чем Сотар.

— Чудесно, — отозвался некромант, глядя на

стоявших перед ним с опущенными глазами помощников. — Нам осталось лишь дождаться благоприятного часа. Между закатом и появлением луны, когда жрецы будут ужинать в нижнем склепе, мы войдем в храм и совершим все обряды, необходимые для воскрешения Арктелы. Сегодня их трапеза будет изобильной, ибо я знаю, что много мертвых на огромном столе в верхнем святилище достигли зрелости и, возможно, сам Мордигиан тоже насытится. Никто не придет следить за нашим уходом.

— Но, учитель, — сказал Нарфай, слегка дрожа под своей кроваво-красной мантией, — так ли мудро затевать все это? Вам обязательно нужно забрать девушку из храма? Раньше вы всегда довольствовались тем, что позволяли жрецы и, как они велели, возвращали мертвых назад бездыханными. Действительно ли необходимо нарушать закон бога? Говорят, что гнев Мордигиана, хотя он и редко его проявляет, гораздо более губителен, чем гнев других богов. Поэтому в последнее время никто не отваживался обмануть его и похитить тело из храма. Рассказывают, что давным-давно один знатный мужчина этого города унес оттуда тело возлюбленной и бежал с ним в пустыню, но жрецы пустились за ним в

погоню, более стремительные, чем шакалы… и гибель, настигшая беглеца, была столь ужасной, что легенды лишь смутно говорят о ней.

— Я не боюсь ни Мордигиана, ни его прихвостней, — объявил Абнон Тха с мрачным тщеславием в голосе. — Мои верблюды обгонят жрецов, даже если они и не люди, а вурдалаки, как утверждают некоторые. Кроме того, маловероятно, что они попытаются преследовать нас, ибо после своего вечернего пиршества будут спать, точно обожравшиеся стервятники. Утром, еще прежде чем они пробудятся, мы окажемся далеко на пути в Тасуун.

— Учитель прав, — вмешался Вемба Тсит. — Нам нечего бояться.

— Но говорят, что Мордигиан не спит, — настаивал Нарфай, — и что из своего черного склепа под храмом он непрестанно наблюдает за всем происходящим.

— Я слышал то же самое, — сухим и нравоучительным тоном ответил Абнон Тха — Но считаю, что это всего лишь предрассудки. И эти пожиратели падали до сих пор слухов ничем не подтвердили. До сих пор я ни разу не видел Мордигиана, ни спящего, ни бодрствующего, но, по всей вероятности, он самый обычный вурдалак. Я

знаю этих тварей и их привычки. Они отличаются от гиен лишь своими чудовищными фигурами и размерами, да еще бессмертием.

— И все же я считаю неправильным обманывать Мордигиана, — пробормотал Нарфай себе под нос. Чуткие уши Абнона Тха уловили его слова.

— О нет, это не вопрос обмана Я славно послужил Мордигиану и его жрецам и обильно покрывал мертвецами их черный стол. Кроме того, в каком то смысле, я собираюсь выполнить условия сделки, касающейся Арктелы — за мою привилегию некроманта я приведу им нового покойника. Завтра же юный Алос, жених Арктелы, займет ее место среди мертвых. А сейчас идите и оставьте меня, ибо я должен обдумать заклятие, которое разрушит сердце Алоса, точно червь, вгрызающийся в спелый плод.

Фариому, дрожащему и отчаявшемуся, казалось, что безоблачный день течет с медлительностью затянутой илом реки. Не в силах обуздать тревогу, он бесцельно бродил по людным базарам, пока западные башни не потемнели на фоне шафрановых небес и сумерки, точно серое комковатое море, не окутали дома. Потом он вернулся в гостиницу, в которой Илейт настиг приступ, и

подозвал верблюда, оставленного там в стойле. Погоняя животное по темным улицам, освещенным лишь слабыми огоньками ламп и факелов, пробивающимися из полузанавешенных окон, он еще раз отправился в центр города.

Полумгла сгустилась в темноту, когда он подъехал к открытой площади, окружавшей храм Мордигиана. Окна, выходившие на площадь, были закрыты, и в них не виделось ни огонька, точно в мертвых глазах. Весь храм, огромную темную массу, как и любой мавзолей под зажигающимися звездами, не освещал ни один отблеск. Казалось, внутри никого не было и, хотя тишина благоприятствовала его начинанию, Фариома бил озноб от нависшей над ним смертельной угрозы и одиночества. Копыта его верблюда извлекали из мостовой странный зловещий лязг, и юноша подумал, что уши спрятавшихся вурдалаков, бдительно вслушивавшихся в тишину, непременно обнаружат его.

Однако тьму гробницы не нарушало ни одно движение жизни. Достигнув тени одной из групп древних кедров, он спешился и привязал верблюда к низко свисавшей ветке. Стараясь прятаться за деревьями, он с чрезвычайной осторожностью приблизился к храму и медленно его обошел,

увидев, что все четыре входа, соответствующие четырем сторонам света, открыты, пустынны и одинаково темны. Вернувшись на восточную сторону, где он оставил верблюда, юноша отважился войти в черную зияющую дыру ворот.

Перешагнув порог, Фариом мгновенно погрузился в мертвую вязкую тьму, тронутую неуловимым запахом тления и зловонием горелых костей и плоти. Ему показалось, что он шел по огромному коридору, и, ощупывая правой рукой стену, он вскоре дошел до внезапного поворота и увидел голубоватое мерцание где-то вдали, возможно, в центральном святилище, где заканчивался зал. В этом сиянии вырисовывались смутные очертания множества колонн, и вдоль них прошествовало несколько закутанных фигур, являя профили огромных черепов. Двое из них тащили в руках человеческое тело. Фариому, замершему в темном зале, показалось, что витающий в воздухе запах разложения на миг стал сильнее после того, как фигуры прошли мимо.

Больше никто не появился, и храм вновь обрел свою мавзолейную тишину. Но юноша, нерешительный и дрожащий, еще много мучительных минут стоял в ожидании, перед тем как осмелиться продолжить свой путь. Гнет смертельной

тайны наполнял воздух, делая его похожим на удушающие миазмы катакомб. Фарием, казалось, весь превратился в слух и различил слабое гудение, звук гулких и тягучих голосов, сплетавшихся в хор, который, по всей видимости, исходил из склепов под храмом.

Наконец, прокравшись в конец зала, он заглянул в помещение, бывшее, очевидно, главным святилищем. Его взгляду предстала низкая комната с множеством колонн, которую он смог оглядеть лишь частично в свете голубоватых огней, мерцавших в бесчисленных, похожих на урны плошках на тонких стелах.

Фарием немного поколебался, прежде чем переступить порог этого ужасного зала, ибо перемешанный запах горелой и разлагающейся плоти был тяжелее воздуха. Громкое гудение раздавалось, казалось, из темной дыры в полу у стены по левую руку юноши. В комнате, похоже, не было никого живого, никто не шевелился, кроме колеблющихся огоньков и трепещущих теней. Фарием различил в полутьме очертания огромного стола, вытесанного из точно такого же черного камня, как и все здание храма. На столе, тускло освещенном огоньками в урнах, длинными рядами лежали мертвые тела, и юноша понял,

что он обнаружил черный алтарь Мордигиана, на котором возлежали трупы тех, кого призвал к себе кровожадный бог.

В душе Фариома боролись безумный удушающий страх и еще более безумная надежда. Дрожа, он подошел ближе к столу, и на его лбу выступил липкий холодный пот, вызванный присутствием мертвых. Стол был около тридцати футов в длину, поддерживаемый дюжиной крепких ножек и достигал юноше до груди. Начав с ближайшего к нему конца, он проходил мимо рядов трупов, боязливо вглядываясь в каждое лицо. Здесь были люди обоих полов, всех возрастов и разных сословий. Дворяне и богатые торговцы лежали в окружении нищих в грязных лохмотьях. Некоторые умерли лишь недавно, другие же, казалось, уже долго пребывали на ужасном столе и были тронуты разложением. В упорядоченных рядах зияло множество пустот — очевидно, некоторые трупы были унесены прочь. Фариом продолжал свое страшное занятие, разыскивая любимые черты Илейт. Наконец, когда он приблизился к дальнему концу стола и уже начал опасаться, что ее там нет, увидел ту, которую искал.

Объятая зловещей бледностью и оцепенением своей загадочной болезни, она лежала на

холодном камне, столь же прекрасная, какой ее помнил Фарием. Его душу затопила волна горячей благодарности, ибо он был уверен, что она не умерла и не очнулась в этом ужасном храме. Если он сможет беспрепятственно вывезти ее из ненавистных ему окрестностей Зуль Бха Сейра, она поправится от своего подобного смерти недуга.

Мельком он заметил, что рядом с Илейт лежит еще одна женщина, узнав в ней прекрасную Арктелу, за чьими носилками он дошел почти до ворот храма. Больше не глядя на нее, он наклонился над столом, чтобы поднять Илейт.

В тот же миг он услышал тихий шепот, доносившийся от двери, сквозь которую он вошел в святилище. Решив, что кто то из жрецов вернулся обратно, он мгновенно встал на четвереньки и забрался под омерзительный стол — единственное место в этом зале, в котором можно было укрыться. Отступив во тьму, куда не добиралось мерцание высоких урн, он затаился, выглядывая из за толстой, точно колонна, ножки стола.

Голоса стали громче, и он увидел обутые в диковинные сандалии ступни трех человек, приблизившихся к столу и остановившихся в том же самом месте, на котором сам недавно стоял. Фарием терялся в догадках, кто они, но их яркие

темно красные одежды были не такими, как у служителей Мордигиана. Он не знал, заметили его или нет и, скорчившись в три погибели под столом, вытащил из ножен свой кинжал.

Теперь он мог различить три голоса, один торжественный и повелительный, другой несколько гортанный и раскатистый, а третий пронзительный и гнусавый. Их произношение было чужим, отличавшимся от речи жителей Зуль Бха Сейра, и многие слова были незнакомы Фариому. Кроме того, большую часть разговора он не расслышал.

— …здесь… в конце, — произнес торжественный голос. — Быстрее… Нам нельзя терять времени…

— Да, учитель, — раздался раскатистый голос. — Но кто эта вторая?.. Она очень красива.

Казалось, разгорелся тихий спор. Очевидно, обладатель гортанного голоса настаивал на чем то, с чем двое других были не согласны. Фариом из своего убежища слышал лишь обрывки слов, но из них уловил, что первого звали Вемба Тсит, а тот, кто говорил пронзительно и гнусаво, носил имя Нарфай. Наконец их заглушил мрачный голос того, которого называли учителем:

— Я совершенно этого не одобряю… Это задержит наш отъезд… И двоим придется ехать на одном верблюде. Но ты, Вемба Тсит, можешь

взять ее, если справишься со всеми необходимыми заклинаниями без моей помощи. У меня нет времени произносить сразу две формулы… Это будет хорошей проверкой твоего мастерства.

Вемба Тсит начал бормотать слова благодарности и признательности, но учитель прервал его:

— Замолчи и не трать времени понапрасну.

Фарием, мучительно старавшийся догадаться, что же означал этот странный разговор, увидел, что двое подошли ближе к столу, как будто наклонившись над мертвыми. Он услышал шорох ткани по столу, а через мгновение увидел, что все трое удаляются в направлении, противоположном тому, откуда пришли в святилище. Двое несли груз, бледно и неразличимо мелькавший в полумраке.

Черный ужас сжал сердце Фариома, ибо он слишком ясно понял, что за ноша пригибала к земле эти фигуры, и кому принадлежало одно из похищенных тел. Он в мгновение ока выполз из своего укрытия и увидел, что Илейт действительно исчезла со стола вместе с Арктелой. Темные фигуры растворились во мраке, окутывавшем западную стену зала. Юноша не знал, были ли похитители вурдалаками или кем-то еще более худшим, но двинулся следом за ними, в бес-

покойстве за Илейт позабыв обо всех других опасностях.

Дойдя до стены, он обнаружил выход в коридор и нырнул в его узкий туннель. Где-то далеко перед собой он видел красноватый мерцающий свет. Затем до него донесся приглушенный металлический лязг, и светящаяся полоса сузилась, будто пробиваясь сквозь неширокую щель, точно кто-то прикрыл дверь зала, из-за которой доносилось мерцание.

Вслепую двигаясь вдоль стены, он дошел до щели, из которой лился алый свет. Медная дверь с темными пятнами была приоткрыта, и сквозь нее глазам Фариома открылось странное и жуткое зрелище, освещенное кроваво красными неровными огоньками, горевшими в стоявших на высоких пьедесталах урнах.

Комната была обставлена с чувственной роскошью, странно сочетавшейся с тусклым мрачным камнем храма смерти. Диваны были обиты великолепными узорчатыми тканями, на полу лежали роскошные ковры — алые, золотые, лазурные, серебряные, в углах стояли украшенные драгоценными камнями кадильницы из непонятного металла. Низенький столик был заставлен странными бутылями и диковинными

приспособлениями, которые могли бы использоваться для врачевания или колдовства.

Илейт лежала на одном из диванов, а рядом с ней на втором распростерлось тело Арктелы. Похитители, которых Фарием впервые увидел в лицо, были заняты какими то странными приготовлениями, очень его озадачившими. Первым же его побуждением было ворваться внутрь, но чувство изумления быстро заглушило это желание, и юноша остался стоять за дверью, оцепеневший и бездвижный.

Высокий мужчина средних лет, которого он посчитал учителем, собирал какие то диковинные плошки, среди которых была маленькая жаровня и курильница, и расставлял их на полу вокруг ложа Арктелы. Второй, более молодой, с распутными раскосыми глазами, устанавливал такие же предметы перед Илейт. Третий, столь же молодой мужчина недоброго вида, просто стоял и смотрел на все происходящее с боязливым и беспокойным выражением на лице.

Фарием догадался, что это колдуны, когда со сноровкой, достигнутой за долгие годы практики, они разожгли курильницы и жаровни и одновременно начали произносить нараспев ритмические размеренные слова на странном

языке, сопровождая их через равные промежутки времени разбрызгиванием темных масел, с громким шипением падавших на угли в жаровнях и порождавших огромные клубы жемчужного дыма. Темные струи испарений, извиваясь, поднимались от курильниц, переплетаясь, точно вены, между расплывчатыми бесформенными фигурами, похожими на призрачных гигантов. Нестерпимо резкое зловоние каких-то смол наполнило зал, волнуя все чувства Фариома, пока картина перед его глазами не заколыхалась, невероятно расплывшись в наркотическом искажении.

Голоса некромантов взвивались ввысь и вновь падали, звуча нечестивой песнью. Повелительные и строгие, они, казалось, умоляли об осуществлении запретного святотатства. Точно столпившиеся привидения, извивающиеся и кружащиеся, наполненные губительной жизнью, пары поднимались над диванами, на которых лежала мертвая девушка и девушка, чья смерть была лишь видимостью.

Когда зловеще извивавшиеся дымки расступились, Фариом увидел, что бледная фигура Илейт зашевелилась, пробуждаясь ото сна, она открыла глаза и подняла бессильную руку. Молодой

некромант прекратил песнопение, резко понизив голос. Торжественное пение другого все еще продолжалась, и Фарием никак не мог избавиться от странной колдовской паутины, не дававшей ему сдвинуться с места.

Дымка медленно поредела, как растворяющийся призрак. Юноша увидел, что Арктела встает на ноги, точно лунатик. Звучная песнь Абнона Тха, стоящего перед ней, закончилась. В наступившей тишине Фарием услышал слабый вскрик Илейт, а затем ликующий раскатистый голос Вембы Тсита, склонившегося над ней:

— Смотри, о Абнон Тха! Мои чары быстрее твоих, ибо та, что я избрал, проснулась раньше Арктелы!

Фарием очнулся от своего оцепенения, точно с него спало какое то злое заклятие. Он рванул тяжелую дверь из потемневшей меди, которая подалась с протестующим скрежетом петель. Выхватив свой кинжал, юноша ворвался в комнату.

Илейт с широко раскрытыми в изумлении глазами повернулась к нему и сделала бесплодную попытку подняться со своего ложа. Арктела, безмолвная и покорная Абнону Тха, казалось, не обращала внимания ни на что, кроме приказаний некроманта. Она выглядела как прекрасный без-

душный механизм. Колдуны, резко обернувшиеся на звук открывшейся двери, с исключительным проворством отскочили, прежде чем он успел напасть на них, и вытащили короткие кривые мечи. Нарфай выбил нож из пальцев Фариома, метнув свой меч, отсекший тонкое лезвие от рукоятки, а Вемба Тсит, замахнувшись, сразу убил бы юношу, если бы не вмешался Абнон Тха, повелевший ему остановиться.

Разъяренный Фариом стоял под занесенными мечами, не решаясь двинуться, и темные испытующие глаза Абнона Тха, точно глаза ночной хищной птицы, сверлили его своим взглядом.

— Я желаю знать, что значит это вторжение, — произнес некромант. — Ты действительно отважен, если решился войти в храм Мордигиана.

— Я пришел за девушкой, которая лежит вон там, — объявил Фариом. — Это Илейт, моя жена, которую несправедливо призвал бог. Но скажите мне, зачем вы принесли ее в эту комнату со стола Мордигиана, и что вы за люди, если смогли поднять мертвую так же, как подняли мою жену?

— Я — Абнон Тха, некромант, а это мои ученики, Нарфай и Вемба Тсит. Благодари Вембу Тсита, ибо он воистину вернул твою жену из царства мертвых с мастерством, превзошедшим мастер-

ство его учителя. Она очнулась еще прежде, чем заклинание было кончено!

Фарием с безжалостным подозрением взглянул на некроманта.

— Илейт была не мертва, а всего лишь впала в транс, — заявил он. — Вовсе не колдовство твоего ученика пробудило ее. И никто не может судить о том, была она мертва или жива, кроме меня. Позволь нам уйти, ибо я хочу покинуть Зуль Бха Сейр, где мы остановились лишь на короткое время.

С этими словами, он повернулся спиной к колдунам и подошел к Илейт, которая глядела на него изумленными глазами, но еле слышно произнесла его имя, когда он схватил ее в объятья.

— Какое замечательное совпадение, — промурлыкал Абнон Тха. — Мы с учениками тоже собираемся уехать из Зуль Бха Сейра этой самой ночью. Возможно, вы удостоите нас своим обществом?

— Благодарю тебя, — отрывисто ответил Фариом. — Но я не уверен, что наши пути совпадают. Илейт и я поедем в Тасуун.

— И снова, клянусь черным алтарем Мордигиана, совпадение, еще более странное, чем первое, ибо Тасуун также место и нашего назначения. Мы

возьмем с собой и воскресшую Арктелу, которую я считаю чересчур прекрасной для бога смерти и его лизоблюдов.

За масляными насмешливыми речами некромант Фариом чувствовал темное затаившееся зло. Кроме того, он заметил тайные зловещие знаки, которые Абнон Тха делал своим помощникам. Безоружный, он мог лишь согласиться на неприятное предложение колдуна. Он отлично понимал, что ему не позволят живым покинуть храм, ибо узкие глаза Нарфая и Вембы Тсита, пристально его рассматривавших, налились жаждой убийства.

— Пойдем, — произнес Абнон Тха повелительно. — Время уходит.

Он обернулся к неподвижной фигуре Арктелы и произнес непонятное слово. С пустыми глазами, шагая, как лунатик, она последовала за ним по пятам к открытой двери. Фариом помог Илейт подняться, шепча ей на ухо слова ободрения в попытке смягчить растущий ужас и тревогу, которые увидел в ее глазах. Она могла идти сама, хотя медленно и неуверенно. Вемба Тсит и Нарфай посторонились, уступая дорогу девушке и Фариому, но тот, чувствуя, что как только обернется к ним спиной, они убьют его, подчинился

неохотно, отчаянно оглядываясь по сторонам в поисках чего-нибудь, что могло бы послужить оружием.

Одна из металлических жаровен, полная тлеющих углей, стояла у самых его ног. Он быстро нагнулся, схватил ее и повернулся к некромантам. Вемба Тсит, как юноша и подозревал, крался за ним с занесенным мечом, готовясь нанести удар. Фариом метнул жаровню вместе с ее сверкающим содержимым в лицо молодого некроманта, и Вемба Тсит, задыхаясь, с ужасным криком упал на пол. Нарфай, свирепо рыча, прыгнул на беззащитного юношу. Его ятаган блеснул в тусклом свете, когда ученик некроманта занес его для удара. Но оружие не опустилось, и Фариом, приготовившийся к жестокой смерти, понял, что Нарфай пораженно глядит куда-то за него, точно превращенный в камень призраком Горгоны.

Словно подчиняясь чьей то чужой воле, юноша обернулся и увидел, что отвело от него удар Нар-фая. Арктела и Абнон Тха, застывшие перед открытой дверью, вырисовывались на фоне тени, которую не могло бы породить ничто, находившееся в комнате. Она от края до края заполняла порталы и возвышалась над перекрытием двери, и затем мгновенно стала чем-то большим, чем

простая тень — это было огромное облако тьмы, черное и непроницаемое, почему-то ослеплявшее глаза странным сиянием. Казалось, тьма высосала огоньки из красных урн и наполнила комнату холодом смерти и пустоты. Это облако напоминало червеобразную колонну, огромную, точно дракон, и все новые и новые кольца вползали в комнату из темного коридора, а оно само беспрестанно меняло форму, кружась и извиваясь, точно наполненное бурлящей энергией темных эпох. На мгновение оно стало похоже на дьявольского великана с безглазой головой и туловищем без рук и ног, а затем, раздуваясь и распространяясь, точно дымное пламя, облако заполнило комнату.

Абнон Тха отшатнулся от него, отчаянно бормоча проклятия и заговоры, защищающие от нечистой силы, но Арктела, бледная, хрупкая и неподвижная, оказалась как раз на пути чудовищного создания, и оно начало обволакивать ее своими голодными языками, пока девушка полностью не скрылась из вида.

Фариом, поддерживавший Илейт, бессильно повисшую у него на плече, точно собираясь лишиться чувств, не мог двинуться. Он забыл кровожадного Нарфая, и казалось, что они с

Илейт лишь бледные тени перед лицом этого воплощения смерти и разложения. Он видел, как темнота росла и сгущалась, как взметнулось жадное пламя, поглотившее Арктелу, он видел, как оно мерцало клубящимися мрачными радугами, точно спектр темного солнца. На мгновение до него донесся негромкий шелест, похожий на потрескивание пламени. Затем быстро и устрашающе облако откатилось из комнаты. Арктела исчезла, точно растворилась в воздухе, подобно бесплотному призраку. Принесенный внезапной волной странно перемешанных жары и холода, в зале разлился резкий запах, какой мог бы исходить от выгоревшего погребального костра.

— Мордигиан! — взвизгнул Нарфай в приступе панического ужаса. — Это был бог Мордигиан! Он забрал Арктелу! Казалось, на его крик отозвалось многоголосое насмешливое эхо, нечеловеческое, как вой гиен, но тем не менее отчетливое, повторявшее имя Мордигиана. Из темного зала в комнату ворвалась орда ужасных созданий, в которых Фариом лишь по фиолетовым рясам узнал служителей бога-вурдалака. Они сняли свои маски в виде черепов, обнажив головы и лица, которые были получеловеческими, полусиними, и совершенно дьявольскими; перчаток

на них тоже не было. Их явилось не меньше дюжины. Кривые когти блестели в темноте, точно крюки из темного тусклого металла. Рычащие пасти обнажали острые зубы, длиннее, чем гвозди в крышке гроба. Точно шакалы, они плотным кольцом окружили Абнона Тха и Нарфая, оттеснив их в дальний угол. Несколько из вошедших позже со звериной жестокостью набросились на начавшего оживать Вембу Тсита, который со стонами извивался на полу посреди рассыпавшихся из жаровни углей.

Казалось, они не видели Фариома и Илейт, которые смотрели на них, словно застыв в смертельном трансе. Но последний жрец, прежде чем присоединиться к нападавшим на Вембу Тсита, повернулся к юной чете и обратился к ним хриплым и гулким, точно отраженным от сводов гробницы, лающим голосом:

— Уходите, ибо Мордигиан справедливый бог, кто призывает лишь мертвых и не трогает живых. А мы, служители Мордигиана, жестоко наказываем тех, кто нарушает его закон, похищая мертвых из храма.

Фариом, поддерживая все еще опиравшуюся на его плечо Илейт, вышел в темный зал, слыша за своей спиной зловещий шум, в котором крики

трех некромантов мешались с рыком, подобным шакальему, и с хохотом, точно издаваемым стаей гиен. Шум затих, когда они вошли в освещенное голубым светом святилище и тронулись по внешнему коридору. И тишина, наполнившая храм Мордигиана за их плечами, была столь же глубокой, как безмолвие мертвых, лежащих на черном столе алтаре.

Колдовство Улуа

Отшельник Сабмон был знаменит пророческой мудростью и знанием темного искусства колдовства не меньше, чем своим благочестием. Он пережил уже два поколения в странном доме на краю северной пустыни Тасуун — дом, чей пол и стены были построены из больших костей дромадеров, и чья крыша была сплетена из маленьких костей диких собак, людей и гиен. Эти реликвии склепа, выбранные за их белизну и симметричность, были связаны надежно вместе выбеленными ремнями, соединены и подогнаны с изумительной четкостью, не оставляя никакой щели, через которую в дом могло нанести песок. А сам дом был гордостью Сабмона. Он ежедневно подметал его веником из волос мумии, пока пол не начинал сиять безупречно, как полированная слоновая кость.

Несмотря на отдаленность его жилища и затворничество, затруднения, которые сопровождали поездку к его дому, Сабмон часто консультировал людей Тасууна. Один раз его даже разыскали паломники с далеких берегов Зотика.

Однако, хоть отшельник и не был нелюбезным или неприветливым, он часто игнорировал вопросы посетителей, которые, как правило, желали просто узнать будущее или получить совет относительно того, как правильно вести дела. С возрастом отшельник становился все более молчаливым, мало разговаривал с людьми. Говорили, хотя возможно это и не так, что отшельник предпочитал беседовать с шуршащими пальмами, нависшими над колодцем, или блуждающими звездами, которые скользили над крышей его жилища.

Летом, когда Сабмону исполнилось девяносто три года, к отшельнику прибыл юноша Амалзаин, его старший племянник, сын племянницы, которую Сабмон нежно любил в дни перед тем, как стать отшельником. Амалзаин все свои двадцать один год жизни провел на нагорье, в доме его родителей, по дороге на пути к Мираабу — столице Тасууна, где он собирался служить виночерпием короля Фаморгха. Этот пост, выхлопотанный для него влиятельными друзьями его отца, был очень желанным среди молодых людей той земли, и мог привести к быстрому продвижению по службе, если конечно виночерпию улыбнется удача завоевать покровительство короля. В соответствии с

желанием матери, Амалзаин приехал к Сабмону и спросил совета у мудреца относительно различных проблем мирского поведения.

Сабмон, чьи глаза не потускнели с возрастом от астрономии и от долгого изучения томов архаичных шифров, был доволен Амалзаином и нашел в мальчике черты его матери-красавицы. По этой причине он дал юноше много мудрых советов. И произнеся многих глубоких и подходящих к случаю фраз, он закончил свою речь так:

— В самом деле хорошо, что ты навестил меня. Незнакомый со всемирной низостью, ты скоро отправишься в город странных грехов, странного чародейства и колдовства. В Мираабе сокрыто зло. Его женщины — ведьмы и проститутки, и их красота — грязь. Там юность, сила и храбрость измазаны и попраны.

Прежде чем Амалзаин отбыл, Сабмон дал ему маленький серебряный амулет с любопытной гравировкой — скелетом девочки, и при этом добавил:

— Впредь всегда носи этот амулет. В нем содержится пепел от костра Яос Эбне, мудреца и волшебника, кто в старости мог управлять и людьми и демонами, бросив вызов всем смертном искушениям и подавляя неповиновение плоти.

В этом пепле есть частицы добродетели, и он защитит тебя от зла, которое преодолел Яос Эбне. И все же, возможно, есть такие беды и соблазны в Мираабе от которых амулет не сможет защищать тебя. В таком случае ты должен будешь вернуться ко мне. Я буду тщательно следить за тобой и буду знать все, что происходит в Мираабе, поскольку я давно владею некоторыми редкими способностями слышать и видеть, что происходит и не важно на каким расстоянии.

Амалзаин, неосведомленный в вопросах, о которых намекнул Сабмон, был изумлен такими словами. Но он принял амулет с благодарностью. Потом, почтительно попрощавшись с Сабмоном, он возобновил свое путешествие в Мирааб, задаваясь вопросом, что же случиться с ним в этом греховном и легендарном городе.

Фаморгх, который вырос и состарился в распущенности, был правителем полупустынной земли. И его двор был местом невероятной роскоши, вездесущий рафинированности и коррупции. Юноша Амалзаин, приученный к простым манерам, грубым достоинствам и недостаткам глубинки, был ослеплен изнеженной жизнью двора. Но некая врожденная сила характера, укрепленного моральным воспитанием его родителей и

наставление старого дяди, Сабмона, хранили его от любых мелких и серьезных ошибок.

Так вышло, что он служил виночерпием на разгульных пирушках, но оставался воздержанным во всем, ночь за ночью наливая в кубок Фаморгха из рубинового кристалла сводящие с ума вина, которые были настояны на гашише и ошеломляющий арак с добавками мака. С чистым сердцем и неосквернённой плотью он созерцал позорные маскарады, используя которые придворные состязались друг с другом в бесстыдстве, пытаясь развеять скуку короля. Он всего лишь удивлялся и испытывал отвращение, наблюдая ловкие и похотливые кривляния черных танцовщиц от Дуза Тума, что лежит на севере, или девочек с шафрановой кожей с южных островов. Родители юноши верили в сверхчеловеческое совершенство монархов, и не подготовили его к зрелищу королевских недостатков. Но почтение, которое они привили Амалзаину, говорило, чтобы он расценивал все это как являющееся специфической, но таинственной прерогативой королей Тасууна.

В течение первого месяца жизни в Мираабе, Амалзаин слышал много о принцессе Улуа — единственной дочери Фаморгха и королевы Луналии. Но так как женщины королевского

семейства редко посещали банкеты или появлялись публично, юноша никогда не видел ее. Огромный и темный дворец, однако, был заполнен слухами относительно ее любовных увлечений. «Улуа, — ему сказали, — унаследовала колдовские способности своей матери Луналии, чья темная, роскошная красота, так часто воспевалась околдованными поэтами, но в старости привела к безобразной ветхости. Возлюбленным Улуа числа не было, и она часто подпитывала их страсть или гарантировала их верность разными заклятиями». Чуть выше ребенка, она была изящно сложена и обладала очарованием женщины-демона, которое могло закружить голову любому юноше. Ее боялись многие и ее внимание считалось очень опасным. Фаморгх напрочь не желал видеть грехов дочери, как и не замечал колдовства Луналии, потворствовавшей Улуа всеми способами и не отказывавшей ни в чем.

Обязанности Амалзаина оставили ему много праздного времени — Фаморгх после вечерних пирушек обычно спал в два раза дольше, чем обычные люди, чему виной был возраст и алкоголизм. Большую часть свободного времени молодой виночерпий тратил на изучение алгебры и чтения старинных поэм и романов.

Однажды утром, когда Амалзаин был занят алгебраическими вычислениями, к нему зашла огромная негритянка, которую виночерпию в свое времени представили как одну из женщин Улуа. Она безапелляционно объявила юноше, что он должен последовать за нею в апартаменты монным вмешательством в его занятия, первое мгновение Амалзаин был неспособен ответить. Потом, видя его колебания, большая черная женщина взяла его на руки и вынесла из комнаты, пронесла через залы дворца. Сердитый, в полном замешательстве, юноша оказался в зале, где на стенах висели бесстыдные картины, а в облаках дурманящих курений, на роскошном диване ярко-алого цвета возлежала принцесса. Улуа стала рассматривать юношу. Сама же она была маленькая, как женщина-эльф, и чувственна как ламия. Пары ладана то и дело скрывали ее лик, подобно раскачивающимся вуалям.

— Есть вещи более интересные, чем разливать вино для глупого короля, или изучать съеденные червем тома, — пробормотала Улуа голосом, который походил на течение горячего меда. — Столь юный виночерпий должен найти себе лучшее занятие.

— Я не ищу службы иной, чем имею. Да и за-

нятия другие не для меня, — нелюбезно ответил Амалзаин. — Но скажите мне, принцесса, каковы ваши желания? Почему ваша женщина принесла меня сюда столь непристойным образом?

— Для юноши столь эрудированного и умного, вопрос бессмысленный, — ответила Улуа, улыбаясь краем рта. — Посмотри, разве ты не такой же красивый и желанный, как я? Или ты глупее, чем я считала?

— Не сомневаюсь, что вы красивы, — согласился юноша. — Но такие вопросы едва ли касаются скромного виночерпия.

Пары, исходящие из золотых кадил, стоящих перед кушеткой, становясь все гуще, разделялись движением от откинутых драпировок; и Амалзаин потупил взгляд перед волшебницей, которая качнулась с мягким смехом, так что драгоценные камни на ее груди замерцали подобно живым глазам.

— Кажется, те заплесневелые тома действительно ослепили тебя, — заметила принцесса. — Тебе нужно выпить травы, прочищающие зрение. Иди, вернись к своим занятиям.

Через много дней после этого Амалзаин, как обычно, со странным упорством занимался своими делами. Но теперь ему казалось, что Улуа

была повсюду. Появляясь на пирушках, как будто это новый каприз, она щеголяла свой злой красотой дразня молодого виночерпия. Часто днем он встречал ее в садах дворца и коридорах. Все люди говорили о ней, как будто молча сговорились, чтобы заставить его постоянно думать о принцессе. Казалось, что даже тяжелые гобелены, качаясь на сквозняках, которые блуждали по мрачным и бесконечным залам, шептали ее имя.

Это, однако, было не все. Ее нежеланный образ начал беспокоить его в ночных снах. И пробуждаясь, он слышал ее теплый приятный нежный голос, чувствовал прикосновения ласковых, легких и тонких пальцев в темноте. Глядя на бледную луну, сверкающую вощеным кругом за окном, над черными кипарисами, он видел, как мертвое, изъеденное оспой лицо ночного светила принимает живые черты Улуа.

Гибкая и миниатюрная молодая ведьма скользила среди богатых драпировок посвященных любовным приключениям сказочных королев и богинь. Словно очарованный, он видел ее лицо за своей спиной в зеркалах. Она появлялась и исчезала, подобной фантому, соблазнительно бормоча что-то и делая экстравагантные жесты, когда он склонялся над книгами. И хотя Амалзаин

был встревожен этими явлениями, тем, что не мог отличить реальное от иллюзорного. Он оставался безразличен к Улуа, защищенный от ее обаяния амулетом, содержащим пепел Яос Эбне — святого мудреца и волшебника. Не раз он находил, что от пищи и напитков исходят любопытные ароматы. Он подозревал, что всему виной микстуры любви, которым юная колдунья пыталась привязать его к себе. Но кроме изжоги и приступов тошноты, он не испытал никакой болезненных последствий и даже не подозревал о чарах, которые втайне плелись вокруг него. А ведь принцесса трижды использовала смертоносные заклятия, которые специально разрабатывались, чтобы ранить его сердце и чувства.

Теперь — хотя он не знал этого — его безразличие часто обсуждалось при дворе. Люди удивлялись его стойкости. Всех, кого принцесса выбирала прежде, уступили ей, были ли они капитанами, виночерпиями или высокими сановниками, или рядовыми солдатами, или конюхами. Все они с легкостью пали жертвами ее очарования. Со временем вышло так, что Улуа возмутилась, так как все люди знали, что Амалзаин презирает ее красоту, и ее колдовство, а она не может поймать его в ловушку. Вскоре она

прекратила появляться на пирушках Фаморгха. Амалзаин не видел ее больше в залах и садах. Она не появлялась ни в его снах, ни наяву, охотясь на него с помощью чар. И теперь, по своей наивности, юноша радовался как тот, кто столкнулся с серьезной опасностью и отправился дальше совершенно невредимым.

Потом, позже, ночью, когда он неподвижно лежал, пытаясь заснуть в безлунные часы перед рассветом, к нему пришел сон: он увидел фигуру, с макушки до пят закутанную в могильный саван. Высокая как кариатида, ужасная и угрожающая, она наклонилась над Амалзаином в тишине более зловещей, чем любое проклятие. Саван открылся у нее на груди, и дождь из гробовых червей, мертвых скарабеев и скорпионов, вместе с клочками гниющей плоти, полился на Амалзаина. Пробудившись от этого кошмара, больной и задыхающийся, он почувствовал отвратительное зловоние и давление, словно на него навалилось тяжелое тело. Испугавшись, он поднялся и зажег лампу, но кровать была пуста. И все же аромат гниения до сих пор висел в воздухе и Амалзаин мог поклясться, что рядом с ним в темноте лежал труп женщины, две недели назад умерший и изъеденной червями.

После того в течение многих ночей его сны нарушались столь же бесцеремонным образом. Едва ли он мог спать вообще из-за ужаса перед тем, кто приходил невидимым, но ощутимым и разгуливали, по его палате. И всякий раз пробуждаясь от болезненных грез, он оказывался в объятиях давно мертвого суккуба или чувствовал под боком любовную дрожь бесплотных скелетов. Он был сдавлен потными и каменными мумифицированными грудями. Он был сплющен и раздавлен весом гигантских личей. Его целовали тошнотворные губы, в разложении превратившиеся в лохмотья и клочья.

Но это было не все. Другие ужасы преследовали его днем, видимые и реальные, но более отвратительные, чем ночные. Твари, которые казались останками прокаженных, ползали перед ним в полдень по залам Фаморгха. Они выходили из теней и подходили украдкой к нему, искоса поглядывая на него. У них были белые лица, которые и лицами-то назвать можно было с большим трудом. И еще… эти твари пробовали ласкать виночерпия своими полусъеденными пальцами. Когда он ходил, то за его лодыжки цеплялись похотливые создания с грудями, обросшим мехом подобно летучей мыши; и ламии со змеиными

телами порой делали пируэт перед его глазами, подобно балеринам перед королем.

Юноша больше не мог читать книги или решать алгебраические задачи — буквы под его пристальным взглядом то и дело менялись, превращаясь в руны злого содержания, буквы и знаки тайнописи, которые он выводил, превращались в дьяволов размером с муравья, которые корчились на бумаге, словно это поле, выполняя обряды, приемлемые только для Алилы — королевы гибели и мировой несправедливости.

Эти мучения и терзания почти довели юношу Амалзаина до безумия. Все же он не осмеливался жаловаться или говорить с другими ни о чем, что созерцал, поскольку знал, что эти ужасы, или вовсе не существовали или существовали только для него одного. Ночью он то и дело просыпался от прикосновений мертвых тварей. Ежедневно, его постоянно преследователи отвратительные призраки, и он не сомневался, что все эти ужасы посланы Улуа, возмущенной его отказом. Он помнил, что Сабмон намекнул ему о темном очаровании, от которого его не сможет защитить пепел Яос Эбне, хранящийся в серебряном амулете. И уверившись в том, что на него наложены определенные чары, молодой виночерпий вспом-

нил последний завет старого волшебника.

Теперь чувствуя, что больше ему не будет никакой помощи от колдовства Самбона, он предстал перед королем и попросил позволения ненадолго отлучиться со двора. Фаморгх, который был доволен своим виночерпием, кроме того ставший замечать его бледность и болезненный вид, с радостью дал свое позволение.

Душным осенним утром, усевшись на лошадь, выбранную им за скорость и выносливость, Амалзаин отправился на север из Мирааба. Странная тяжесть повисла в воздухе, и большие темно-красные облака напоминали высокие, куполообразные дворцы джиннов на вершинах холмов. Солнце, казалось, плавало в озере расплавленной меди. Ни одного стервятника не было в безмолвных небесах, и все шакалы попрятались по норам, словно в преддверии неведомой опасности. Но Амалзаин стремительно поскакал к хижине отшельника Самбона, до сих пор преследуемый прокаженными, объеденными личинками, которые то и дело вставали перед ними, то и дело появлялись среди серовато-коричневых песков. И он слышал стенания суккубов под копытами его лошади.

Следующая ночь выдалась душной и беззвезд-

ной. Он как раз прибыл к колодцу среди умирающих пальм. Здесь он лег, не в силах заснуть, все еще чувствуя проклятие Улуа — ему казалось, что сухие, пыльные личи могил пустыни крепко прижимаются к его бокам, а их костистые пальцы тянут его в бездонные песочные ямы, из которых они поднялись.

Усталый и находящийся словно во власти дьявола, юноша достиг странного дома Сабмона в полдень на следующий день. Мудрец приветствовал его нежно, не выказывая удивления. Он выслушал историю виночерпия, словно не первый раз слышал подобный рассказ.

— Это, и много большее, было известно мне с самого начала, — объявил он Амалзаину. — Я могу уберечь тебя от чар Улуа. Но я хотел, чтобы ты прибыл сюда в это время, оставив двор старого Фаморгха и злой город Мирааб, чье беззаконие теперь очевидно. Неизбежная гибель Мирааба, хоть и не замеченная астрологами, была объявлена в небесах. И я не хотел бы, чтобы ты разделил его судьбу. Когда-то должны были разрушиться чары Улуа, — продолжал он. — Они должны вернуться к той, кто послал их. Иначе они часто будут посещать тебя, даже после того как сама ведьма уйдет к своему черному повелителю — Тасаидону, на

седьмой круг ада.

А потом, к удивлению Амалзаина, старый чародей принес из кабинета слоновой кости овальное зеркало темного и необоженного металла и поместил его перед собой. Зеркало поддерживала подставка из мумифицированных рук, отчасти скрытая под тканью. И глядя в это зеркало, Амалзаин не видел ни собственного лица, ни лица Сабмона, ничего из самой комнаты — никаких отражений. Однако Сабмон приказал юноше, внимательно наблюдать за зеркалом, а потом направился в маленькую молельню, отделенную от комнаты длинными и необычно окрашенными рулонами пергамента из верблюжьей кожи.

Глядя в зеркало, Амалзаин знал, что посланцы Улуа приходили и проходили мимо него, стремясь завладеть его вниманием с помощью грязных жестов, которые обычно использовали проститутки. Но юноша решительно уставился на металл в котором ничего не отражалось, и скоро услышал голос Сабмона, поющего без пауз могучие слова старинного заклятия изгнания нечистой силы. Теперь из-за занавесок исходил почти невыносимый запах горящих благовоний, вроде тех, что используют, чтобы отогнать демонов.

И тут Амалзаин почувствовал, даже не отводя глаза от зеркала, что посланцы Улуа исчезли подобно парам, сдутым ветром пустыни. Но в зеркале отражалась мрачная сцена. Казалось, юноша наблюдал мраморные башни города Мирааба под мрачными бастионами сгущающихся облаков. А потом сцена изменилась, и он увидел зал дворца, где старый и пьяный в заляпанных вином пурпурных одеждах Фаморг кивал головой, сидя среди своих министров и подхалимов. Снова изображение в зеркале изменилось, и юноша увидел комнату с гобеленами самого бесстыдного содержания, где на ложе, освещенном ярким огнем, сидела принцесса Улуа со своими самыми последними возлюбленными среди дымящихся золотых кадил.

Удивляясь и глядя в зеркало, Амалзаин заметил странную вещь: пары кадил, поднимаясь, уплотнялись и с каждым мгновением все более четко принимали форму тех видений, которые так долго преследовали его. Они поднимались и множились, пока вся комната не оказалась заполнена икрой ада и рвоты демонов. Между Улуа и ее возлюбленным, что сидел от нее по правую руку — капитаном охраны короля, кольцами извивалась чудовищная ламия. Она опутала их обоих

своими смертоносными объятиями, прижимая их к своей человеческой груди, а возле левой руки принцессы появился полусъеденный труп. Из-за беззубых губ он выглядел плотоядным чудовищем. С него на Улуа и ее второго воздыхателя — конюха — посыпались опарыши. И раздуваясь, словно пары над котлом ведьм, другие ужасные твари обступили ложе Улуа. Они нашептывали непристойности и тыкали в нее пальцами.

А потом словно отражение этого адского окружения, ужас появился в глазах капитана и конюха. Страх читался и во взгляде Улуа. Казалось в ее глазах отражается бледное пламя, горящее на дне ям, никогда не видевших солнечного света. И груди принцессы дрожали под одеждами. Но вот отражение в зеркале начало яростно раскачиваться. Кадила на длинных шестах рухнули на пол, и гобелены с бесстыдными картинами закачались, как паруса в сильный шторм. Широкие трещины появились в полу, возле ложа Улуа. Одна из трещин стремительно углублялась, земля разошлась от стены до стены. А потом часть пола откололась и принцесса вместе с двумя ее возлюбленными и их чудовищным эскортом с громким грохотом полетела в расселину.

После этого зеркало потемнело, но в какое-то

мгновение Амалзани сумел разглядеть бледные башни Мирарааба, рушащиеся и падающие на фоне небес, черных, как адамант. Само же зеркало задрожало, и его скрытые металлические крепления начали шататься. Зеркало готово было рухнуть. Удивительный дом Сабмона тоже качнуло землетрясение, но он был построен добротно, и выстоял в то время как особняки и дворцы Мирарааба распались в руины.

Когда земля прекратила дрожать, Сабмон вышел из молельни.

— Бесполезно поучать на примере того, что случилось, — объявил он. — Ты узнал истинную природу чувственного желания, и созерцал крушение нравов. Теперь, став мудрее, ты в первую очередь станешь обращать внимание на то, что нельзя купить, на то, что лежит за гранью этого мира.

После того, до самой смерти Сабмона, Амалзаин проживал с ним и стал его единственным учеником в науке звезд и тайных искусств заклятий и колдовства.

Пришелец из гробницы

Вечер, пришедший из пустыни в Фараад, принес с собой последних отставших от караванов путешественников. В винном погребке невдалеке от северных ворот множество бродячих торговцев из далеких стран, изнуренных и томимых жаждой, восстанавливали свои иссякшие силы знаменитыми винами Йороса. Чтобы развлечь их, сказитель, прерываемый лишь звоном кубков, рассказывал свою историю:

— Поистине велик был Оссару, король и маг. Он властвовал над половиной континента Зотика. Его армии были многочисленны и ужасающи, точно пески, гонимые пустынным самумом. Он повелевал джиннами бурь и темноты, он мог вызывать духов солнца. Люди боялись его колдовства, как зеленые кедры трепещут перед ударом молнии.

Почти бессмертный, он жил многие века, умножая свою мудрость и силу до самой смерти. Тасайдон, темный бог зла, благоприятствовал всем его начинаниям и заклятиям. А в свои последние годы король нашел себе товарища, ужасающего

исполина Ниота Корфая, спустившегося на землю из другого мира верхом на огнегривой комете.

Оссару, чрезвычайно искушенный в астрологии, предвидел появление Ниота Корфая и в одиночестве отправился в пустыню, чтобы встретить его. Люди многих стран видели, как падала зловещая комета, точно солнце, заходящее в ночи, но лишь король Оссару лицезрел прибытие Ниота Корфая. Темной безлунной ночью, в предрассветный час, когда все люди спали, он вернулся в Йорос. Он привел странного исполина в свой дворец и поселил в склепе под тронным залом, где приготовил для Ниота Корфая жилище.

Великан безвыходно жил в склепе, никем не виденный. Говорили, что он давал советы Оссару и учил его знаниям далеких планет. Когда звезды принимали определенное положение, в жертву Ниоту Корфаю посылали молодых девушек и юношей, спуская их к нему в склеп. Никто из них не вернулся обратно, чтобы рассказать, что они там видели. Неизвестно, каков был облик исполина, но все, кому доводилось бывать во дворце, слышали в подземном склепе приглушенный шум, похожий на медленный грохот огромных барабанов, и странное бульканье, которое мог бы издавать подземный фонтан. Иногда из подвала

доносилось зловещее кудахтанье, словно в подземелье заточили безумного василиска.

Многие годы Ниот Корфай служил королю Оссару, а тот взамен оказывал ему услуги. Потом великана поразил странный недуг, и никто больше не слышал доносящегося из ужасного склепа кудахтанья, и грохот барабанов и клекот фонтанов стали почти неразличимыми, а вскоре и совсем замолкли. Все чары короля были бессильны предотвратить смерть, но когда исполин испустил дух, Оссару окружил его тело двойным магическим кругом и запечатал склеп. А потом, когда и сам Оссару умер, склеп открыли и рабы опустили туда мумию короля, чтобы он покоился рядом с останками Ниота Корфая.

С тех пор утекло немало времени, и имя Оссару помнят лишь сказители старинных легенд. Никто не знает, где тот дворец, в котором он жил, и окружавший его город. Некоторые утверждают, что он стоял в Йоросе, а другие — в королевстве Синкор, где позже династией Нимботов был построен город Йетлиреом. И доподлинно известно лишь одно: где то в закрытом склепе лежит мертвое тело великана из чужих миров, а рядом с ним король Оссару. И они все еще окружены внутренним кругом заклятия Оссару, которое уберегает

их тела от тления все эти годы, пока разрушаются города и государства, а вокруг еще один внешний магический круг, защищающий место их вечного сна от любого вторжения. Каждый, кто войдет в дверь склепа, в мгновение ока умрет и обратится в тлен еще прежде, чем упадет на землю.

Вот что гласит легенда о короле Оссару и Ниоте Корфае. Никто не сумел найти их гробницу, но колдун Намира в своем неясном пророчестве много лет назад предсказал, что несколько путешественников, идущих по пустыне, однажды наткнутся на захоронение, сами о том не зная. И он сказал, что те путешественники, которые войдут в склеп, минуя дверь, увидят странное чудо.

Пророк не говорил, что это за чудо, но упомянул лишь, что Ниот Корфай, существо из чужого мира, в своей смерти, как и в жизни, подчиняется чуждым законам. И до сих пор ни один человек не раскрыл тайну предсказания Намиры.

Братья Милаб и Марабак, торговцы драгоценностями из Устейма, завороженно внимали каждому слову рассказчика.

— Воистину, это очень странная сказка, — сказал Милаб. — Однако, всем известно, что в былые времена жили великие волшебники, владевшие могущественными заклятиями и творившие

удивительные чудеса; были тогда и истинные пророки. А пески Зотика скрывают множество забытых могил и заброшенных городов.

— Удивительная история, — согласился с ним Марабак, — но у нее нет конца. Прошу тебя, о сказитель, расскажи нам еще что-нибудь. Не похоронен ли вместе с великаном и королем клад из золота и драгоценностей? Я видел гробницы, в которых мертвые были окружены стенами из золотых слитков, и саркофаги, из которых, точно загустевшая кровь вампиров, изливались потоки бесценных рубинов.

— Я пересказываю эту легенду так, как мне ее рассказал отец, — пожал плечами сказитель. — Те, кому суждено найти гробницу, доскажут остальное, если им посчастливится вернуться назад.

Милаб и Марабак с большой выгодой распродали в Фарааде все свои запасы неограненных камней, резных камей, талисманов, яшмовых и сердоликовых идолов. И теперь с грузом розовых и пурпурно черных жемчужин из южных морей, черных сапфиров и винных гранатов Йороса, вместе с другими торговцами возвращались на север, через Тасуун в родной далекий Устейм на берегу восточного моря.

Дорога шла через опаленную безжалостным солнцем страну. Теперь, когда караван уже приблизился к границам Йороса, пустыня стала совершенно мертвой. Темные и неприветливые холмы напоминали лежащие навзничь мумии огромных великанов. Пересохшие русла рек впадали в сухие озера, покрытые коростами соли. Гребни серого песка вздымались на осыпающихся утесах, где когда-то плескались спокойные воды. Клубы пыли поднимались вверх и опадали, будто мимолетные призраки. Зловещий глаз стареющего солнца, точно чудовищно огромный уголь, равнодушно взирал на выжженную землю с обуглившихся небес.

Караван осторожно углублялся в эту гористую пустыню, по всей видимости, необитаемую и совершенно безжизненную. Подгоняя верблюдов, крупной рысью скакавших по глубоким узким ущельям, торговцы держали наготове свои копья и палаши и настороженными глазами обшаривали бесплодные горы, ибо здесь в пещерах скрывались в засадах дикие и жестокие полулюди-полузвери, которых называли гориями. Подобно вурдалакам и пустынным шакалам, они были пожирателями падали, но не брезговали и человечиной, питаясь преимущественно телами

путешественников и выпивая их кровь вместо воды и вина. Эти страшные создания наводили ужас на всех, кому приходилось путешествовать между Йоросом и Тасууном.

Солнце подбиралось к зениту, пробиваясь своими палящими лучами на дно самых узких и глубоких ущелий. Мелкий светло-пепельный песок был абсолютно неподвижен, не тревожимый больше ни единым дуновением горячего ветра. Ни одна ящерица не отваживалась показаться на раскаленных камнях.

Дорога плавно пошла под уклон, следуя по руслу какой то древней реки между отлогими берегами. Здесь вместо всегдашних лужиц остались лишь ямы, заполненные голышами или зыбучими песками, в которые верблюды погружались по колено. И тут без какого либо предупреждения за изгибом извилистого русла возникла толпа омерзительных, бурых, как земля, гориев. Они появились сразу со всех сторон, по волчьи прыгая с каменистых склонов, или же, подобно пантерам, бросались на путешественников с высоких уступов.

Эти отвратительные создания были невыразимо свирепыми и стремительными. Не издав не звука, за исключением хриплого кашля и

фырканья, и вооруженные лишь своими острыми зубами да серповидными когтями, они волной навалились на караван. Казалось, что десятки этих существ набросились на каждого всадника. Несколько верблюдов, сразу же упали на землю, когда гории принялись зубами рвать их ноги, бока и спины или, подобно бешеным собакам, повисли, вцепившись в горла. А всадники скрылись из виду, погребенные под телами беснующихся чудищ, которые немедленно бросились пожирать их. Сундуки с драгоценностями и тюки дорогих материй были вскрыты в свалке, яшмовые и ониксовые статуэтки валялись в пыли, жемчуга и рубины, никем не замечаемые, лежали в лужах крови, ибо в глазах гориев не имели ни малейшей ценности.

Милаб и Марабак, так уж получилось, ехали в хвосте каравана. Они немного отстали, хотя и не по собственному желанию, ибо верблюд, на котором ехал Милаб, ушибся о камень и захромал. Благодаря этому счастливому стечению обстоятельств они избежали нападения мерзких гориев. В ужасе остановившись, братья видели страшную судьбу, постигшую их товарищей, чье сопротивление было подавлено с ужасающей быстротой. Гории, однако, не заметили братьев,

полностью поглощенные своим омерзительным пиршеством, жадно пожирая не только верблюдов и торговцев, которых им удалось сбить, но и своих собственных соплеменников, раненых мечами и копьями путешественников.

Милаб и Марабак с копьями наперевес собрались рвануться вперед, чтобы разделить мужественную и бесполезную гибель своих товарищей. Но, испуганные страшным шумом, запахом крови и зловонием, исходившим от тел гориев, верблюды заартачились и ускакали прочь, унося своих всадников назад по дороге, ведущей в Йорос.

Во время своей дикой скачки они увидели другую шайку гориев, появившихся на южных склонах и побежавших им наперерез. Уходя от новой опасности, Милаб и Марабак повернули своих верблюдов в ответвляющееся ущелье. Хромой верблюд не мог бежать быстро, и братья, боясь обнаружить спешащих по пятам гориев, многие мили ехали на восток, к нависшему над ними солнцу. Около полудня они добрались до низкого и засушливого водораздела этой древней земли.

Сверху они оглядели равнину, изрезанную трещинами и выветренную, на которой виднелись

белые стены и купола какого то странного города. Братьям показалось, что он находится всего лишь в нескольких лигах от них. Решив, что нашли в далеких песках какой то затерянный город, и надеясь наконец-то убежать от своих преследователей, они начали спуск по длинному склону, ведшему к равнине.

Два дня они шли по припорошенной пылью вязкой земле к постоянно отступавшим от них куполам, которые казались такими близкими. Их положение стало почти отчаянным, ибо у них оставалась лишь горсть сушеных абрикосов и на три четверти пустой бурдюк с водой. Вся провизия вместе с грузом драгоценностей осталась с грузовыми верблюдами каравана. Очевидно, им удалось избавиться от преследования гориев, но теперь их окружили красные демоны жажды и черные демоны голода. На второе утро верблюд Милаба отказался вставать и не отозвался ни на брань своего хозяина, ни на уколы его копья. Поэтому братьям пришлось поделить между собой оставшегося верблюда, и они ехали на нем вдвоем или по очереди.

Часто они теряли из виду сверкающий город, появлявшийся и вновь исчезавший, точно причудливый мираж. Но на второй день за час до

заката они вступили вслед за длинными тенями разбитых обелисков и осыпавшихся сторожевых башен в переплетение древних улиц.

Очевидно, город когда то был блестящей столицей, но сейчас большинство его величественных дворцов превратилось в груды обвалившихся глыб. Барханы пришли сюда через горделивые триумфальные арки, заполонив мостовые и дворы. Шатаясь от усталости, оплакивая крушение своих надежд, Милаб и Марабак брели по улицам в поисках колодца или пруда, который пощадили бы жестокие годы опустошения.

В сердце города, где стены храмов и великолепных зданий все еще преграждали дорогу всепоглощающим пескам, они обнаружили развалины старинного акведука, ведущего к бакам, сухим, точно печки. Братья видели забитые пылью фонтаны на рыночных площадях, но нигде не было ни намека на воду.

Утратив всякую надежду, они вышли к развалинам высокого строения, которое могло быть дворцом какого-то забытого монарха. Огромные стены все еще стояли, как обломки былого величия города. Ворота, охраняемые позеленевшими медными изваяниями мифических героев, круглились уцелевшими арками. Поднявшись по

мраморным ступеням, путешественники очутились в огромном зале без крыши. Гигантские колонны возвышались, словно подпирая пустынные небеса.

Широкие плиты пола были усыпаны обломками обвалившихся сводов, балок и пилястров. В дальнем конце зала виднелось возвышение из белого мрамора с черными прожилками, на котором, вероятно, с давних времен стоял королевский трон. Приблизившись к нему, Милаб и Марабак услышали тихое и неотчетливое бульканье, будто журчание скрытого от глаз ручья или фонтана. Звук, казалось, шел из глубин под полом дворца.

Отчаянно пытаясь определить источник этого звука, они взобрались на возвышение. Здесь с высокой стены рухнула огромная глыба, мрамор треснул под ее весом, и часть плиты обрушилась в подземелье, образовав темное зияющее отверстие. Именно из этой дыры и исходило журчание, непрестанное и ритмичное, словно биение сердца.

Братья склонились над ямой, вглядываясь в оплетенную паутиной тьму, сквозь которую пробивалось неверное мерцание от неразличимого источника. Они не смогли ничего разглядеть. Но-

здрей коснулся сырой и затхлый запах, точно дыхание сокровищницы, долгие годы простоявшей запечатанной. Им казалось, что равномерный, похожий на гул фонтанов шум раздавался всего лишь в нескольких футах ниже, во тьме, ближе к одному краю разлома.

Ни один из них не смог бы определить глубину подземного склепа. Коротко посовещавшись, братья вернулись к своему верблюду, невозмутимо ждавшему у входа во дворец, и, сняв с него упряжь, связали поводья в один длинный ремень, чтобы использовать вместо веревки. У мраморного возвышения они закрепили один конец ремня на выступе упавшей глыбы и опустили другой в темную яму.

Крепко держась за веревку, Милаб спустился на глубину около десяти или двенадцати футов, прежде чем ноги нащупали твердую опору. Все еще не решаясь отпустить конец ремня, он очутился на ровном каменном полу. За стенами дворца быстро смеркалось, но сквозь дыру в плите над головой Милаба пробивалось слабое сияние, и бледный полумрак, проникавший в подземелье из каких то невидимых склепов или с лестницы, позволял видеть смутные очертания опасно покосившейся полуоткрытой двери.

Пока Марабак проворно спускался вслед за братом, Милаб оглядывался вокруг в поисках источника шума, так похожего на журчание вожделенной воды. Он различил перед собой в ореоле колеблющихся теней смутные и странные контуры какого-то предмета, который мог уподобить лишь огромной клепсидре или же фонтану, окруженному причудливой резьбой.

Подземелье быстро затопила непроницаемая тьма. Затрудняясь определить происхождение предмета без факела или свечи, Милаб оторвал лоскут от подола своего пенькового бурнуса, поджег и поднял медленно горящий обрывок на вытянутой руке.

В свете тускло тлеющего огонька путешественники более ясно разглядели чудовищно огромный предмет, громоздившийся перед ними, вздымаясь от усеянного осколками пола до теряющегося во тьме свода подземелья.

То был словно нечестивый сон безумного дьявола. Его основная часть или тело формой напоминало урну, стоя, словно на пьедестале, на странно накрененной глыбе камня в центре склепа. Она была серовато-белой, изрытой бесчисленными отверстиями. От груди и нижней части отходило множество похожих на руки

и ноги ответвлений, свисавших до полу, будто чудовищные распухшие щупальца, а еще два отростка, упруго наклонившись, корнями тянулись в открытый и, на первый взгляд, пустой саркофаг из позолоченного металла с выгравированной на нем вязью причудливых древних значков.

Похожий на урну торс венчали сразу две головы. Одна была украшена острым, как у каракатицы, клювом и длинными раскосыми разрезами на том месте, где обычно располагаются глаза. Другая же, уютно расположившаяся рядышком с первой на узких плечах, была головой старика, мрачного, царственного и ужасного, с горящими, словно кровавые лалы, глазами и косматой, длинной, будто мох в джунглях, растительностью на омерзительно пористом носохоботе. Под хоботом на боку вырисовывались смутные очертания ребер, а некоторые выросты-щупальца заканчивались человеческими руками и ногами или обладали человекоподобными суставами.

В головах, членах и уродливом теле периодически раздавалось загадочное журчание, побудившее Милаба и Марабака проникнуть в склеп. При каждом звуке из чудовищных пор выделялась склизкая влага, медленно катящаяся вниз нескончаемыми каплями.

Братья замерли, лишившись дара речи, объятые липким ужасом. Не в состоянии отвести глаза, они наткнулись на зловещий взгляд человеческой головы, смотрящий поверх них с высоты своего неземного величия. Потом, когда пеньковый лоскуток в пальцах Милаба медленно угас, дотлевая, и тьма вновь заполнила склеп, они увидели, как невидящие щели во второй голове постепенно раскрылись, испуская горячий, желтый, нестерпимо слепящий свет, и превратились в огромные круглые глазницы. В тот же самый миг путешественники услышали странный грохот, похожий на барабанный, словно начало громко биться сердце огромного чудища.

Они осознавали только, что перед ними неземной или лишь частично земной кошмар. Ужасное зрелище лишило их всех мыслей и воспоминаний. И меньше всего они вспоминали сказителя в Фарааде с его преданием о спрятанной гробнице Ос-сару и Ниота Корфая, равно как и пророчество, что гробница будет найдена теми, кто придет в нее, не подозревая о том.

Молниеносно выпрямившись и потянувшись, чудовище подняло передние щупальца, переходящие в коричневые сморщенные старческие руки, и протянуло их к оцепеневшим от ужа-

са братьям. Из мерзкого, будто у каракатицы, клюва раздался пронзительный дьявольский клекот, а губы царственного старика начали на незнакомом Милабу и Марабаку языке слова торжественного песнопения, звучавшие как колдовские заклинания.

Братья отпрянули от омерзительно шевелящихся рук. Охваченные безумным паническим страхом при свете, льющемся из пылающих глазниц, они увидели, как отвратительное чудище поднялось со своего каменного сиденья и подалось вперед, неуклюже и неуверенно шагая на своих разномастных ногах. Раздался топот слоновьих ног и спотыкающиеся шаги человеческих ступней, неспособных нести свою часть отвратительной туши. Исполин вытащил два щупальца из золотого саркофага, но их концы запутались в пустом, расшитом драгоценными камнями саване из бесценного пурпура, который вполне бы подошел мумии какого-нибудь короля. С беспрестанным безумным кудахтаньем и оглушительной бранью, переходящей в старческое брюзжание, двуглавое чудище нависло над Милабом и Марабаком.

Повернувшись, они без оглядки понеслись через огромный склеп. Перед ними, освещаемая

лучами света из глазниц великана, виднелась полуоткрытая дверь из темного металла с проржавевшими петлями и задвижками, покосившаяся внутрь. Ширина и высота двери были поистине гигантскими, словно она была создана для существ неизмеримо более огромных, чем люди. За ней находился сумрачный коридор.

В пяти шагах от входной двери на пыльном полу была начерчена тоненькая красная линия, повторявшая очертания комнаты. Марабак, слегка опередивший брата, пересек линию и остановился, споткнувшись, точно ударился о какую-то невидимую стену. Его тело, казалось, растаяло под бурнусом, а само одеяние мгновенно превратилось в лохмотья, словно пережившие неисчислимое множество лет. Пыль заклубилась над полом прозрачным облаком, и там, где только что были протянутые руки Марабака, уже блестели белые кости. Потом и они тоже исчезли — и на пол упала куча истлевших лохмотьев.

Неуловимый запах тлена достиг ноздрей Милаба. Недоумевающий, он на миг прекратил свое бегство, и вдруг ощутил на своих плечах объятие липких сморщенных рук. Клекот и шепот двух голов оглушили его дьявольским хором. Барабанный бой и шум плеска фонтанов гремели в его

ушах. С последним криком он вслед за братом пересек красную черту.

Мерзкое чудище, одновременно бывшее человеком и ужасным порождением далеких звезд, неописуемый сплав сверхъестественного воскрешения, продолжало неуклюже ковылять вперед, не останавливаясь. Руки Оссару, позабывшего начатое было заклинание, схватили две кучки пустого тряпья. Коснувшись их, чудовище зашло в полосу смерти и разложения, которую Оссару сам установил, чтобы навеки защитить склеп от вторжения извне. Через миг в воздухе висело исчезающее бесформенное облако, словно оседающий легкий пепел. Потом в склеп вернулась тьма, а вместе с ней и смертельная тишина.

Ночь окутала своим черным покрывалом эту безымянную страну, и под ее покровом в город ворвались гории, преследовавшие Милаба и Мара-бака по пустынной равнине. В мгновение ока они убили и сожрали верблюда, терпеливо ждавшего своих хозяев у входа во дворец. Потом в старом зале с колоннами они обнаружили отверстие в мраморном помосте, сквозь которое братья спустились в склеп. Они жадно обступили дыру, принюхиваясь к запаху лежащей внизу гробницы, а потом разочарованно пошли прочь,

ибо их чуткие ноздри сказали, что след пропал, а в гробнице нет ни живых, ни мертвых.

Ткач в склепе

Инструкции Фаморгха, пятьдесят девятого короля Тасууна, были скрупулезными, обстоятельными и простыми, а, кроме того, им нельзя было не повиноваться без выплаты штрафов, по сравнению с которыми простая смерть — вещь приятная. Юанар, Гротар и Фирлиан Людоч — трое самых преданных прихвостней короля, отправились на восток от дворца в Мирааб, с шутками обсуждая, что хуже повиновение или неповиновение.

Приказ, который они только что получили от Фаморгха, был скорее необычным, чем неприятным. Они должны были посетить Чаон Гакку, давно оставленную столицу королей Тасууна, находившуюся более чем в девяносто милях на север от Мирааба среди пустынных холмов и спуститься в склеп под разрушенным дворцом, найти и вернуть к Мираабу, то, что осталось от мумии короля Тнеприза, основателя династии, к которой принадлежал Фаморгх. Никто не бывал в Чаон Гакке несколько столетий, и то, что мертвые в сохранности лежат в катакомбах было весьма

сомнительно. Но даже если от Тнеприза остался только череп, или кость мизинца, или пыль мумии, в которую труп превратился, посланцы должны были привести останки, тщательно охраняя их, словно святую реликвию.

— Это поручение скорее для гиен, чем для воинов, — ворчал Юанар в черную бороду, по форме напоминавшую лопату. — Клянусь Юлулуном, Хранителем Могил, нарушить покой мертвых — нездоровая идея. И верно, людям не стоило бы заходить в Чаон Гакку — столицу Смерти, где собрались все вампиры, чтобы отдать ей должное уважение.

— Король должен был послать своих бальзамировщиков, — заметил Гротар. Он был самым молодым и самым огромным из этой троицы, на целую голову выше Юанара и Фириана Людоча и, подобно им, он был ветераном многих войн и не раз попадал в опасные ситуации.

— Согласен. Я бы тоже сказал, что это поручение для гиен, — присоединился Юанар. — Но король хорошо знает, что нет смертных во всем Мираабе, кроме нас, кто посмеет войти в проклятые усыпальницы Чаон Гакка. Двести лет назад король Мандис, желая восстановить золотое зеркало королевы Аваины для своей любимой, отправил

двух отважных воинов, чтобы те спустились в склеп, где мумия Аваины до сих пор сидит на престоле в отдельной зале, держа зеркало в высохшей руке… Вот эти герои и отправились в Чаон Гакку… Но они так и не вернулись. И король Мандис, предупрежденный предсказателем, так и не сделал вторую попытку добыть зеркало, а удовлетворил свою возлюбленную другим подарком.

— Юанар, твои рассказы порадовали бы тех, кто жаждет топора палача, — проворчал Фирлиан Людоч, самый старый из троицы, чья коричневая борода выцвела до пенькового оттенка под солнцем пустыни. — Но я тебя не упрекаю. Все отлично знают, что эти катакомбы часто посещают твари похуже линчей и призраков. Странные дьяволы перебрались туда давно из безумной, проклятой пустыни Длоф. Слышал, говорят, что короли оставили Чаон Гакку из-за каких-то теней, что появлялись в полдень в залах дворца, без видимой формы, отбрасывающей их. И невозможно было от этих теней избавиться, хотя обряды экзорцизма проводили и жрецы, и волшебники. Люди говорят, что плоть любого, кто посмел коснуться теней, или вступал в них, становилась черной и гнилой подобно плоти старых

трупов, притом за один миг. А когда одна из теней явилась и уселась на трон короля, правая рука сюзерена Агмени загнила до запястья, а потом отвалилась подобно конечности прокаженного… И с тех пор никто не жил в Чаон Гакке.

— В самом деле, я слышал и другие истории, — пробормотал Юанар. — Город главным образом оставили из-за того, что пересохли колодцы и источники. Вода исчезла после землетрясения, которая расколола землю. Дворец королей обрушился до самого нижнего хранилища. А король Агмени сошел с ума, когда вдохнул пары, вырвавшиеся из одной трещины. И он так никогда и не оправился, даже после того как уехал из Чаон Гакки и перебрался в Мирааб.

— Вот это рассказ, в который я могу поверить, — объявил Гротар. — И считаю, что Фаморгх унаследовал безумие своего предка Аг-мени. Без сомнения, королевский дом Тасуун гниет и вот-вот должен рухнуть. Проститутки и волшебники роятся в дворце Фаморгха подобно трупным червям. А теперь, эта принцесса Луналия Ксулак, которую он взял в жены — проститутка и ведьма в одном флаконе. Он послал нас сюда по поручению Луналии. Это она хочет получить мумию Тнеприза для своих проклятых целей. Тнеприз,

как я слышал, был большим волшебником в свое время. И Луналия наверняка собирается воспользоваться мощной магией его костей для создания какого-нибудь приворотного зелья. Тьфу! Не нравятся мне такие поручения. На мой взгляд в Мираабе и так полным-полно мумий для создания подобных микстур, чтобы бесить возлюбленных королевы. А Фаморгх только пьет и прикидывается дураком.

— Побойся, — предупредил Фирлиан Людоч. — Луналия — вампир, который желает молодого и сильного… кстати рано или поздно может настать и твоя очередь, если, Гротар, мы вернемся живыми из этой поездки. Видел, как она смотрела на тебя.

— Я бы скорее сошелся с дикой ламией, — возразил Гротар в добродетельном негодовании.

— Твое отвращение тебе не поможет, — заметил Фирлиан Людоч. — Я знаю и других, кто выпил микстуры… Однако мы приближаемся к последнему винному магазину в Мираабе. А мое горло сохнет только от одной мысли о предстоящей поездке. Мне понадобиться целая чаша святой воды от Юороса, чтобы смыть эту пыль.

— Точно говоришь, — согласился Юанар. — Я тоже высох, как мумия Тнеприза. А ты, Гротар?

— Я выпью все, только если это не любовный напиток королевы Луналии.

Верхом на трех быстрых дромадерах и ведя четвертого в поводу, на спине которого был приторочен саркофаг, куда предполагалось поместить останки короля Тнеприза, эти три прихвостня короля скоро оставили позади яркие и шумные улицы Мирааба, поля сезама, рощи абрикосовых и гранатовых деревьев, находящихся в нескольких милях от города. Еще до полудня они покинули маршрут караванов, и свернули на дорогу, которая редко использовалась людьми, но часто львами и шакалами. Однако, дорога до Чаон Гакки хорошо сохранилась — две колеи от старинных колесниц все еще глубоко отмечались в почве пустыни, где дождь больше не шел ни зимой, ни летом.

В первую ночь они спали под холодными и многочисленными звездами, по очереди несли вахту, чтобы лев случайно не натолкнулся на них, или гадюка не заползла в их лагерь в поисках тепла. Второй день они ехали среди холмов, становившихся все круче и глубоких ущелий, так что дорога становилась все труднее. Не было слышно ни шороха змеи или ящерицы, ничего, кроме их собственных голосов и топота верблюдов

— ничто не нарушало тишину, воцарившуюся в этих землях подобно немому проклятию. Иногда, на скалистых вершинах, возвышающихся над ними на фоне мрачного свинцового неба, они видели ветви увядающих столетних кактусов, или стволов деревьев, которые сгорели еще в незапамятные времена.

Второй закат застал их, когда Чаон Гакка уже был поле зрения, его обветшалые стены возвышались меньше чем в четырех лигах в широкой открытой долине. Они подъехали к придорожной усыпальнице Юикла — маленького и гротескного бога смеха, чье влияние, как полагали, было главным образом благожелательно. Путники были довольны тем, что дальше в этот день идти не придется, и устроились под защитой рушащейся святыни из страха перед вампирами и дьяволами, которые могли бы жить в соседстве с теми проклятыми руинами. Из Мирааба они привезли с собой винный мех, заполненный крепким рубиновым вином Юорос. И хотя мех был теперь на три четверти пуст, они выпили в сумерках на разбитом алтаре, и помолились Юиклу, прося защиты, поскольку он мог бы защитить путников от демонов ночи.

Они спали на старых и холодных тканях с ал-

таря, как прежде неся вахту по очереди. Гротар, который нес третью вахту, когда, наконец, побледнели небеса, усыпанные звездами, разбудил своих спутников на рассвете, когда небеса по цвету напоминали рассыпанный пепел.

После скудного завтрака из фиг и высушенной козлятины, они возобновили путешествие, направив своих верблюдов вниз по долине, петляя по склонам, усеянным валунами, объезжая глубокие трещины в земле и скалах. Добраться до руин оказалось не так просто, и путникам приходилось ехать то в одну, то в другую сторону. Тут и там были давным-давно погибшие фруктовые деревья, разбитые сараи и фермы, где даже гиена на отважилась бы свить себе логово.

Из-за этого только в полдень они добрались до окраин города. Подобно рваным фиолетовым плащам, стены и арки зданий протянули тени. Повсюду были видны следы землетрясения: покрытые трещинами дороги, особняки, превратившиеся в груды камня, подтверждая истории о том, почему город был заброшен — все точно как говорил Юанар.

Дворец королей, однако, был все еще хорошо различим среди других зданий. Руины выглядели черной грудой порфира посреди акрополя в

северной части города. Этот акрополь напоминал холм красного сиенита, покрытый полосами грунта, нанесенными в более поздние годы, и обрывались у останков круглых стен, вокруг которых шла дорога, медленно ползущая к вершине. Следуя по этой дороге, посланцы Фаморгха направились к одному из входов, но дорогу им преградила трещина, рассекавшая стену и уходившая далеко в утесы. Глубокая трещина была менее ярда шириной, но дромадеры отказывались пересечь ее. Три всадника спешились и, оставив верблюдов, чтобы те их дожидались, перебрались через трещину, перетащив пустой саркофаг, а Юанар прихватил мех с вином. Они прошли под навесной башней.

Большой внутренний двор был усеян огромными обломками — тем, что некогда были высокими башнями и балконами. Воины очень осторожно пробирались среди обломков, поглядывая на тени, и обнажив мечи, словно преодолевая баррикады скрытого противника. Все трое были поражены видом колоссальной женщины, бледной и голой, которая лежала на каменных блоках и груде щебня. Но подобравшись ближе, они увидели, что эта никакая не дьяволица, а просто огромная мраморная статуя, которая

раньше стояла подобно кариатиде среди гигантских колонн.

Следуя тем указаниям, что дал им Фаморхг, они вошли в главный зал. Здесь под растрескавшейся и разрушенной крышей, путники стали двигаться с особой осторожностью, старались не шуметь, говорили шепотом, опасаясь, что камни, нависшие у них над головой обрушатся. Опрокинутые треноги из позеленевшей меди, обломки черного дерева и черепки фарфора лежали вперемешку с обломками камней, пилястр и антаблементов. На разбитом помосте из зеленого в красных пятнах гелиотропа, накреняясь меж разбитых сфинксов из янтаря, стоял потускневший серебряный трон королей.

В дальнем конце зала путники отыскали альков. Им повезло, он не был завален камнями. Отсюда начиналась лестница, ведущая вниз в катакомбы. Они на несколько минут остановились, прежде чем начать спуск. Юанар приложился к меху, который нес, а потом передал его Фирлюну Лиадочу, который хорошенько хлебнул вина. Он и Гротар поделили между собой остаток живительного напитка, и последний ворчал из-за того, что ему достались лишь опивки с осадками. Таким способом подкрепившись, они запалили

три смолистых факела терпентиного дерева, которые принесли с собой в саркофаге. Юанар шел впереди, пронзая темные тени острым мечом и разгоняя их факелом, пылающим и дымящим в его левой руке. Его компаньоны следовали за ним, неся саркофаг, откуда, чуть приподнимая крышку, они доставали все новые факелы и помещали их в щели между камнями. Крепкое вино Юороса, выпитое ими, разогнало мрачные опасения и предчувствия. Но все трое были закаленными пьяницами, а посему двигались с большой осторожностью и осмотрительностью, и не спотыкались на тусклых, стертых ступенях.

Пройдя через ряд винных подвалов, наполненных взломанными и разбитыми бочками, двигаясь зигзаобразными лестницами, они, наконец, вышли в широкий коридор, высеченный в сиените, ниже уровня городских улиц. Он тянулся, уходя во мрак. Стены его были целы, а в потолке не было щелей. Казалось, что они вступили в неприступную цитадель мертвых, По правую руку располагались могилы старших королей, слева — могилы королев, а боковые коридоры вели в мир вспомогательных усыпальниц для других членов королевского семейства. В дальнем конце главного коридора они должны

были найти склеп Тнеприза.

Юанар, двигаясь вдоль правой стены, скоро добрался до первого склепа. Согласно традиции, его двери были открыты и были ниже, чем рост среднего человека, так, чтобы все, кто входили в склеп, кланялись смерти. Юанар просунул факел в дверь и стал, запинаясь, читать легенду вырезанную в камне, которая говорила, что это склеп короля Ачарнила, отца Агмени.

— Замечательно, — пробормотал он. — Мы здесь не найдем ничего. Здесь лежит обычный безвредный мертвец.

И тут, вино, которое он выпил побудило его к своего рода браваде, он наклонилось перед дверями и сунул мерцающий факел в склеп Ачарнила.

Удивленный, он громко и зло выругался. Его спутники опустили свою ношу и сгрудились у него за спиной. Разглядывая подземную палату, которая оказалась достаточно просторной, они увидели, что та пуста. Высокое кресло, украшенное мистическими золотыми гравировками и вставками черного дерева, где должна была сидеть коронованная и завернутая в халат мумия, точно как в жизни, стояло у дальней стены на низком возвышении. На нем лежала алая одежда из соболя, митра, по форме напоминающая коро-

ну — серебро с черными сапфирами. Создавалось впечатление, что мертвый король разделся и ушел!

Пораженные, воины разом отрезвели, почувствовав холод зловещей тайны. Юанар, однако, решился зайти в склеп. Он осмотрел все темные углы, приподнял и осмотрел одежду Ачарнила, но не нашел никакого ключа к загадке исчезновения мумии. В склепе не было пыли, никаких видимых следов, и даже самого слабого аромата разложения.

Юанар присоединился к товарищам, и три пары глаз уставились друг на друга в жутком испуге. Выждав какое-то время, путники возобновили свои исследования коридора. И Юанар, заглядывающий в дверной проем каждого склепа, останавливался прежде, чем сунуть руку с факелом в дрожащую темноту, только для того чтобы обнаружить очередной пустой трон и регалии королевской власти.

Не было, казалось, никакого разумного объяснения для исчезновения мумий, для сохранения которых использовались могучие специи Востока, вместе с содой, что делало их практически неподвластными времени. Судя по обстановке, грабителей могил тут не было, потому как едва ли

они оставили бы россыпи драгоценных камней, тканей и металлов. Кости были бы разбросаны, а одеяния были бы разорваны и разбросаны. Мифические ужасы Чаон Гакки стали намного реальнее. Посланцы испуганно глядели и прислушивались, продолжая бродить по безмолвным склепам.

Теперь после того, как они убедились, что дюжина или более могил пусты, они увидели несколько стальных вещиц, поблескивающих впереди на полу коридора. Присмотревшись внимательнее, путники уверились, что это два меча, два шлема и панцири слегка устаревшего типа, какие носили прежде воины Тасууна. Они могли принадлежать не вернувшимся храбрецам, посланным королем Мандисом, чтобы забрать зеркало Аваины.

Юанар, Гротар и Фирлиан Людоч, рассматривая эти зловещие реликвии, были захвачены ужасным желанием выполнить поручение короля и вернуться наверх, туда, где светит солнце. Они поспешно, не останавливаясь стали осматривать отдельные могилы, на ходу обсуждая, что они станут делать, если мумия, которую они искали для Фаморгха и Луналии исчезла подобно всем остальным. Король приказал, чтобы они при-

несли все, что осталось от Тнеприза, и воины знали, что никакие оправдания или объяснения их неудачи не будут приняты. При таких обстоятельствах им не стоило возвращаться в Мирааб. Единственный шанс спастись — бежать из северной пустыни, по караванному пути к Зул-Бха-Саиру или Ксулагу.

Казалось, что они прошли уже огромное расстояние, среди склепов, которые становились все древнее. Здесь камни были более мягкими, а землетрясение сильно повредило подземелье. Пол засыпало осколками камней, и в потолке было полно трещин, а некоторые из склепов оказались частично завалены, но Юанар и его спутники отлично видели, что те пусты.

Приблизившись к концу коридора, они оказались над пропастью, разделяющей и потолок, и пол, расколовшей стены и перемычку между склепами. Трещина была приблизительно в четыре фута шириной, но факел Юанара не высветил ее дна. Зато он нашел имя Тнеприза над дверью, античная надпись над которой говорила о делах мертвого монарха и сообщала все титулы короля — она была разломана пополам Зотик 157 катаклизмом. Пройдя по узкому выступу Юанар заглянул в хранилище. Гротар и Фирлиан Лудоч

державшиеся позади него, оставили саркофаг в коридоре.

Трон Тнеприза, опрокинутый и сломанный лежал поперек трещины, которая протянулась через весь склеп. Не было никаких следов мумии, которая, судя по перевернутому положению кресла, несомненно упала в глубины земли в тот час когда та разверзлась.

Прежде, чем воины смогли высказать свое разочарование и тревогу, тишину разорвал унылый грохот отдаленного грома. Камень задрожал под их ногами, стены дрогнули, и шум обвала разорвал тишину. Потом он стал громче и в нем зазвучали неприятные нотки. Твердый пол, казалось, поднялся и опал в отвратительном плавном движении, а затем, когда воины повернулись, чтобы бежать, вселенная обрушилась на них ревущим потопом ночи и обломков.

Гротар, проснувшись в темноте, был уверен в том, что его завалило, словно скала обрушилась ему на ноги. Его голова пульсировала и болела, будто его оглушили булавой. Он обнаружил, что его руки и тело свободны. Но когда он попробовал вытащить ноги, боль стала невыносимой, и он снова потерял сознание.

Ужас пришел к нему, подобно сжимающимся

омерзительным пальцам, когда он понял в какой ситуации оказался. Видимо случилось землетрясение, вроде того, из-за которого люди покинули Чаон Гакку, и он, и его товарищи оказались погребенными в катакомбах. Он много раз громко позвал Юанара и Фирлиана Людоча, но не было никакого стона, ни шороха, говорящего, что те все еще живы.

Протянув правую руку, Гротар натолкнулся на груду щебня. Чуть повернувшись, он нашел несколько бесформенных каменных обломков, и среди них гладкую и круглую штуковину с острым гребнем посредине — он узнал шлем, который носил один из его спутников. Даже напрягшись изо всех сил, Гротар не смог дотянуться дальше и идентифицировать владельца. Металл был сильно вдавлен, гребень погнут, как будто по шлему ударили чем-то тяжелым.

Несмотря на свое затруднительное положение, жестокий характер Гротара не дал ему впасть в отчаяние. Он потянулся и сел, а вытянувшись вперед умудрился дотянуться до огромного блока, который придавил ему ноги. Гротар навалился на него с усилием, достойным Геркулеса, бушуя, подобно пойманному льву, но гигантский камень оставался неподвижным. В течении нескольких

часов он боролся с ним, словно с крошечным демоном. Его безумие утихло только тогда, когда он выбился из сил. Тогда же он откинулся назад и темнота навалилась на него подобно живой твари, и как ему показалось, впилась в него клыками боли и ужаса.

Когда Гротар уже находился на грани безумия, ему показалось, что он слышит приглушенное и отвратительное жужжание, источник которого располагался намного ниже, в каменных кишках земли. Шум становился все громче, как будто исходил из самого ада. А потом появился бледный, нереальный свет — он сочился через Зотик 159 трещины. Свет становился все ярче. Немного приподнявшись, Гротар увидел, что свет льется из трещин в полу.

Такого света, он никогда не видел: мертвенно бледный. И это не было ни отражением лампы, факела или лучины. Так или иначе, создавалось ощущение, что зрение и слух поменялись местами. Свет почему-то ассоциировался у Гротара с отвратительным жужжанием.

Словно рассветало — в склепе становилось все светлее. Гротар видел вход в склеп, большую часть потолка и часть того, что внутри. Тела Фирлиана Людоча и Юанара лежали рядом с про-

пастью, которая стала намного шире. И Гротар был уверен, что оба его спутника мертвы. Седеющая борода Фирлиана Людоча была темной от пропитавшей ее кровью от разбитого черепа. А Юанара наполовину засыпало грудой каменных блоков и осколков, из-под которых торчали только часть его туловища и левая рука. Он все еще сжимал в руке факел.

Все это Гротар видел неопределенно, словно во сне. А потом он увидел источник странного света. Холодный, яркий, бесцветный шар, круглый как дождевик и большой, словно человеческая голова — он появился из трещины и застыл над ней, словно подражая луне. Странная вещь колебалась, словно непрерывно вибрировала. И как будто вызванное этой вибрацией, по коридору лилось приглушенное жужжание. Свет исходил от шара вибрирующими волнами.

Еще одна волна страха накатила на Гротара. Казалось, свет и звук воздействовали на него, словно некие чары. Он сидел, окаменев, забыв о своей боли и отчаянии, в то время как шар несколько секунд парил над пропастью, а затем поплыл медленно над полом, пока не повис над засыпанным Юанаром.

С той же самой преднамеренной медлительно-

стью, тем же самым непрерывным колебанием, шар опустился к лицу мертвеца, который, казалось, начал таять подобно маслу, в то время как шар опускался ниже и ниже. Жужжание стало громче. Шар пылал с жутким блеском. Он все больше раздувался, в то время как голова воина сжималась внутри шлема, и потом пластины панциря упали, как будто самое туловище под ним высохло.

Гротар четко видел ужасающее видение, но его мозг занемел, как будто он принял настой болиголова. Было трудно вспоминать, трудно чтобы думать… но так или иначе он вспомнил пустые могилы, брошенные короны и одеяния. Загадка отсутствующих мумий, которая поставила в тупик его и его спутников казалась решена. Тварь которая кормилась Юанаром была совершенно ни на что не похожа. Это был обитатель ада, освобожденный демонами землетрясения.

Теперь, словно в оцепенении, Гротар видел, как постепенное расползался завал, под которым были погребены ноги и бедра Юанара. Шлем и кольчуга походили на пустые черепки, вытянутая рука увядала, сокращаясь, и сами кости истощались, продолжая таять и плавиться. Шар стал больше. Он мерцал, словно грязный рубин,

подобно полной луне. От него будто исходили веревки и нити, жемчужные, мерцающие цвета, которые, казалось, прикрепляли шар к разрушенному полу, стенам и крыше, подобно паутине паука. Их становилось все больше и больше, и они словно сплетали занавес между Гротаром и пропастью, касались Фирлиана Людоча и самого Гротара, пока сверкающий шар не скрылся за арабесками мрачного опала.

Теперь паутина заполнила весь склеп. Она мерцала и блестела сотней изменяющихся оттенков, Она расцветала призрачными цветами и оттенками, которые усиливались и исчезали словно под воздействием некромантии. Гротар был ослеплен; он все сильнее запутывался в сверхъестественной сети. Неземной холод как от пальцев смерти, исходил от дрожащих нитей, цеплявшихся за его руки и лицо.

Он не мог сказать, сколько продолжалось это плетение. Наконец, он увидел, как утончаются мерцающие нити, тают дрожащие арабески. Шар — творение злой красоты, живое и мыслящее каким-то не поддающимся расшифровке образом, поднялся от пустой брони Юанара. Он уменьшился до своего прежнего размера, и принял цвет крови и опала. Он по-прежнему висел чуть выше

пропасти. Гротар чувствовал, что тварь наблюдает за ним… наблюдает за Фирлианом Людочем. А потом, подобно приспешнику нижних пещер, шар медленно опустился в трещину. Свет в склепе угас и Гротар остался в полной темноте.

После этого были приступы лихорадки, жажды и безумия, мучения и дремоты. Он снова боролся против массивного блока, который держал его в плену. Он безумно кричал, выл подобно волку, а когда лежал на спине, в тишине слышал многочисленные, бормочущие голоса вампиров, которые обсуждали его. Гангрена развивалась стремительно. Раздробленные конечности, казалось, пульсировали от боли, подобно печени Прометея. В бреду Гротар потянулся за мечом и попытался отрубить себе ноги, но кончилось это всего лишь обмороком от потери крови.

Очнувшись настолько слабым, что не мог даже поднять голову, он увидел, что вновь появился свет, вновь услышал непрерывное жужжание, которое заполнило хранилище. Гротар знал, что происходит, и ужас вновь охватил его. Он знал, что Ткач вновь поднялся из пропасти… и знал, зачем тот пришел.

Тем не менее Гротар повернул голову и уставился на пытающий шар, который в этот раз

неторопливо опустился на лицо Фирлиана Людоча. Вновь он увидел, как шар неприлично распух и стал напоминать полную луну, а потом начал кормиться плотью старого воина. Снова, ослепленный, Гротар наблюдал узор паутины нечестивых цветов, смертоносно сверкающие узоры, затянувшие вуалью разрушенный склеп, создавая при этом удивительные иллюзии. Снова, подобно умирающему жуку, он чувствовал, как холодна эта сеть из неземных нитей. А удивительные цветы, созданные искусством некроманта, расцветали и чахли в воздухе у него над головой. Но еще до того, как паутина исчезла, Природа смилостивилась над Гротаром и он потерял сознание — провалился в бездонную тьму. А Ткач тем временем закончил свои дела и вернулся в пропасть…

Гротар то метался в лихорадке, то лежал на спине, готовый лишиться чувств. Но смерть не приходила. Гротар жил благодаря своей юности и огромной силе. А потом в третий раз он увидел, как разгорается богомерзкий свет, снова услышал таинственное жужжание. В этот раз Ткач повис над ним: бледный, сверкающий и вибрирующий… И Гротар понял: Ткач ждет, когда он умрет.

Подняв меч слабеющей рукой, Гротар попытался отогнать чудовище. Но тварь парила над ним, настороженная и внимательная, держась вне его досягаемости. Гротару показалось, что светящийся шар наблюдает за ним, подобно стервятнику. Меч выпал из его руки. Мерцающий ужас не исчез. Он приблизился, словно чье-то безглазое, суровое лицо. А потом Гротару показалось, что оно нырнуло за ним, устремившись в бесконечную ночь. И воин упал замертво.

И не было никого, кто бы мог оценить красоту паутины, которую в этот раз сплел Ткач с склепе Тнеприза.

Цитра

Коварны и многолики сети Демона, кто преследует души с рождения до смерти и со смерти до рождения, через множество жизней.

Завет Карнамагоса

Давно уже опустошительное лето пасло свои солнца, точно огненно красных жеребцов, на серо-коричневых холмах в предгорьях Микразианских гор, в диком Синкоре, на восточном краю земли. Бурные потоки, берущие начало в горах, превратились в еле видные ручейки и отдельные пересохшие лужицы, гранитная галька расслоилась от жары, голая земля потрескалась и раскололась, а скудная низкая трава высохла, казалось, до самых корней. Поэтому юному Цитре, пасшему черных и пегих коз его дяди Парноса, приходилось с каждым днем уводить своих подопечных все дальше и дальше по ущельям и вершинам холмов. В один из дней позднего лета он набрел на глубокую скалистую лощину, в которой никогда прежде не был. Что это было за дивное место: подземные родники питали прохладное темное горное озеро, а уступы на его

крутых берегах были покрыты травой и кустами, которые еще не утратили свою свежую зелень. Удивленный и очарованный, юный козопас последовал за своим резвым стадом в этот затерянный рай. Вряд ли бы козы дядюшки Парноса по доброй воле покинули это богатое пастбище, поэтому Цитра решил дольше не утруждать себя присмотром за стадом. Завороженный окружающим его пейзажем, он начал исследовать долину, утолив жажду прозрачной родниковой водой, сверкавшей, словно золотистое вино.

Место показалось ему подлинно райским садом. Забыв о пройденном расстоянии, о гневе дядюшки Парноса, неминуемо ожидавшем его, если он слишком поздно приведет стадо на вечернюю дойку, он все глубже забирался в извилистые скалы, окаймлявшие долину. С каждым шагом утесы становились все более дикими и неприступными, а долина сужалась, и он достиг ее конца, где непроходимая стена преграждала дальнейшее продвижение.

Чувствуя смутное разочарование, он уже развернулся и пошел назад, когда вдруг неожиданно заметил у основания отвесной стены таинственно разверстый зев пещеры. Ему показалось, что скала расступилась лишь недавно, ибо линии

разлома были ясно видны, и трещины в окружающей отверстие земле еще не заросли мхом, обильно покрывавшим все вокруг. На потрескавшемся выступе над пещерой, напоминавшем верхнюю губу, росло чахлое деревце, чьи недавно сломанные корни висели в воздухе, а их остатки упрямо цеплялись за скалу у ног Цитры, где, видимо, дерево стояло раньше.

Удивленный и заинтересованный, юноша вглядывался в манящий сумрак пещеры, откуда необъяснимым образом вдруг потянул нежный душистый ветерок. Воздух был напоен странными запахами, напоминающими храмовый фимиам или дающие блаженное бессилие и удовольствие опиумные цветы. Они взволновали все чувства Цитры, в то же время соблазняя его обещаниями чудесных неизведанных приключений. Еще колеблясь, он попытался вспомнить те легенды, которые дядюшка Парнос рассказывал ему о таких укромных пещерах, как эта, на которую он наткнулся. Но, казалось, все они разом улетучились из его памяти, оставив лишь смутные воспоминания об опасных, запретных и магических вещах. Он решил, что эта пещера была входом в какой то неисследованный мир, и волшебные ворота распахнулись нарочно для

того, чтобы он мог войти. Его мечтательная и склонная к приключениям натура не ощутила страха, который одолел бы любого другого. Охваченный безудержным любопытством, юноша вошел в пещеру, подобрал сухой смолистый сук, упавший с дерева на утесе, и сделал из него факел. Миновав каменные челюсти, он вошел в длинную галерею с неровными полукруглыми сводами, идущую вниз, точно глотка чудовищного дракона. Пламя факела затрепетало, вспыхивая и чадя под порывом теплого ароматного ветерка, все сильнее дувшего из глубины пещеры. Склон под его ногами стал опасно крутым, но Цитра продолжал исследование, спускаясь по ступенчатым каменным уступам.

Точно во сне, он был полностью поглощен загадкой, на которую набрел, и ни на минуту не вспомнил о своих заброшенных обязанностях, потеряв всякий счет времени, потраченного на спуск. Но неожиданно его факел потух под порывом горячего ветра, налетевшего на него, как выдох шаловливого демона.

Чувствуя приступ жестокой паники, Цитра беспомощно топтался в темноте, стараясь найти безопасную опору для ног на этом опасном склоне. Но еще прежде, чем юноша успел вновь зажечь

свой факел, он понял, что ночь, окружавшая его, была не абсолютной, заметив в простирающейся под ним бездне тусклое сияние. Забыв свою тревогу, заинтересованный этим новым чудом, он стал спускаться к таинственным огням.

В конце длинного склона юноша протиснулся сквозь низкий лаз и вышел в яркое, точно солнечный свет, сияние. Ослепленный и ошеломленный, на мгновение он решил, что его подземные блуждания вывели его назад, на свет, в какую то неизвестную страну, лежащую между Микразианскими холмами. Но расстилавшаяся перед ним земля явно не была частью выжженного солнцем Синкора, ибо он не видел ни холмов, ни гор, ни темно сапфирового неба, с которого стареющее, но все еще деспотичное солнце с неутолимой жаждой взирало на царства Зотика.

Он стоял на пороге плодородной равнины, простиравшейся без конца и края до необъятного свода золотистого горизонта. Далеко-далеко сквозь сияющую дымку смутно проглядывали нагромождения чего-то непонятного, что могло бы быть куполами, шпилями или бастионами. Под его ногами лежал ровный луг, густо поросший курчавой травой, зеленой, словно старая медная монета. Дерн был усеян странными цветами,

которые поворачивались и шевелились, будто глаза живого существа. Неподалеку, за лугом, виднелась похожая на сад густая роща фруктовых деревьев, сквозь буйную листву, точно бесчисленные огоньки, проглядывали аппетитные темно-красные плоды. Равнина, по всей видимости, была совершенно безлюдна, и ни одной птицы не летало в огненно-рыжем воздухе и не сидело на нагруженных плодами ветках. Ни один звук не нарушал тишину, лишь шорох листьев, напоминавший шипение множества невидимых змеек.

Мальчику из выжженной горной страны это царство показалось райскими кущами неизведанных наслаждений. Лишь на короткий миг его остановила странность всего происходящего и ощущение потусторонней сверхъестественной жизни, наполнявшей весь пейзаж.

Казалось, огненные снежинки падали с небес и таяли в зыбком воздухе, трава отвратительно шевелилась, цветы-глаза точно отвечали в ответ на его взгляд, деревья трепетали, как будто в них тек не древесный сок, а алая сукровица, и хор гадючьих голосков в листве становился все более пронзительным и громким.

Цитру, однако, отпугивала лишь мысль, что

такая прекрасная и плодородная земля должна принадлежать бдительному хозяину, который наверняка будет возмущен его вторжением. Он настороженно осмотрел безлюдную равнину и, решив, что его никто не видит, поддался искушению сорвать манящий красный плод.

Почва упруго прогибалась под его ногами, словно живая, пока он бежал к ближайшему дереву, чьи ветви клонились к земле, сгибаясь под тяжестью великолепных плодов. Он сорвал несколько самых крупных и бережно спрятал их за пазухой своей ветхой туники. Потом, не в силах сдерживаться, юноша начал поглощать один из них. Нежная кожица лопнула под его зубами, и словно поистине королевское вино, сладкое и терпкое, брызнуло ему в рот из переполненной чаши. Он почувствовал в горле и груди сладкое тепло, чуть было не задушившее его. В ушах странно звенело, а все чувства охватила какая то неведомая лихорадка. Но это быстро прошло, и Цитра вздрогнул от изумления, услышав звук голосов, доносящихся как будто с небесных высот.

Он мгновенно понял, что голоса принадлежали не людям. Они наполняли его слух грохотом зловещих барабанов, отражающимся грозным эхом, но казалось, что они произносили вполне отчет-

ливые слова, хотя и на чужом языке. Взглянув вверх сквозь густые ветви, он увидел зрелище, наполнившее его душу ужасом. Два огромных существа, высоких, как сторожевые башни горцев, возвышались над деревьями, и те доставали им лишь до пояса! Казалось, что они как по волшебству появились из зеленеющей земли или сошли с золотых небес, ибо заросли деревьев, в соседстве с ними казавшихся не более чем кустами, ни за что не смогли бы скрыть их от глаз Цитры.

Фигуры были закованы в черную броню, тусклую и мрачную, какую могли бы носить демоны, служащие Тасайдону, повелителю бездонной преисподней. Цитра был уверен, что его заметили и, возможно, их неразборчивый разговор касался незваного гостя. Он задрожал, решив, что забрался в сад к джиннам. Испуганно выглядывая из своего убежища, он не мог различить черты лица под забралами их черных шлемов, склоненных над ним. Огненные желтовато-красные глаза-точки, беспокойные, словно болотные огни, двигались туда-сюда в пустом мраке, где должны были находиться лица.

Цитре показалось, что густая листва не сможет укрыть его от пристального взгляда этих созданий, стражей земли, куда он так опрометчиво

вторгся. Он был переполнен чувством вины, и все: шипящие листья, барабанные голоса гигантов, цветы-глаза, обвиняли его в посягательстве на их покой. В то же время он был смущен подозрительной и необычной неопределенностью собственной личности: каким то образом она принадлежала не козопасу Цитре, а кому-то другому, кто нашел сверкающее королевство-сад и отведал кроваво-красный плод. У этого чуждого ему «я» не было ни имени, ни отчетливых воспоминаний, но в его мозгу мерцали беспорядочные огни, и раздавался шепот неразличимых голосов, путаясь с перемешавшимися призраками его собственного разума. Он снова почувствовал зловещее тепло и мгновенную лихорадку, которые охватили его после того, как он попробовал злополучный плод.

Багрово-синяя вспышка света, пробившаяся сквозь ветки, заставила его очнуться. Юноша никогда потом не мог с уверенностью сказать, был ли это удар молнии с ясного неба или один из вооруженных колоссов взмахнул огромным мечом. Свет обжег глаза, он ощутил неконтролируемый страх и понесся, полуослепленный, по мягкой земле. Сквозь вспыхивающие цветные молнии впереди маячил высокий отвесный утес,

и в нем был виден лаз в пещеру, через который Цитра пробрался в колдовской сад. За спиной он слышал долгие раскаты летнего грома… или то был смех великанов?

Не остановившись, чтобы подхватить все еще горящий факел, оставленный им на выходе, юноша отчаянно нырнул в темную пещеру, ухитрившись в этой адской темноте ощупью отыскать путь наверх по крутому склону. Шатаясь, спотыкаясь и ударяясь обо что-то на каждом повороте, он, наконец, выбрался к внешнему выходу, в укромную долину за холмами в Синкоре.

К его удивлению, за время его отсутствия на внешний мир опустились сумерки. Звезды зажглись над угрюмыми утесами, ограждавшими долину, и небеса цвета выгоревшего пурпура пронзил острый рог янтарного месяца. Все еще опасаясь преследования великанских стражей и предчувствуя гнев дядюшки Парноса, Цитра поспешил назад, к маленькому горному озерцу, собрал стадо и погнал его домой по необозримым темным холмам. Во время пути лихорадка то настигала, то вновь отпускала его, принося с собой причудливые видения. Он забыл свой страх перед Пар-носом. Более того, забыл, что он Цитра, скромный и незаметный пастух. Он возвращался

не в жалкую хижину Парноса, выстроенную из глины и хвороста, а в другое жилище. В городе с высокими куполами перед ним распахнутся ворота из полированного металла; кроваво красные знамена будут реять в душистом воздухе; серебряные трубы, голоса белокурых одалисок и черных дворецких встретят его, короля, в тысячеколонном зале. Древняя роскошь королевской власти, привычная, как воздух и свет, вновь окружит его, и он, король Амеро, недавно взошедший на трон, будет править, как правили его отцы, над всем королевством Калица на берегу восточного моря. Жестокие кочевники будут приезжать на косматых верблюдах в его столицу и привозить пошлину — бурдюки с финиковым вином и добытые в пустыне сапфиры, а галеры с утренних островов станут выгружать в его портах полугодовую дань специй и причудливо окрашенных материй.

Возникая и исчезая, точно приступы бреда, но с четкостью повседневных воспоминаний, безумие приходило и уходило, и он снова становился племянником Парноса, в сумерках возвращавшимся домой со своим стадом.

Точно разящий клинок, красная луна опустилась на мрачные холмы, когда Цитра достиг

грубого деревянного загона, в котором дядюшка Пар-нос держал своих коз. Как Цитра и думал, старик поджидал его у ворот, держа в одной руке глиняный фонарь, а в другой колючую хворостину. Он начал бранить мальчика со старческой брюзгливостью, размахивая хворостиной и обещая выпороть его за опоздание.

Цитра даже не вздрогнул перед этой угрозой. В своем видении он снова был Амеро, юным королем Калица. Пораженный и изумленный, он видел перед собой в колеблющемся свете фонаря грязного и дурно пахнущего старца, которого он не знал. Он едва мог понять речь Парноса, его гнев удивлял, но не пугал юношу, а козий дух оскорблял его обоняние, привыкшее только к изысканным ароматам. Как будто впервые в жизни, он услышал блеяние усталого стада и в изумлении воззрился на плетеный загон и стоявшую за ним хижину.

— Так-то ты платишь мне за мое добро? — кричал Парнос. — И это после того, как я, выбиваясь из сил, вырастил тебя, словно своего сына! Треклятый идиот! Неблагодарное отродье! Если ты потерял хоть одну дойную козу или козленка, я шкуру с тебя спущу!

И, приняв молчание юноши за простое про-

явление непокорности, он начал хлестать его хворостиной. После первого же удара яркое облако, затмившее разум Цитры, растаяло и, проворно уворачиваясь от розги, он попытался рассказать дяде о новом пастбище, которое нашел среди холмов. При этих словах старик перестал бить его, и юноша продолжил свой рассказ о странной пещере, которая привела его в неведомый сад. В подтверждение своей истории он полез за пазуху туники в поисках украденных кроваво-красных плодов, но они исчезли, и непонятно было, потерялись ли они в темноте или же исчезли посредством колдовских чар.

Парнос, прерывая племянника частыми ругательствами, сначала слушал его с явным недоверием. Но по мере того, как Цитра рассказывал, он умолк, а когда рассказ подошел к концу, вскричал дрожащим голосом:

— Будь проклят этот злосчастный день, ибо ты блуждал в заколдованном краю. Поистине, среди холмов нет такого озера, как ты описал, и в это время года ни один пастух не смог бы найти такое пастбище. Все это были видения, предназначенные для того, чтобы ввести тебя в заблуждение, и бьюсь об заклад, что это была не простая пещера, а врата ада. Я слышал, как мой отец рассказывал,

что сады Тасайдона, повелителя семи преисподних, в нашем краю лежат близко к поверхности земли, и пещеры уже открылись, и смертные, не подозревая об этом, входят в проклятые сады и, прельщенные адскими плодами, вкушают их. И настигает их безумие, и многие печали, и вечные муки, ибо говорят, что Демон не забывает ни об одном украденном яблоке и, в конце концов, взимает свою плату. О горе, горе! Козье молоко целый месяц будет кислым от травы с колдовского пастбища, и после того, как я столько лет тебя кормил и заботился о тебе, мне придется взять другого отрока пасти мое стадо.

И снова обжигающее облако окутало Цитру, пока он слушал слова дяди.

— Старик, я тебя не знаю, — сказал он недоуменно, а потом продолжил, используя вежливые слова придворной речи, половина из которых была непонятна Парносу. — Мне кажется, будто я заблудился. Позвольте осведомиться, где находится королевство Калиц? Я его король, недавно коронованный на царство в великом городе Шатайре, где тысячелетиями правили мои отцы.

— Аи! Аи! — запричитал Парнос. — Мальчишка обезумел. Это все потому, что он попробовал дьявольское яблоко. Сейчас же прекрати бормотать и

помоги мне подоить коз. Ты не кто иной, как сын моей сестры Аскли, родившийся девятнадцать лет назад, после того как ее муж умер от дизентерии. Она ненадолго его пережила, и я, Парнос, вырастил тебя, как сына, а козы выкормили тебя своим молоком.

— Я должен отыскать мое королевство, — упорствовал Цитра. — Я заблудился в темноте, в этих незнакомых местах, и не помню, как пришел сюда. Старик, ты дашь мне кров и пищу на эту ночь, а на рассвете я отправлюсь в Шатайр, к восточному морю.

Парнос, дрожа и испуганно бормоча, поднес свой глиняный фонарь к лицу мальчика. Перед ним стоял незнакомец, в чьих широко раскрытых удивленных глазах отражалось пламя золотистых ламп. В поведении Цитры не было безумия, только какая-то благородная гордость и отрешенность, и он носил свою ветхую тунику с неизъяснимой грацией. Его манеры и речь звучали совершенно немыслимо. Старик, шепча что то себе под нос, больше не принуждал мальчика помогать и принялся за дойку.

Цитра встал рано на рассвете и в изумлении вгляделся в заляпанные грязью стены лачуги, в которой жил с рождения. Все было ему чуждо и

удивительно, особенно его тревожила собственная обожженная солнцем смуглая кожа, ибо это вряд ли пристало молодому королю Амеро, кем он себя считал. Его положение казалось в высшей степени необъяснимым, и он чувствовал настоятельную необходимость как можно быстрее отправиться домой.

Юноша тихонько поднялся с подстилки из сухой травы, служившей ему ложем. Парнос, лежащий в противоположном углу, все еще спал, и Цитра постарался не разбудить незнакомца. Его одновременно озадачивал и отталкивал этот омерзительный старик, накануне вечером накормивший его грубой просяной лепешкой с густым козьим молоком и сыром и приютивший в зловонной хижине. Он обратил не слишком много внимания на бормотание и брань Парноса, но было очевидно, что старик сомневался в его королевском ранге, и даже более того, был одержим каким то странным заблуждением относительно его личности.

Покинув убогую лачугу, Цитра направился по тропинке, вьющейся в восточном направлении между каменистыми холмами. Он не знал, куда она ведет, но рассудил, что Калиц, самое восточное королевство Зотика, должен быть где то там,

откуда вставало солнце. Перед ним в видениях, словно прекрасный мираж, реяли зеленеющие долины его королевства, и вздымающиеся купола Шатайра громоздились, подобно утренним облакам, на востоке.

Все это казалось ему воспоминаниями вчерашнего дня. Он не мог восстановить в памяти обстоятельства своего отъезда и отсутствия, но, несомненно, страна, которой он правил, была недалеко.

Тропинка петляла между невысокими холмами, и Цитра вышел к небольшой деревушке Сит, жители которой его знали. Сейчас это место казалось ему абсолютно незнакомым, всего лишь кучкой жалких лачуг, вонючих и полусгнивших. Люди окружили его, называя по имени, но лишь таращили глаза или глупо хихикали, когда он спросил о дороге к Калицу. Казалось, никто из них даже не слышал об этом королевстве или о городе Шатайре. Заметив странности в поведении Цитры и решив, что он повредился умом, жители стали насмехаться. Дети швыряли в него комьями земли и камнями, гоня его прочь из Сита, и он пошел дальше на восток по дороге, которая вела из Синкора в соседние долины страны Жель.

Поддерживаемый только мечтой о своем поте-

рянном королевстве, юноша многие месяцы брел по дорогам Зотика. Люди высмеивали его, когда он заговаривал о своем королевском ранге или спрашивал о Калице, но многие, считая безумие печатью святости, давали ему кров и пищу. Через необозримые виноградники Жели и по улицам шумного города Истанама, через высокие перевалы Имората, где снег лежит до начала осени, и по соленой пустыне Дхир Цитра следовал за этой яркой величественной мечтой, которая сейчас превратилась лишь в его воспоминание. Он шел и шел на восток, иногда путешествуя с караванами, чьи предводители надеялись, что присутствие юродивого принесет им удачу, но чаще шагал, как одинокий бродяга.

Иногда на короткий миг наваждение покидало его, и он снова превращался в простого пастуха, заплутавшего в незнакомых королевствах и тосковавшего по голым холмам Синкора. Затем он вновь вспоминал свое царствование, пышные сады Шатайра и его великолепные дворцы, имена и лица тех, кто служил ему после смерти отца, короля Эльдамака, и его собственное воцарение на троне.

В середине зимы, в дальнем городе Ша Караге, Цитра встретил нескольких торговцев амулета-

ми из Устейма, странно усмехнувшихся в ответ на его вопрос, не могут ли они указать ему дорогу в Калиц. Перемигиваясь, когда он говорил о своем королевском ранге, купцы сказали, что Калиц находится в нескольких сотнях лиг к востоку от Ша Карага.

— Славься, о король! — с глумливыми почестями прокричали они. — Царствуй долго и радостно в Шатайре.

Сердце Цитры наполнилось радостью, когда он в первый раз за все время своего путешествия услышал о своем потерянном королевстве и понял, что оно было не сном и не бредом безумца. Не задерживаясь в Ша Караге, он торопливо отправился на восток…

Когда первая весенняя луна хрупким полумесяцем взошла на вечернем небе, он понял, что приближается к концу своего пути. Ибо Канопус ярко горел на восточных небесах, окруженный свитой более маленьких звезд, точно такой же, каким мальчик однажды видел его с террасы дворца в Шатайре.

Его сердце сильно колотилось, наполняемое радостью возвращения домой, но юноша был очень удивлен запустением и безлюдьем окрестностей, по которым проходил. Не было путешественни-

ков, двигавшихся из Калица в Синкор и обратно, и ему встретилось лишь несколько кочевников, исчезнувших при его приближении, точно пустынные гиены. Дорога заросла травой и кактусами, и только следы зимних дождей бороздили дорожную пыль. Вскоре он увидел на обочине вырезанный из дерева дорожный столб в виде стоящего на задних лапах льва, отмечавший западную границу Калица. Его голова раскрошилась, тело и лапы покрылись лишайниками, и казалось, что он был заброшен вот уже долгие годы. Гнетущая тревога зародилась в душе Цитры, ибо только в прошлом году, если память его не подводила, он проезжал мимо этого льва вместе с отцом, Эльдамаком, во время охоты на гиен, и отметил новизну столба.

Сейчас он смотрел с высокого пограничного гребня на Калиц, лежавший у моря подобно длинному зеленому свитку. К его удивлению и ужасу, обширные поля были увядшими, как осенью, полноводные реки превратились в тонкие ручейки, терявшиеся в песках, а холмы оголились, словно ребра мумии, не завернутой в саван, и не было видно никакой зелени, за исключением той скудной растительности, которая одевает пустыню весной. Ему показалось, что вдалеке у

пурпурного моря он заметил сияние мраморных куполов Шатайра, и в страхе, что его королевство поразили какие то злые чары, поспешил в город. И в ярком свете весеннего дня ему открылась удручающая картина: пустыня поглотила все его королевство. Пусты были плодородные некогда поля, безлюдны деревни. Хижины обвалились, превратившись в кучи обломков, фруктовые сады высохли, словно пораженные непрерывной тысячелетней засухой, оставившей после себя лишь несколько черных гнилых пней.

Поздним днем он вошел в Шатайр, бывший когда-то благородным владыкой восточного моря. Улицы и гавань были одинаково пустынны, и тишина царила на разбитых крышах и разрушенных стенах. Великолепные бронзовые обелиски позеленели от старости, а огромные мраморные храмы богов Калица покосились и осели.

Медленно, точно боясь удостовериться в том, чего он давно ожидал, Цитра вошел во дворец монархов, но не тот, каким он его помнил, в великолепии парящего мрамора, полускрытого цветущими миндальными и сандаловыми деревьями и с бьющими ввысь фонтанами. Дворец абсолютно обветшал, он стоял посреди разоренного сада в лучах иллюзорного розового заката,

угасавшего над куполами. Сумерки опустились на разоренный дворец, в одно мгновение придав ему мрачность мавзолея.

Он никак не мог понять, как давно заброшено это место. Смятение охватило его. Цитра был подавлен страшной утратой и отчаянием. Казалось, не осталось никого, кто мог бы поприветствовать его в этих развалинах.

Подходя к воротам западного крыла, он увидел будто бы дрожащие тени, появившиеся из тьмы внизу портика. Несколько подозрительных личностей, одетых в отвратительные лохмотья, подобрались к нему по выщербленному полу. Клочья одежды свисали с тощих плеч, и на всех лежала невыразимо ужасная печать нищеты, грязи и болезни. Когда они приблизились, Цитра увидел, что у большинства не было какого-либо члена или части лица, и все люди обглоданы проказой.

Его затошнило от омерзения, и на миг он утратил дар речи. Но прокаженные приветствовали его сиплыми криками и глухим кваканьем, считая еще одним изгнанником в их разрушенном жилище.

— Кто вы, о живущие в моем дворце в Шатайре? — требовательно спросил он. — Я король

Амеро, сын Эльдамака, вернувшийся из дальних странствий, чтобы вновь воцариться на троне Ка-лица.

При этих словах в рядах прокаженных послышалось омерзительное хихиканье, больше похожее на клекот.

— Это мы короли Калица, — ответил один из них. — Эта земля еще столетия назад превратилась в пустыню, и город Шатайр давно обезлюдел, если не считать таких, как мы, кого изгнали из других мест. Юноша, ты можешь разделить это королевство с нами, ибо здесь не важно, королем больше или меньше.

С непристойной дерзостью прокаженный глумился над Цитрой и высмеивал его, и тот, стоя среди убогих осколков своей мечты, не мог найти слов, чтобы ответить дерзкому. Однако один из самых старых прокаженных, почти полностью обглоданный болезнью, не разделял веселья своих товарищей и, казалось, над чем-то раздумывал. Наконец он сказал Цитре хриплым голосом, исходившим из черной впадины его зияющего рта:

— Я немного знаю историю Калица, и имена Амеро и Эльдамака кажутся мне знакомыми. В прошедшие времена двух правителей действи-

тельно звали так, но я не знаю, кто из них был отцом, а кто — сыном. Увы, оба давно в могиле со всеми остальными из их династии, в глубоких склепах под дворцом.

В сгущающихся сумерках из темных руин выползли другие прокаженные и кольцом окружили Цитру. Услышав, что он предъявил права на царствование в пустынном королевстве, некоторые ушли и тотчас вернулись опять, захватив с собой плошки с вонючей водой и какой-то заплесневевшей пищей, которую протянули Цитре, шутовски кланяясь, словно придворные, служащие монарху.

Юноша с отвращением отвернулся от подношения, хотя и испытывал сильный голод и жажду, и побежал сквозь мертвые сады мимо высохших фонтанов и пыльных лужаек. За спиной он слышал издевательское веселье прокаженных, но звук постепенно ослабевал и, казалось, они не стали преследовать его. Огибая огромный дворец, он не встретил никого из этих созданий. Ворота южного и восточного крыльев были пусты и темны, но он не стал заходить внутрь, зная, что лишь опустошение и вещи еще более худшие могут ожидать его там.

Обезумевший и отчаявшийся, он подошел к во-

сточному крылу и остановился в темноте. Уныло и с каким то странным отчуждением он осознал, что именно эту террасу над морем вспоминал так часто на протяжении своего долгого пути. Голы были когда-то усыпанные цветами кровати, деревья сгнили в покосившихся кадках, плиты пола выщербились и раскололись. Но милосердные сумерки скрывали убогий вид развалин и, словно грустя о былом, под пурпурным сводом вздыхало море, а грозная звезда Канопус всходила на востоке, окруженная менее яркими звездами.

Горечь разъедала сердце Цитры, ибо мечта, поманившая его, лопнула, как мыльный пузырь. Яркое сияние Канопуса заставило его поморщиться, но прежде чем он успел отвернуться, столб мрака, темнее ночи и гуще любой тучи, взметнулся на террасе, затмив лучезарную звезду. Тень вырастала прямо из гранитной плиты, вздымаясь все выше и выше, и приняла очертания одетого в броню воина. Казалось, этот воин смотрит с огромной высоты прямо на Цитру, и глаза его под опущенным забралом шлема светились и передвигались, как шаровые молнии в темноте.

Неотчетливо, как увиденное в давнем сне, Цитра вспомнил мальчика, который пас коз на выжженных солнцем холмах и однажды нашел

пещеру, открывшую ему вход в сады необыкновенной страны чудес. Бродя там, мальчик попробовал кроваво-красный плод и испытал леденящий ужас перед великанами в черной броне, охранявшими волшебный сад. И опять он был тем самым мальчиком, но каким то непостижимым образом оставался и королем Амеро, искавшим в разных странах свое потерянное королевство, и нашедшим, в конце концов, на его месте лишь мерзость запустения.

И сейчас, когда трепет пастуха, повинного в посягательстве на колдовской сад и в воровстве, боролся в его душе с гордостью короля, он услышал голос, раскаты которого звучали в небе подобно грому с высоких облаков в весенней ночи:

— Я посланник Тасайдона, который в положенное время посылает меня ко всем, кто прошел сквозь нижние ворота и отведал плодов его сада. Ни один человек, вкусивший этих плодов, не сможет остаться таким, каким был до этого. Но если одним они дарят забвение, то другие, наоборот, обретают память. Знай же, что в другом рождении, многие годы назад, ты действительно был королем Амеро. Память об этом воскресла в твоей душе, стерла воспоминания настоящей жизни и

погнала на поиски своего древнего королевства.

— Если это правда, то я пострадал дважды, ибо, будучи Амеро, я лишен царства и царствования, а оставаясь Цитрой, я не смогу забыть о своей потерянной королевской власти и вновь обрести то довольство, которое знал простым пастухом.

— Молчи и слушай, ибо есть еще один путь, — произнесла тень голосом тихим, словно шепот далекого океана. — Могущество Тасайдона не знает границ, и он милостив к тем, кто служит ему и признает его власть. Поклянись в своей преданности и обещай ему свою душу, и он щедро вознаградит тебя. Если ты захочешь, своим колдовством он воскресит прошлое, погребенное под руинами Дворца. Ты вновь станешь королем Амеро и будешь править Калицем. Все будет точно таким же, как в прошедшие года, а мертвые лица и опустевшие поля вновь наполнятся цветением жизни.

— Я принимаю обязательство, — ответил Цитра. — Клянусь быть верным Тасайдону и отдать ему душу, если он вернет мне мое королевство.

— Это еще не все, — вновь заговорила тень. — Ты вспомнил не всю свою прошлую жизнь, а только те годы, которые соответствуют твоему теперешнему возрасту. Может быть, став Амеро,

ты пожалеешь о своей участи, и если эта жалость овладеет тобой и заставит забыть о своих королевских обязанностях, колдовство потеряет свою силу и растает как дым.

— Так тому и быть, — согласился юноша. — Я принимаю и это условие как часть сделки.

Не успел он договорить, как тень, заслоняющая Канопус, исчезла. Звезда горела с первозданной яркостью, как будто миг назад облако тьмы не закрывало его. Не ощущая никакой перемены, смотрящий на звезды стал не кем иным, как королем Амеро, а бедный пастух Цитра, равно как и посланник Тасайдона, и клятва, данная повелителю тьмы, исчезли из его памяти, как дурной сон. Запустение и разруха, царившие в Шатайре, оказались не более чем фантазией какого то сумасшедшего пророка, ибо Амеро уловил аромат душистых цветов, смешанный с соленым дыханием моря, а тихий шепот набегающих на берег волн заглушали нежное пение лир и визгливый смех рабынь во дворце за его спиной. До него доносились мириады звуков ночного города, где его подданные веселились и пировали. С непонятной болью и смутным ощущением счастья отвернувшись от звезды, Амеро увидел сверкающие ворота и окна отцовского дворца и

ослепительный свет тысяч факелов, затмивший звезды в небе над Шатайром.

Старые хроники говорят, что на правление короля Амеро пришлось много лет процветания. Мир и достаток царили в королевстве Калиц. Ни засуха, ни морские бури не нарушали его покой, и подвластные ему острова и далекие страны в положенный срок присылали дань. И Амеро был доволен, по-королевски роскошествуя в пышно украшенных гобеленами залах дворца, наслаждаясь яствами и винами и слушая восхваления своих музыкантов, дворецких и наложниц.

Когда годы его жизни уже перевалили за середину, на Амеро время от времени стала находить та пресыщенность, которая часто подстерегает баловней фортуны. В такие моменты он отходил от надоевших развлечений двора и находил утешение в цветах, зелени и стихах старинных поэтов. Таким образом, он не допускал пресыщения и, поскольку обязанности правителя не слишком обременяли его, все еще находил свою королевскую власть весьма приятной.

Но однажды поздней осенью звезды точно прогневались на Калиц. Падеж скота, болезни растений и чудовищный мор пронеслись по всему королевству, словно на крыльях невиди-

мых драконов. Морское побережье осаждали и беспощадно разоряли пиратские галеры. На востоке грозные банды грабителей нападали на проходящие через Калиц караваны, а на юге жестокие пустынные племена совершали набеги на деревушки, лежащие близ границы. Беспорядки и смерть царили повсюду, и страна наполнилась печалью и стенаниями.

Глубоко было волнение Амеро, каждый день слушавшего горестные жалобы. Он был не слишком искусен в правлении огромным королевством и совершенно непривычен к тяжким испытаниям власти. Ему приходилось искать помощи придворных, чьи советы только ухудшали положение. Беды королевства все умножались и умножались. Не встречая достойного сопротивления, дикие племена пустыни все больше смелели, а пираты, как стервятники, рыскали у берегов. Голод, засуха и мор терзали несчастную страну, и растерянному Амеро казалось, что ни одно средство уже не поможет против этих напастей, а его корона превратилась в невыносимо тяжелое бремя.

Тщась забыть собственное бессилие и горькую судьбу королевства, он ночи напролет предавался беспутству. Но вино почему-то больше не

дарило забвения, а любовь — прежних восторгов. Он искал других развлечений, призывая к себе все новых паяцев, шутов и скоморохов и собирая заморских певцов и игроков на диковинных музыкальных инструментах. Каждый день король обещал награду тому, кто сможет отвлечь его от забот. Веселые песни и волшебные баллады о былом исполняли ему знаменитые менестрели. Чернокожие девушки севера с янтарными браслетами на руках и ногах кружились и извивались перед ним в своих сладострастных плясках. Трубачи дули в рога химер, играя неслыханные затейливые мелодии. Карлики-дикари выбивали на барабанах из кожи людоедов тревожную дробь, а люди, одетые в шкуры и чешую полумифических чудовищ, застывали в гротескных позах и ползали по залам дворца. Но ничто не могло развеять горестные думы короля.

Однажды днем, когда он понуро сидел в зале аудиенций, в его покои вошел бродяга со свирелью в изношенной домотканой одежде. Глаза музыканта сияли ярко, словно угли в только что разворошенном костре, а лицо дочерна загорело под палящими лучами чужеземных солнц. Приветствуя короля без обычного подобострастия, он представился пастухом, пришедшим в Шатайр

из уединенной страны гор и долин, лежащей на закате.

— О король, я знаю мелодии, дарящие забвение, — сказал он, — и я сыграю их тебе, хотя мне и не нужна обещанная тобой награда. И если мне случится развлечь тебя, в должное время я потребую свое вознаграждение.

— Играй же, — повелел Амеро, чувствуя пробуждение слабого интереса при смелых словах музыканта.

И загорелый пастух незамедлительно начал играть на своей тростниковой свирели музыку, звучавшую подобно плеску вод в тихой долине и песне ветра в уединенных холмах. Нежно-нежно пела свирель о свободе, мире и забвении, царящих за безбрежным пурпуром дальних горизонтов, и рассказывала о месте, где года не бегут с железным грохотом, но тихо текут, как зефир, играющий с цветочными лепестками. Где все беды и тревоги мира теряются в безбрежных лигах тишины, и бремя власти становится легким, словно пушинка. Где пастух, идущий за стадом по солнечным холмам, обретает безмятежность более сладкую, чем вся власть монархов.

Сладкое колдовство мелодии оплетало сердце короля Амеро все сильнее и сильнее. Утомитель-

ность власти, заботы и тревоги — все уплыло по волнам Леты. Перед ним, рожденные музыкой, проплывали видения зачарованных мирных долин, купающихся в зелени, и он сам был пастухом, идущим по заросшей травой тропинке или отдыхающим на берегу сонно журчащего ручейка.

Он едва услышал, что звук свирели совсем стих. Но видение померкло, и к Амеро, грезившему об уделе пастуха, вновь вернулись тревоги короля.

— Продолжай! — крикнул он темнолицему музыканту. — Назови свое вознаграждение и играй еще!

Глаза пастуха вновь блеснули, как угли костра вечерней порой.

— Я потребую свою награду лишь тогда, когда пройдут века, и многие королевства исчезнут с лица земли, — сказал он загадочно. — Как бы то ни было, я сыграю для тебя еще раз.

Все утро король внимал колдовской свирели, певшей о дальней стране покоя и забвения. С каждой новой мелодией чары, казалось, все сильнее действовали на него, и все более ненавистной становилась королевская власть, и сама роскошь его дворца угнетала и подавляла. Амеро больше не мог выносить богато изукрашенное

ярмо своих обязанностей, и безумная зависть к беззаботной судьбе пастуха обуяла его. Уже в сумерках он отпустил приставленных к нему слуг, и, оставшись наедине с музыкантом, заговорил:

— Отведи меня в свою страну, о чужеземец, где я тоже мог бы вести простую жизнь пастуха.

Переодетый в чужую одежду, чтобы его подданные не могли узнать своего короля, он вместе с темнолицым пастухом тайно выбрался из дворца через никем не охраняемую заднюю дверь. Ночь, словно бесформенное чудище, угрожающе склонила над ними серповидный рог месяца, но на улицах города ночная тьма отступала перед светом мириадов светильников. Никто не остановил Амеро и его спутника, и они направились к воротам города. Король не сожалел о своем покинутом троне, хотя на пути им постоянно встречались похоронные носилки с жертвами мора, и костлявые от голода лица, мелькая в сумерках, будто обвиняли его в малодушии. Беглец не замечал их, ибо его глаза застилала мечта о тихой зеленой долине в стране, затерянной далеко за пределами стремительного потока времени с его постоянной суетой и горестями.

Но вдруг на Амеро, идущего вслед за музыкантом, обрушилась какая то странная слабость, и он

споткнулся, пораженный сверхъестественным страхом и изумлением. Уличные огни, только что мерцавшие перед ним, мгновенно исчезли в темноте. Громкий городской шум превратился в гробовую тишину и, подобно хаотичной смене образов в беспорядочном сне, высокие дома, казалось, беззвучно обрушились и пропали, как тени, и звезды засияли над разрушенными стенами. Все чувства и мысли Амеро пришли в смятение, и его сердце наполнилось гнетущей тьмой опустошения. Перед ним пронеслась вся череда долгих пустых лет его жизни, утраченное величие, и он осознал дряхлость и обветшалость окружающих его обломков. Его ноздрей коснулся сухой запах плесени, принесенный с развалин ночным ветром, и смутно, точно припоминая что-то давно известное, он ощутил, что пустыня правила его величественной столицей, Шатайром.

— Куда ты привел меня? — закричал Амеро черному пастуху.

Лишь саркастический смех, подобный раскату грома, был ему ответом. Бледный призрак пастуха, нечеловечески огромный, возвышался во мгле, изменяя очертания, вырастая все выше и шире, пока, наконец, его очертания не превратились в фигуру гигантского воина в темной броне.

Странные воспоминания заклубились в мозгу Амеро, и он начал смутно вспоминать мрачное нечто из его прошлой жизни… Непонятным образом, неизвестно где, в незапамятные времена он был тем самым пастушком из его грез, довольным и беззаботным… И он забрел в странный сияющий сад и съел кроваво-красный плод…

И вдруг словно молния озарила его разум, и он вспомнил все, и понял, что возвышающаяся над ним тень была посланником ада. Под его ногами лежал растрескавшийся пол выходящей на море террасы, и звезды, сиявшие в небе над вестником Тасайдона, предшествовали Канопусу, но сам Канопус был скрыт плечом Демона, Где-то далеко в пыльной тьме хрипло хохотали и кашляли прокаженные, бродя по разрушенному дворцу, что когда-то был резиденцией королей Калица. Все было в точности таким, как до заключения сделки, по условиям которой канувшее в Лету королевство воскресло по воле ада.

Невыносимая мука, словно зола догоревшего погребального костра или пыль осыпавшихся развалин, душила Цитру. Незаметно и искусно Демон заставил его отказаться от всего, что он имел. Он не знал, было ли все это лишь привидевшимся ему сном, колдовскими чарами или

явью, случилось ли только однажды или уже повторялось не раз. Все обратилось в тлен, и он, дважды проклятый, должен вечно вспоминать и оплакивать то, что потерял.

И в отчаянии он закричал посланнику:

— Я нарушил условия сделки с Тасайдоном. Бери же мою душу и неси в подземелья, где он восседает на троне из горящей меди, ибо я готов выполнить свою клятву!

— Мне незачем забирать твою душу, — был ответ, прозвучавший, как зловещий рокот надвигающейся бури. — Ты можешь остаться здесь с прокаженными или вернуться назад к Парносу и его козам, если захочешь — это ничего не изменит. Во все времена, в каком бы месте ты ни находился, твоя душа будет частью черной империи Тасайдона.

В книге Вергамы

Предисловие к рассказу «Последний иероглиф», опущенное К. Э. Смитом

В прошлые века о Вергаме говорили, что он был бессмертным со времени поднятия Зотика из затонувших руин континентов, забытых историей. Во все времена во всех королевствах и империях континента ходили слухи о Вергаме и разные легенды, касающиеся его личности, его сущности, его места рождения и места пребывания. Мудрецы вели ученые диспуты о том, был ли он демоном, богом, волшебником, фантомом либо совершенно иным существом из далеких миров. Подобным же образом спорили они о том, жил ли он в Чинкоре, населенном мумиями, или среди страшных пустынных гор северного Силака, или в Наате, острове злых волшебников, окутанном туманами и лежащем в далеком океане, либо в каком-то ином королевстве или на затерянном в морях острове.

Не было создано идолов в образе Вергамы, не было и алтарей в честь его, и все же варварские народы иногда обращались к нему в своих молит-

вах, а наиболее бесстрашные маги призывали его в своих таинственных и тайных заклинаниях. Некоторые утверждали, что получали ответ на свои молитвы и призывы, но это, подобно всему, связанному с Вергамой, было весьма сомнительно.

Ему приписывали весьма всемогущие и странные силы, а также атрибуты страдания и доброты, но никогда не было действительных доказательств их проявления. В стране темной магии и разных тайн Вергама оставался неизвестным, скрытым, далеким от всех. Существовало поверье, что огромные массы людей в течение веков и тысячелетий попадали в его тайное жилище, но ни один из них не вернулся, не поведал об истинной сути Вергамы и об обстановке его обиталища. Некоторые пророки, появившиеся в последнее время, открыто заявляли, что Вергама возник одновременно со всей жизнью и смертью, и что он был первым и последним из нерукотворных божеств. И до самого конца всех времен возникали таинственные легенды о Вергаме; и появлялись разные повествования о тех, кто побывал в его полном теней жилище; и много было рассказано небылиц о книжном томе, именовавшемся Книгой Иеро-

глифов и являвшем собою часть его бытия, не согласующегося со Священным Писанием. Среди таких рассказов и легенд есть и рассказ о том, что произошло со звездочетом Нюшеном.

Последний иероглиф

И сам мир, в конечном итоге, будет обращен в круглый нуль.

Старая книга пророчеств Зотика

Звездочет Нюшен изучил ночные светила из множества удаленных пространств и составил гороскопы для несметного числа мужчин, женщин и детей. Он шел из города в город, из царства в царство, недолго задерживаясь на одном месте, часто местные судьи изгоняли его, как простого шарлатана и где то в надлежащее время советники обнаружили погрешность в его предсказаниях и покинули его. Иногда он оказывался голодным и в лохмотьях, и повсюду мало уважения оказывали ему. Единственными спутниками Нюшена были жалкая дворняжка, которая прибилась к нему в малолюдном городке Зуль Бха Сайр, и немой одноглазый негр, которого он очень дешево купил в Поросе. Собаку он назвал Ансарат, по имени звезды из созвездий Псов, а негра — Музда, что означает «тьма».

В ходе длительных странствий звездочет пришел в Ксилак и пребывал в его столице Уммаосе,

построенной когда-то на месте прежнего города того же названия, разрушенного ранее разгневанным колдуном. Здесь Нюшен вместе с Ансаратом и Муздой поселился на полуразрушенном чердаке ветхого помещения, с крыши которого Нюшен имел обыкновение наблюдать по вечерам расположение и движения астральных тел, не скрытых ха, какой-нибудь носильщик или лавочник, или мелкий торговец взбирались по отвесной лесенке в его каморку и приносили ему небольшие деньги за гороскопы, которые Нюшен составлял с безмерной тщательностью при помощи своих ветхих книг по астрологии.

Когда (как это часто случалось) он оказывался все же в затруднении, рассматривая значение какого либо небесного союза или противостояния, после размышлений над своими книгами он советовался с Ансаратом и строил сложные предзнаменования на различных движениях паршивого собачьего хвоста, либо на манере поиска блох. Некоторые из таких прорицаний сбывались, что способствовало росту известности Нюшена в Уммаосе. Люди обращались к нему чаще и свободнее, прослышав, что он будто бы правдивее других. Более того, от преследований его защищали не связанные с предрассудками

законы Ксилака, позволяющие заниматься гаданиями, ворожбой и чародейством.

Впервые показалось, что несчастливые звезды его судьбы отступили перед благоприятными звездами. За эту удачу и за монетки, попавшие в его кошелек, он воздал благодарность Вергаме, которого на всем континенте Зотик считали самым мощным и таинственным гением, правящим как на небесах, так и на земле.

Однажды летней ночью, когда звезды густой россыпью светились на темно-лазурном небосводе, Нюшен вышел на крышу своего жилища. Как обычно, он взял с собой негра Музду, чей единственный глаз обладал чудодейственной зоркостью, и хорошо служил ему, во многих случаях дополняя значительную близорукость астролога. С помощью хорошо кодированной системы знаков и жестов немой негр умел сообщать Нюшену результаты своих наблюдений.

В ту ночь созвездие Большого Пса, которое когда-то руководило рождением Нюшена, восходило на востоке. Пристально вглядываясь в него своими слабыми глазами, звездочет был обеспокоен ощущением чего-то незнакомого в конфигурации созвездия. Он не сумел точно определить характер изменений до тех пор, пока

Музда, сильно взволнованный, не привлек его внимания к трем новым звездам второй величины, появившимся в непосредственной близости от созвездия Большого Пса. Эти примечательные звезды, чье свечение сам Нюшен различал лишь в виде трех красноватых помутнений, образовали небольшой равносторонний треугольник. И Нюшен, и Музда были уверены, что в предыдущие вечера эти звезды не появлялись.

«Клянусь Вергамой, это странно», — клялся изумленный и ошеломленный звездочет. Он начал вычислять влияние новых звезд на истолкования воли неба и сразу осознал, что силы небесные по закону астральных излучений окажут смягчающее влияние на его судьбу, которая находилась под столь сильным воздействием созвездия Большого Пса.

Однако звездочет не мог без своих книг и таблиц определить конкретную тенденцию и последующее значение (исключительное, как он был уверен) для его благополучия и неудач. Оставив Музду наблюдать на небесах прочие предзнаменования, он спустился на чердак. Там, сопоставив мнения нескольких звездочетов прежних времен по поводу силы влияния новых звезд, он начал составлять заново свой гороскоп.

В волнениях и мучениях проработал всю ночь и не закончил еще своих расчетов, когда наступил рассвет и смешал серые утренние краски с золотистым светом свечей.

Казалось, существует лишь одно возможное истолкование изменений на небесах. Появление треугольника новых звезд у созвездия Большого Пса ясно означало, что Нюшен должен отправиться в неожиданное путешествие и пройти не менее чем через три элемента. Сопровождать его будут Муз-да и Ансарат, а три проводника, которые последовательно появятся в соответствующие моменты, приведут его к назначенной цели. Вычисления позволили определить спутников, но не более: ничто не указывало — станет ли путешествие удачным или бедственным, и остались неизвестными его предел, цель, направление.

Звездочета сильно обеспокоили такие предзнаменования, имеющие и единый, и двойной смысл. Он был недоволен перспективой предстоящего путешествия, потому что не желал покидать Уммаос, среди доверчивых жителей которого он уже начинал небезуспешно утверждаться. Более того, многообразные характеристики и неопределенный исход этого путешествия зародили у него дурное предчувствие. Неясность, полагал

он, наводила на размышления о действиях неких оккультных и, возможно, зловещих сил. И уж конечно, это — необычное путешествие, требующее прохождения через три элемента и тройное сопровождение.

В следующие ночи он и Музда наблюдали таинственные новые звезды, движущиеся к западу за ярко сияющим созвездием Большого Пса. Нюшен непрерывно размышлял над картами и книжными томами, надеясь обнаружить погрешность в собственном истолковании. Но всегда в конце работы он был вынужден соглашаться с той же самой интерпретацией.

Звездочета все больше и больше тревожила мысль о нежеланном и таинственном путешествии, которое придется совершить. Он продолжал преуспевать в Уммаосе, и, казалось, нет никакого мыслимого резона, чтобы покинуть город. Нюшен ощущал себя человеком, который ждет какого-то сомнительного вызова, и неизвестно, откуда он придет и в какой час. Все время со страхом и беспокойством он вглядывался в лица своих посетителей, думая, что первый из трех предсказанных проводников может появиться среди них безвестным и неузнанным.

Музда и пес Ансарат, обладающие интуицией

немых существ, ощущали эту странную тревогу, испытываемую их хозяином. Они явно разделяли ее, и негр выражал свои чувства дикими гримасами, а пес припадал к земле под столом либо безустанно шнырял взад и вперед с облезлым хвостом между ног. Такое поведение, в свою очередь, подтверждало беспокойство Нюшена, он счел его плохим предзнаменованием.

В один из вечеров звездочет в сотый раз размышлял над своим гороскопом, который вычертил многоцветной тушью на листе папируса. Он был потрясен, когда на чистом нижнем поле листа увидел любопытный знак, который не был частью его записей. Знак представлял собой иероглиф, начерченный коричневой тушью, и изображал, по видимому, мумию, покров которой неплотно окутывал ноги, а стопы были раздвинуты, словно шагали. Мумия повернулась лицом к той четверти карты, где стоял знак Большого Пса, которым в Зотике отмечали Храм зодиака.

Когда Нюшен исследовал иероглиф, его удивление сменилось беспокойством. Он помнил, что накануне поля на карте были совершенно чисты, а с чердака он вчера не выходил. Музда, конечно, никогда бы и не осмелился притронуться к карте; более того, негр почти не умел писать. Среди

разнообразной туши, которой пользовался Нюшен, не было ни одной, имевшей этот неяркий коричневый оттенок — такой грустный и мягкий контраст на фоне белого папируса.

Предсказатель ощущал тревогу, как человек, противостоящий зловещему и необъяснимому видению. Конечно, образ мумии не был начертан человеческой рукой, подобно знаку странной планеты, которая была близка к тому, чтобы приблизиться к сферам его гороскопа. Появление трех новых звезд предполагало действие сверхъестественных сил. В течение многих часов он тщетно пытался разгадать эту тайну, но во всех его книгах не нашлось таких сведений. Казалось, в работах звездочетов таких прецедентов вообще не встречалось.

Весь следующий день Нюшен с утра до вечера был занят вычерчиванием линий судеб, предопределенных небесами жителям Уммаоса. Завершив со своей обычной изнурительной тщательностью все вычисления, он еще разок развернул и свою карту, хотя руки его и дрожали. Почти паническое предчувствие беды охватило предсказателя, когда он увидел, что коричневого иероглифа уже не было на полях, он в виде шагающей фигуры переместился в один из нижних

Домов гороскопа, где развернулся по направлению к созвездию Пса и как бы наступал на этот знак созвездия, восходящего над горизонтом.

Звездочет начал дрожать от благоговейного страха и любопытства, как человек, ощутивший роковое и непостижимое дурное предзнаменование. Никогда в часы размышлений астролог не замечал изменений в появившемся знаке, и все же каждый вечер, когда он разворачивал карту, видел, что мумия шагнула еще ближе к Дому Пса…

Пришло время, когда фигура стояла уже на пороге Дома Пса. Необычная своей тайной и угрозой, которые были все же за пределами пророчеств, мумия, казалось, ждала исхода ночи, когда ее пронзит серая дымка рассвета. Измученный ночными бдениями и работой, звездочет уснул в своем кресле. Никакие сны не тревожили его; Музда был достаточно осмотрителен, чтобы не беспокоить, и никаких посетителей в тот день не ожидалось. Так прошли утро, полдень и день. Нюшен и не заметил, как они прошли.

Вечером его разбудил громкий и печальный вой Ансарата, который раздавался из самого дальнего угла комнаты. Но только открыл он глаза, как с испугом ощутил аромат горьких

специй и пронзительный запах натра. Затем, сквозь туманную пелену сна, еще застилавшую глаза, астролог узрел в тусклом желтоватом свете свечей, зажженных Муздой, высокую мумиеподобную фигуру, безмолвно стоящую рядом с ним. Ее голова, руки и тело были плотно укутаны саваном, но ниже бедер одежды лежали неплотно. Фигура стояла в позе идущего: одна иссохшая коричневая ступня впереди другой. Ужас охватил Нюшена, и ему пришло в голову, что фигура в саване — был ли это фантом или приведение — напоминала тот странный перемещающийся иероглиф, переходящий из Дома в Дом по карте его судьбы.

Из-под тяжелого савана невнятно прозвучали слова:

— Собирайся, о Нюшен, потому что я первый проводник в путешествии, которое предсказано тебе звездами.

Ансарат, съежившийся от страха под кроватью, все еще лаял, испугавшись гостя. Нюшен видел, что Музда попытался спрятаться вместе с собакой. Ощутив дрожь, как от холода приближающейся смерти, Нюшен подумал, что этот призрак и есть сама смерть. Он встал с достоинством, присущим астрологу, которое сохранял

при всех превратностях судьбы. Он позвал Музду и Ансарата, и оба повиновались ему, хотя и испытывали раболепный страх перед темной, закутанной в саван мумией.

Вместе с товарищами по судьбе Нюшен повернулся к гостю.

— Я готов, — сказал он, и голос его так дрожал, что был почти не слышен. — Но я хотел бы взять некоторые свои пожитки.

Мумия покачала своей закутанной головой:

— Хорошо бы ничего, кроме гороскопа, не брать: только его ты должен хранить до конца».

Нюшен склонился над столом, где оставил свой гороскоп. Но прежде чем начал сворачивать раскрытый папирус, он заметил, что иероглиф мумии исчез. Это было, как если бы начерченный символ, пройдя по гороскопу, материализовался в мумию, которая сейчас его посетила. Но на нижнем поле карты, в удаленном противостоянии созвездию Пса, появился иероглиф цвета морской волны — причудливого водяного с хвостом сазана и головой получеловека и полуобезьяны, а за водяным — черный иероглиф маленького баркаса.

На мгновение удивление преобладало над страхом. Нюшен бережно свернул карту и стоял, держа ее в правой руке.

— Идем, — сказал проводник. — Времени мало, а ты должен пройти через три стихии, которые охраняют обитель Вергамы от неуместного вторжения.

Эти слова подтвердили прорицания звездочета. Но тайну его будущей судьбы не проясняло сообщение, что он должен войти, вероятно, в конце путешествия в мрачный Дом существа, именуемого Вергамой, которого некоторые считали самым тайным из всех богов, а другие, самым загадочным из всех демонов. Во всех землях Зотика о Вергаме ходили слухи и небылицы, они были разными и противоречивыми, за исключением того, что этому существу все приписывали обладание почти всемогущими силами. Ни один человек не знал, откуда Вергама появился; но считалось, что огромное число людей прибывало к нему в течение веков и тысячелетий, ни один не вернулся обратно.

Много раз взывал Нюшен к имени Вергамы, кляня или протестуя, как это обычно делают люди, пользуясь именами окутанных тайной владык. Но теперь, услышав это имя из уст сво его мрачного гостя, звездочет был полон жуткими предчувствиями. Он пытался подавить эти чувства и подчиниться очевидной воле звезд.

Он, Музда и Ансарат следовали за закутанной Мумией, которой, казалось, совсем не мешали ее стелющиеся по земле одежды.

Взглянув с сожалением на свои потрепанные книги и бумаги, он вышел с чердака и спустился по лестнице.

Тусклый свет, казалось, окутывал одежды Мумии. И кроме этого света, другого освещения не было. Нюшен подумал, что дом странно темен и тих, как если бы все его обитатели ушли или умерли. Он не слышал никаких звуков вечернего города, и не смог разглядеть ничего, кроме тьмы, плывущей за окнами, выходящими на маленькую улицу. Кроме того, ему показалось, что и лестница изменилась, вытянулась, и не выходит больше во двор, а ведет окольными путями в какие то душные подвалы и грязные, мрачные коридоры.

Нюшену казалось, что он идет по бесконечным катакомбам, в которых собрались смерть и разложение всех времен. Он слышал за спиной шарканье Музды, и временами — жалобный, испуганный вой Ансарата. Он понимал, что эта парочка следует за ним. В этом холодном и смертоносном тумане нарастал ужас, астролог содрогался от отвращения, которое он, живой

человек, испытывал в присутствии закутанной Мумии и всего того, что разлагалось вокруг в этой непостижимой тьме.

Воздух здесь словно нес смерть, и сердце астролога замерло. Повсюду в затененных склепах и укромных тайниках он ощущал присутствие бесчисленных мертвецов. Звездочет подумал, что ощущает рядом с собой печальное колыхание саванов, дыхание, исходящее от окоченевших покойников, сухое щелканье обнаженных челюстей. Но тьма застилала все вокруг, и он ничего не видел, кроме светящегося силуэта своего проводника, который шествовал, как по своему родному царству.

Нюшену казалось, что он идет по бесконечным катакомбам, в которых собрались смерть и разложение всех времен. Он слышал за спиной шарканье Музды, и временами — жалобный, испуганный вой Ансарата. Он понимал, что эта парочка следует за ним. В этом холодном и смертоносном тумане нарастал ужас, астролог содрогался от отвращения, которое он, живой человек, испытывал в присутствии закутанной Мумии и всего того, что разлагалось вокруг в этой непостижимой тьме.

Почти не думая о том, чтобы подбодрить себя

звуками собственного голоса, он начал расспрашивать проводника, хотя и язык прилип к горлу:

— Правда ли, что Вергама, и никто другой, призвал меня отправиться в путь? С какой целью он призвал меня? И в какой земле он обитает?

— Судьба твоя призывает тебя, — сказала Мумия. — Эту цель ты узнаешь в конце, в назначенное время и не раньше. А что касается третьего твоего вопроса, то ты не стал бы умнее, если бы я назвал тебе место, где спрятан дом Вергамы от прегрешений смертных существ, потому что эта земля не обозначена ни на одной карте, и ни на одной карте звездного неба.

Такие ответы показались Нюшену двусмысленными и тревожными.

«Сомнительной, в самом-то деле, — подумал он, — должна быть цель путешествия, начало которого завело так далеко в империю смерти и разрушения и, безусловно, подозрительным было существо, которое призвало его к себе и послало в качестве первого проводника сухую, сморщенную Мумию, закутанную в погребальные одеяния».

Теперь, когда он размышлял почти в безумном неистовстве, стены подземелья осветились мрачным светом. И он вслед за Мумией вошел

в зал, где высокие факелы с черной смолой и в подставках из потускневшего серебра окружали огромный и одинокий саркофаг. Когда Нюшен приблизился, то на крышке и стенках саркофага он не увидел ни рун, ни скульптур, ни иероглифов, но по пропорциям представлялось, что в нем, должно быть, лежит гигант.

Не останавливаясь, Мумия прошла вперед. Но Нюшен, видя, что пещеры позади саркофага полны тьмы, отпрянул, не желая двигаться за ней. Пусть звезды и предписывали ему совершить путешествие, ему показалось, что никакое человеческое существо дальше идти не смогло бы. Движимый внезапным импульсом, он схватил один из тяжелых факелов длиной в ярд, горящих вокруг саркофага и, держа его в левой руке, с гороскопом, крепко зажатым в правой, и с Муздой и Ансаратом позади ринулся вон, надеясь по своим же следам вернуться по этим мрачным пещерам в Уммаос.

Нюшен не слышал, ищет ли Мумия дорогу. Но когда он бежал, свет необыкновенно ярко пылающего факела раскрывал перед ним кошмары, скрытые тьмой. Он видел человеческие кости в отвратительном смешении с костями чудовищ, разбитые саркофаги, из которых торчали полураз-

ложившиеся члены неведомых существ. Члены эти были ничуть не похожи на головы, руки или ноги. Вскоре катакомба стала разветвляться, и он наугад выбирал себе дорогу, не ведая, приведет ли она его на нехоженый путь, или в Уммаос.

Он наткнулся на огромный череп без надбровных дуг, лежащий на земле с глазницами, обращенными вверх, а позади черепа находился покрытый плесенью скелет этого чудовища, преграждавший путь. Ребра зажали сужающиеся стены, как будто чудовище доползло сюда и застряло. Белые пауки с головами демонов и размерами с обезьяну, сплели свои паутины в пустых арках костей. Скелет, казалось, дрожал и шевелился, отвратительные пауки роились над ними, собирались в бесчисленные множества и покрывали каждую косточку. Нюшен со своими спутниками устремился назад; вернувшись к развилке пещеры, он последовал по другому ответвлению.

Здесь пауки-демоны его уже не преследовали. Но, торопясь, как бы Мумия и пауки не догнали его, астролог вскоре натолкнулся на край огромной ямы с водой, заполнявшей пещеру от стены до стены. Перепрыгнуть ее было невозможно. Пес Ансарат, принюхавшись к запахам, исходившим

из ямы, отпрянул назад с бешеным лаем. Нюшен, державший факел высоко над собой, заметил далеко внизу мерцание ряби на воде, расходящейся кругами. Появились два кроваво-красных пятна, которые плыли, покачиваясь, к центру ямы. Потом Нюшен услышал шипение, как будто кипел какой-то огромный котел, нагреваемый колдовским огнем. Казалось, при кипении злобная тьма быстро поднималась кверху, переполняя яму, а кроваво-красные пятна, приближаясь к Нюшену, злобно уставились прямо на него подобно светящимся глазам…

Поэтому Нюшен поспешно отвернулся. Возвратившись на свою прежнюю дорожку, он увидел Мумию, ожидающую его на развилке.

— Кажется, о Нюшен, что ты усомнился в своем гороскопе, — сказал проводник с некоторой иронией. — Однако даже плохой звездочет при случае может верно прочитать волю небес. Повинуйся же звездам, которые направили тебя в путь!

Астролог покорно поспешил за Мумией. В пещере, где стоял огромный саркофаг, Мумия заставила его вернуть факел, который он украл, на свое место. Нюшен пробирался во тьме глубоких склепов, и единственным источником света бы-

ли фосфоресцирующие одежды Мумии. Наконец из пещер, в тени которых уже проникал хмурый рассвет, он выбрался на берег моря, бушующего под хмурым небом. Вздрогнув от резкого света и ветра, Мумия отпрянула в подземелье, сказав:

— Здесь кончаются мои владения, и я должна тебя покинуть. Жди второго проводника.

Нюшен стоял на берегу, штормовой ветер развевал его волосы и одежду, ощущался острый запах морской соли. Он услышал лязг металла и увидел, как ржавая бронзовая дверь входа в пещеры захлопнулась. Взморье ограждали неприступные скалы, спускавшиеся прямо в море. Итак, волей-неволей пришлось ждать, и вскоре в несущемся прибое он увидел приближающегося Тритона с головой получеловека и полуобезьяны. Вслед за Тритоном подскакивал на волнах маленький черный баркас, но никто не стоял у руля, и никого не было на веслах. Нюшен сразу же вспомнил иероглифы морского существа и лодки, которые появились когда-то на полях его гороскопа. Развернув папирус, он с удивлением увидел, что обеих фигур там нет, и не усомнился в том, что они исчезли так же, как и иероглиф Мумии, во всех Домах Зодиака, и даже в том Доме, где предсказана была его судьба. А на месте тех

двух фигур напротив созвездия Большого Пса в гороскопе теперь светился иероглиф огненной Саламандры. Тритон призывал его манящими и шутовскими жестами, широко оскалившись, показывая острые, как у акулы, белоснежные клыки. Подчиняясь этим знакам, Нюшен выступил вперед и взошел на баркас; верные своему хозяину Музда и Ансарат сопровождали его. После этого Тритон поплыл по бушующему прибою, а баркас, как будто повинуясь волшебным рулям и веслам, двинулся вперед, прямо в неведомый, туманный океан, борясь с ветром и волнами.

Еле заметный среди морской пены и тумана, Тритон, не останавливаясь, плыл вперед. Казалось, время и пространство отступили. Нюшен не ощущал ни голода, ни жажды, как будто перестал быть смертным.

Казалось, душа его плывет по морям странных сомнений и самого зловещего отчуждения; он опасался смутного хаоса вокруг так же, как раньше боялся катакомб. Астролог несколько раз пытался расспросить Тритона, куда они движутся, но ответа не получал. А ветер дул с неведомых берегов.

Обдумывая тайны своего путешествия, Нюшен едва не дошел до безумия. Ему пришла в

голову мысль, что пройдя зону смерти, он пересекает сумрачное чистилище, место заточения существующих извечно, и, думая об этом, он с неохотой предполагал что то о третьей части путешествия, но не осмеливался размышлять о природе его цели.

Вскоре туман внезапно рассеялся, и солнце, сияющее высоко в небе, послало потоки золотых лучей. Невдалеке, с подветренной стороны от баркаса, возвышался остров с зеленеющими деревьями, светлыми куполами в форме ракушек и цветущими в полуденном сиянии садами. Прибой с кружевной пеной набегал на низкий, покрытый травой берег, никогда не знавший штормов, лозы в кистях ягод и распустившиеся цветы нависали над водой. Казалось, забвение и забытье исходили от этого острова и любой, кто туда попадал, оставался навсегда пребывать в солнечных снах. Нюшен был охвачен страстным желанием остаться в этом тенистом зеленом краю, он не хотел больше путешествовать в мрачных просторах покрытого туманами океана. Из за этих мечтаний и страха он совсем позабыл о пределах своей судьбы, установленных звездами.

Баркас не останавливался, не отклонялся от своего пути, он шел к берегу. Нюшен видел, что

вода была чистой, а глубина небольшой, так что высокий мужчина легко мог бы прошагать до берега. Он спрыгнул в воду, держа гороскоп высоко над собой и пошел к острову, а Музда и Ансарат следовали за ним, плывя бок о бок.

Хотя длинные намокшие одежды и затрудняли движение, звездочет хотел достичь притягательного острова, и Тритон не сделал попыток остановить его. Вода доходила почти до подмышек, позднее — только до кушака, затем только до колен. И вот уже над ним склонялись и благоухали цветущие деревья.

Находясь в двух шагах от этого колдовского берега, он услышал громкое шипение и увидел, что стебли, сучья, цветы, травы переплелись с миллионом змей, беспрестанно извивающихся в отвратительном возбуждении. Шипение доносилось отовсюду, и отвратительные, пестрые змеи сворачивались в кольца и скользили. Человеку негде было бы пройти: на поверхности для него не оставалось ни ярда.

С отвращением отвернувшись от берега, Нюшен обнаружил, что и Тритон, и баркас находятся рядом и ждут его. С ощущением безнадежности он со своими спутниками вернулся на борт, и баркас встал на прежний курс, движимым кол-

довскими силами. И Тритон впервые заговорил, резко и не совсем членораздельно бросая слова:

— Казалось бы, о Нюшен, тебе не хватает веры в свои собственные предсказания. Однако даже самый плохой из звездочетов иногда может правильно построить гороскоп. Тогда прекрати выступать против того, что предсказано звездами.

Баркас шел вперед, туман плотно сомкнулся над ним, освещенный полуденным солнцем остров пропал из виду. Немного спустя скрытое дымкой солнце зашло, и повсюду опустилась ночная тьма. Вскоре астролог сквозь рваные облака уже наблюдал странное небо, на котором не мог распознать знаки, при этом он ощутил безысходный ужас от своей оплошности. Наплывали туманы и облака, скрывая это незнакомое небо, не давая времени внимательно его рассмотреть. Он не мог различить ничего, кроме Тритона, которого видел благодаря слабому фосфоресцированию окружающей воды.

Баркас шел вперед, и временами казалось, что алое утро уже встало за туманами. Лодка входила в широкую зону света, и Нюшен, который хотел понаблюдать за солнцем, был ослеплен видом странного берега, где пламя поднималось высо-

кой сплошной стеной на голом песке и скалах. Гонимое ветром прибоя пламя резко подпрыгнуло и рванулось вперед, и жар, как от десятков печей, был обращен к морю. Баркас быстро подошел к берегу, и Тритон с неуклюжими жестами прощания нырнул и исчез в воде.

Лодка подошла к песчаной косе, и перед звездочетом из стены огня возникла охваченная пламенем Саламандра, имеющая и очертания, и оттенок того иероглифа, который в прошлый раз появился на его гороскопе. И Нюшен в ужасном оцепенении осознал, что Саламандра и есть его третий проводник в этом путешествии, состоящим из трех частей.

— Идем со мной, — сказала Саламандра голосом, напоминающим треск сучьев.

Нюшен сошел с баркаса на землю, которая под его ногами была горяча, как печь; за ним с явной неохотой последовали Музда и Ансарат. Приближаясь в полуобморочном состоянии вслед за Саламандрой к пламени, он поддался слабости своей плоти: снова стремясь избежать судьбы, астролог проскользнул по узкой песчаной косе между пламенем и водой. Ему удалось пройти лишь несколько шагов, когда Саламандра с яростным криком рванулась перехватить его и

потащила прямо в огонь. При этом она ужасно била своим дьявольским хвостом, из которого снопы искр сыпались во все стороны. Нюшен не мог видеть лица Саламандры и думал, что пламя поглотит его, как листок бумаги, но в стене появилось отверстие, пламя приняло форму свода. И он прошел под ним со своими спутниками, ведомый Саламандрой, и попал на покрытую пеплом землю, по которой низко стелился дым.

Здесь Саламандра заметила с иронической интонацией:

— Без ошибки, о Нюшен, истолковал ты волю звезд в своем гороскопе. А твое путешествие подходит к концу, и проводник тебе больше не нужен.

И покинула его, исчезнув, как гаснущий огонек в дымном воздухе.

Нюшен, стоя в нерешительности, увидел перед собой белую лестницу, возвышающуюся среди клубящегося тумана. Позади поднималось пламя, сбоку из дыма вырисовывались фигуры демонов, угрожающих ему. Он начал подниматься по лестнице. Призраки двигались за ним и вокруг него, злобные, как колдовские силы. Они поднимались по лестнице в том же темпе, поэтому астролог не осмеливался ни остановиться, ни отступить на-

зад. Высоко наверху он угодил в дымные сумерки и неожиданно увидел главный вход огромного дома из серого камня.

Гонимый толпящимися призраками, вырисовывающимися из дыма, Нюшен неохотно прошел через главный вход вместе со своими спутниками. Дом состоял из длинных пустых залов, извилистых, как лабиринт морской раковины. В стенах не имелось ни окон, ни ламп, но казалось, что в воздухе рассеяны яркие серебряные солнца. Спасаясь от адских призраков, преследующих его, звездочет последовал по изгибающимся залам и оказался во внутреннем помещении. В центре зала сидело, вытянувшись в мраморном кресле, существо исполинских размеров, закутанное в одежды, закрытое капюшоном, молчащее и неподвижное. Перед ним на столе лежала огромная раскрытая книга.

Нюшен испытывал благоговейный страх, который ощущает человек в присутствии кого-либо из демонов высокого ранга или божества. Видя, что призраки исчезли, звездочет задержался на пороге зала, от размеров которого голова у него закружилась, как от провала на границе Двух Миров. Ему хотелось уйти, но из под капюшона мягко зазвучал голос, похожий на внутренний:

— Я — Вергама, иначе именуемый Судьбой. Вергама, к которому ты взывал слепо и тщетно, так, как люди привыкли вопрошать своих тайных владык. Я — Вергама, и я призвал тебя к этому путешествию, которое рано или поздно совершает, так или иначе, каждый человек. Подойди, о Нюшен, и прочти немного из моей книги!

Невидимая рука подвела звездочета к столу. Наклонившись, он увидел огромный том, раскрытый посредине. Страницы были покрыты мириадами знаков, написанных тушью разных цветов, изображающих людей, богов, рыб, птиц, чудовищ, животных, созвездия и многое другое. В конце последнего столбца правой страницы, где было оставлено свободное место, Нюшен увидел иероглифы равносторонних треугольников, таких, какие в последнее время появились вблизи созвездия Большого Пса. Далее шли иероглифы Мумии, Тритона, Баркаса, Саламандры, а также прочие, которые привели его к дому Вергамы.

— В моей книге, — сообщила закутанная персона, — все записано и сохранено. Вначале все разновидности были мною записаны в виде символов и, в конце концов, они останутся только в виде записи в моей книге. На какой-то период они выступают на передний план, переходя в состо-

яние, именуемое субстанцией… Это я, о Нюшен, расставлял звезды на небе, предсказавшие твое путешествие, это я послал тебе трех проводников. И они исполнили свое назначение, а теперь они всего лишь книжные знаки, как и раньше.

Вергама помолчал, в комнату вернулась бесконечная тишина. Нюшен ощутил огромное удивление. Тогда закутанное существо продолжило:

— Среди людей в течение некоторого времени находилось лицо, именуемое звездочетом Нюшеном, а также пес Ансарат и негр Музда, разделившие его судьбу… Но сейчас, короче говоря, я должен перевернуть страницу, а прежде чем это сделать, должен закончить запись.

Нюшену показалось, что по залу пронесся ветерок, послышался странный легкий вздох. Он видел, что шерсть Ансарата съежилась, и ветер раздувал ее. Затем под изумленным взором звездочета пес начал уменьшаться, как по злому волшебству. Он съежился до размеров крысы, затем мыши, стал мелким, как насекомое, хотя и сохранил свои обычные очертания. В конце концов крошечное существо подхватил поток воздуха и пронес мимо Нюшена, словно мошку. Следя взглядом за его полетом, астролог увидел,

что иероглиф пса внезапно возник рядом с иероглифом Саламандры в нижней части правой страницы. Кроме этого значка, от Ансарата не осталось ни следа.

Снова по залу пронесся ветерок, не задев звездочета, но развевая потрепанные одежды Музды, который припал к ногам своего хозяина, как бы ища защиты. Немой негр сморщился и усох, стал легким и тонким, как черный, лохматый таракан, и был поднят ветерком. А Нюшен увидел, как иероглиф одноглазого негра появился рядом с псом, а сам Музда исчез из материального мира. И теперь, ясно осознав, какая судьба ему уготована, звездочет попытался убежать от Вергамы. Он отвернулся от раскрытого тома и побежал к двери зала, его яркие изношенные одежды развевались. Но в его ушах мягко звучал голос Вергамы:

— Напрасно люди стремятся противостоять или избегать судьбы, которая в конце превращает их в нуль. В моей книге, о Нюшен, есть место и для плохого звездочета.

Еще раз промчался странный ветерок, и холодным воздухом пахнуло на Нюшена. Он застыл посреди огромного зала, как будто какая-то стена преградила ему путь. Ветерок мягко скользил по его худому, изможденному телу, шевелил се-

деющие волосы и бороду, тихонько выдергивал свиток папируса, который он все еще держал в руке. Его слабым глазам казалось, что комната кружится и бесконечно увеличивается в размерах. Возносящейся вверх и несущейся по кругу в быстром головокружительном хороводе звездочет узрел сидящую фигуру, удаляющуюся в космическую даль. Божество потерялось из виду, а сам Нюшен стал невесомым и тонким существом, высохшим потерянным листком, взлетающим и опускающимся в этом ярком вихре.

В книге Вергамы в конце последнего столбца на правой странице возник иероглиф изможденного звездочета, несущего свернутый гороскоп.

Вергама наклонился вперед в своем кресле и перевернул страницу.

Черный идол

Тасайдон, ты владыка семи кругов ада,
Где обитает один лишь Змей,
Влача свои кольца из круг а в круг
Сквозь огонь и бесконечности мрак,
Тасайдон, солнце подземных небес,
Твое древнее зло никогда не умрет.
Ты царишь в сердцах людей,
И по прежнему ты велик,
Вопреки хуле вероломных слуг.
Песнь Кситры

Над Зотиком, последним континентом Земли, солнце показывается редко, ненадолго проглядывая сквозь тучи темно-красным тусклым шаром, словно омытое кровью. А с наступлением ночи на небесах зажигаются бесчисленные новые звезды, и оттого мрак бесконечности кажется ближе. Из этой тьмы возвращаются древние боги, забытые со времен Гипербореи, Му и Посейдониса, получившие другие имена, но не потерявшие своей власти над людьми. Возвращаются и древнейшие демоны и, жирея от дыма дьявольских жертвоприношений, вынашивают замыслы против

первобытных колдунов.

Зловещая слава и чудеса, творимые некромантами и магами Зотика, превратились со временем в легенды, передаваемые из уст в уста. Самым же могущественным из всех чародеев считался Намирра, распространивший свою черную власть над городами Ксилака и позже, в гордом исступлении, объявивший себя истинным слугой Тасайдона, владыки Зла.

Намирра обосновался в Уммаосе, столице Ксилака, куда пришел из пустынной области Тасуун. Мрачное известие о его колдовстве следовало за ним, как облако пыльной бури. Никто не знал, что в Уммаосе он родился, ибо все считали его уроженцем Тасууна. И в самом деле, никто даже предположить не мог, что этот великий чародей некогда был мальчишкой-попрошайкой и звали его Нартос. Сирота, не знавший своих родителей, он каждый день выпрашивал себе пропитание на улицах и базарах Уммаоса. Скверно он жил, одинокий и презираемый, и ненависть к богатому и жестокому городу затаилась в его сердце, как пламя, тайно тлеющее в ожидании часа, когда оно может разгореться в большой всепожирающий пожар.

Злоба к людям, постоянно усиливаясь, жгла

сердце Нартоса. Однажды принц Зотулла, мальчик чуть старше его, проезжал верхом на норовистой лошади мимо, когда он просил милостыню на площади перед императорским дворцом. Нартос протянул к нему руку, но Зотулла с презрением посмотрел на маленького попрошайку и, пришпорив коня, наехал на него. Сбитый с ног, Нартос попал под копыта лошади, но чудом остался жив. Долго он лежал без чувств, в то время как люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Наконец, придя в чувство, он потащился в свою лачугу. С тех пор небольшая хромота осталась у него на всю жизнь, и отметина от удара копытом навсегда запечатлелась на его теле, как клеймо. Позже он покинул Уммаос, и люди быстро забыли о нем. Пробираясь на юг, в Тасуун, он потерялся в огромной пустыне и чуть не погиб. Но в конце концов вышел к маленькому оазису, где жил чародей Умфалок, отшельник, который предпочитал шакалов и гиен обществу людей. Умфалок, разглядев в изнуренном мальчике великую силу и злобу к людям, накормил и приютил его. Нартос провел несколько лет с Умфалоком, стал его учеником и унаследовал его умение вызывать демонов. Удивительным вещам он научился, живя в этом уединенном уголке,

питаясь плодами и зерном, не произраставшими на политой водой земле, подкрепляя себя вином, приготовленным не из виноградного сока. Подобно Умфалоку, он стал мастером в дьявольщине и установил собственную связь с владыкой ада Тасайдоном. Когда Умфалок умер, юноша взял себе имя Намирра и среди странников и глубоко захороненных мумий Тасууна приобрел известность, как могущественный колдун. Но никогда он не забывал страданий своего детства в Уммаосе и несправедливость, которую претерпел от Зотуллы. Год за годом он вынашивал планы мести. Его черная слава распространилась повсюду, о нем услышали люди, живущие далеко за пределами Тасууна. Они шепотом передавали друг другу слухи о его деяниях в городах Йороса и в Зуль Бха Сейре, обиталище мерзкого божества Мордигиана. И задолго до появления самого Намирры жители Уммаоса знали, что он послан им в наказание, которое будет ужаснее, чем самум или мор.

И вот спустя многие годы после бегства мальчика Нартоса из Уммаоса, Питаим, отец принца Зотуллы, умер от укуса маленькой гадюки, которая, ища тепла в холодную осеннюю ночь, заползла в его постель. Поговаривали, что га-

дюку подбросил сам Зотулла, но это были лишь ничем не подтвержденные слухи. После смерти Питаима Зотулла, его единственный сын, стал императором Ксилака и жестоко правил со своего трона в Уммаосе. Обуреваемый необъяснимой жестокостью и жаждой роскоши он был безжалостным и тираничным, но окружавшие его люди, такие же злые, как и он, потакали его порокам. Так он благоденствовал, и ни боги, ни владыки ада не карали его. Шли дни, красное солнце и бледно-мертвенная луна всходили над Ксилаком и опускались на западе в море, которое редко бороздили корабли, ибо, если верить рассказам моряков, оно было огромным и бурным и несло свои воды, будто быстротечная река, мимо опасного острова Наат, а затем падало огромным водопадом в пропасть на далеком отвесном краю Земли.

А слава Зотуллы все росла, и грехи его были, как зреющие над глубокой пропастью плоды. Но ветры времени дуют тихо, и плоды не успели еще созреть. Император веселился среди своих шутов, евнухов и наложниц, и молва о его роскоши распространилась повсюду, о расточительных причудах Зотуллы толковали люди, живущие на далеких окраинах, так же как о чудесах черной

магии Намирры.

Это случилось в год Гиены и месяц звезды Сириус, когда Зотулла устроил великий праздник жителям Уммаоса. Блюда, сдобренные экзотическими специями с восточного острова Сотара, были выставлены для всех желающих, и горячие вина Йороса и Ксилака, словно наполненные подземным огнем, неистощимо лились из огромных сосудов. Эти вина вызвали буйное веселье и безумие: после празднества все жители города заснули тяжелым сном, крепким, как сама смерть. И где люди пили и кутили, там они и полегли друг подле друга — на улицах, в домах и садах, как будто их свалил мор. И Затулла заснул в своем пиршественном зале, украшенном золотом и черным деревом, сон объял всех его одалисок и придворных. Итак, во всем Уммаосе не оказалось никого — ни мужчины, ни женщины, кто проснулся бы в тот час, когда Сириус начал клониться к западу.

Так случилось, что никто не увидел и не услышал появления Намирры. Очнувшись около полудня, император Зотулла услышал смущенное бормотанье и беспокойный шум голосов своих евнухов и женщин. Когда он спросил о причине шума, ему сказали, что ночью произо-

шло странное явление. Но поскольку он еще не пришел в себя после тяжелого сна и вообще от природы был не слишком сообразителен, его любимая наложница Обекса подвела его к восточному портику дворца, откуда он мог увидеть это чудо собственными глазами.

Дворец стоял в самом центре Уммаоса, окруженный садами, где росли высокие раскидистые пальмы и журчали бьющие вверх фонтаны. Лишь с восточной стороны оставалось открытое пространство, разделяющее жилище императора и богатые дома высших сановников. И на этом месте, совершенно пустом накануне, сейчас при свете солнца возвышалось огромное здание. Купола его, по высоте равные куполам дворца Зотуллы, блистали мертвенно-белым мрамором, портики и тенистые балконы из черного оникса и красного, как кровь дракона, порфира, украшали фасад. У Зотуллы непроизвольно вырвалось проклятие, так велико было его изумление перед чудом, которое не могло быть ничем иным, как колдовством. Женщины, столпившиеся вокруг него, пронзительно кричали в благоговении и страхе, просыпавшиеся один за другим придворные также поднимали крик, и толстые кастраты, разряженные в золотые одежды, тряслись от

страха, как черное желе в золотых чашах. Но Зотулла, помня о своей власти императора и стараясь сдержать дрожь, вскричал:

— Кто осмелился проникнуть в Уммаос, как шакал под покровом ночи, и сотворил свое нечестивое логово прямо перед моим дворцом? Пойдите и узнайте имя этого мерзавца. Но прежде передайте палачу, чтобы он наточил свою секиру.

Несколько придворных, опасаясь императорского гнева, неохотно направились к странному сооружению. Ворота издали казались пустыми, но стоило им приблизиться, в проеме вдруг возник скелет, ростом намного выше любого человека, и двинулся им навстречу огромными шагами. На скелете не было ничего, кроме набедренной повязки из алого шелка, заколотой застежкой из черного янтаря, и черного тюрбана на голове, усыпанного бриллиантами. Глаза его горели в глубоких глазницах, как болотные огни, а черный язык торчал между зубами, как у разложившегося мертвеца. Другой плоти он не имел, и кости его засверкали белизной на солнце, когда он вышел из ворот.

Придворные онемели, не в силах произнести ни слова, лишь их золотые пояса позвякивали,

да шуршал шелк одежд, когда они тряслись от страха. Скелет, громко стуча костяными ступнями по плитам из черного оникса, подошел к ним и, шевеля разлагающимся языком между зубами, произнес отвратительным голосом:

— Возвращайтесь и передайте императору Зотулле, что по соседству с ним поселился пророк и чародей Намирра.

Увидев, что скелет разговаривает, как живой человек, и услышав ужасное имя Намирры, звучащее словно отголосок крушения города, придворные не могли оставаться на месте. Они позорно бежали и, вернувшись в императорский дворец, передали послание Зотулле.

Теперь, когда император узнал, кто поселился рядом с ним в Уммаосе, его гнев угас, подобно слабому пламени под дыханием ночного ветра. И румянец от винных возлияний на его щеках сменился мертвенной бледностью.

Он ничего не сказал, но губы его непроизвольно шевельнулись, шепча не то молитву, не то проклятие. А новость о появлении Намирры распространилась, словно на крыльях дьявольских ночных птиц, по всему дворцу, а оттуда в город, оставляя за собой отвратительный страх, который и много времени спустя преследовал

жителей Уммаоса. Ведь Намирра, о котором шла слава, что он великий чародей, и ему подчиняются ужасные демоны, обладал такой властью, какую ни один смертный правитель не осмелился бы оспорить. Люди повсюду боялись его так же сильно, как огромных невидимых демонов ада и неба. И жители Уммаоса говорили, что он со своими прислужниками прибыл из Тасууна на крыльях ветра пустыни, подобно моровой язве, и воздвиг свой дом рядом с дворцом Зотуллы с помощью дьяволов. А еще говорили, что фундамент дома покоится на нерушимом своде ада, и в полу его находятся колодцы, на дне которых горят адские огни или звезды адской ночи. А приспешники Намирры — это мертвецы из канувших в вечность королевств, демоны неба, земли и ада и безумные, нечестивые твари, порожденные самим колдуном от запретных соитий.

Люди избегали приближаться к этому величественному зданию, а во дворце Зотуллы немногие осмеливались подходить к окнам и балконам, выходившим на ту сторону. Да и сам император не упоминал о Намирре, притворившись, что не замечает присутствия захватчика. А женщины в гареме болтали и жадно слушали сплетни о Намирре и его наложницах. Однако горожане ни разу

не видели самого колдуна, хотя ходили слухи, что он, скрытый заклинанием, разгуливает когда и где захочет. Слуг его тоже не видели, но временами из за стен его дворца слышался ужасный вой. А иногда раздавался гулкий безудержный смех, словно громко хохотало какое то огромное чудовище, или странный треск, как будто кто-то в холодном аду колол лед. Мутные тени бродили в портиках, когда их не мог коснуться свет солнца или лампы. А по вечерам жуткие красные огни появлялись и исчезали в окнах, словно мерцание дьявольских глаз. И медленно янтарное солнце проходило над Ксилаком и опускалось в далекие моря, и тускнела пепельная луна, падая каждую ночь в залив безбрежного моря.

Тогда, увидев, что волшебник открыто не творит зла и никто не пострадал от его присутствия, люди приободрились. А Зотулла впал в глубокий запой и окунулся в несущую забвение роскошь. И темный Тасайдон, князь порока, стал истинным, но тайным правителем Ксилака. И через некоторое время люди Уммаоса стали хвалиться Намиррой и его черным колдовством, как раньше похвалялись пороками Зотуллы.

Но Намирра, все еще невидимый смертными, сидел в нижних залах своего дома, воздвигну-

того для него дьяволами, и снова и снова ткал в мыслях черную паутину мести. Во всем Умма-осе не нашлось никого, даже среди его бывших приятелей-попрошаек, кто вспомнил бы нищего мальчишку Нартоса. И обида, которую Зотулла причинил Намирре давным давно, была одной из многих жестокостей императора, о которой тот давно забыл.

И вот когда страх Зотуллы немного улегся, а его женщины стали меньше болтать о соседе колдуне, волну ужаса. Однажды вечером, когда император сидел за праздничным столом, окруженный придворными, до него долетел стук копыт, словно множество подкованных железом коней неслись по его саду. Придворные тоже услышали этот звук и поразились, хоть и были сильно пьяны. Разгневанный император послал стражей узнать причину странного шума. Но, пройдя по освещенным луной лужайкам и дорожкам, стражи не увидели никого, хотя громкий топот раздавался повсюду. Казалось, стадо диких жеребцов, шарахаясь из стороны в сторону, галопом носится перед дворцом. И стражи, догадавшись, что это происки колдуна, перепугались и, не осмелившись идти дальше, вернулись к Зотулле. Император, услышав их

рассказ, протрезвел и сам вышел из дворца, чтобы увидеть это чудо. Всю ночь невидимые кони звонко стучали копытами по выложенным ониксом дорожкам и бегали с глухим топотом по траве и цветам. Пальмовые ветви качались в безветренном воздухе, как будто задетые обезумевшими лошадьми, а лилии и экзотические цветы с широкими лепестками, растоптанные, валялись повсюду на дорожках. Панический страх закрался в сердце Зотуллы, когда он, стоя на балконе над садом, слышал призрачный грохот и видел, какой ущерб наносится клумбам с редчайшими растениями. Женщины, придворные и евнухи в страхе столпились позади него. Ни один обитатель дворца не спал в ту ночь. Но к рассвету стук копыт стих, постепенно удаляясь по направлению к дворцу Намирры.

Когда над Уммаосом рассвело, император вышел в охраняемый стражей сад и увидел, что потоптанная трава и сломанные стебли почернели, как от огня там, где их коснулись копыта. Лужайки и цветники были испещрены следами, исчезавшими за пределами сада. И хотя ни у кого не возникло сомнения, что бесчинство это было устроено Намиррой, никаких доказательств его вины не было: на его земле не оказалось ни еди-

ного следа.

— Пусть Намирру поразит гром, если это его рук дело! — вскричал Зотулла. — Что я ему сделал? Воистину, я раздавлю горло этой собаке. Мои палачи вздернут его на дыбу и будут терзать так, как эти лошади топтали мои кроваво красные лилии с Сотара, полосатые ирисы из Наата и орхидеи из Уккастрога, алые, как следы страстных поцелуев на теле женщины. Воистину, хоть он наместник Тасайдона на Земле и повелитель десяти тысяч демонов, моя дыба сломает его, и огонь выжжет клеймо на его спине, пока он не почернеет, как мои увядшие цветы!

Так хвалился Зотулла, однако не осмелился отдать приказ, чтобы слуги исполнили его угрозу, и никто не вышел из дворца к дому Намирры. Из ворот колдуна также никто не появился. А если кто и вышел, то никто этого не видел и не слышал.

Так прошел день и наступила ночь, приведя за собой слегка темнеющую по краям луну. Наступила тишина, и Зотулла, сидя за столом, полный ярости, часто прикладывался к кубку, придумывая новые кары для Намирры. Ночь тянулась медленно, и, казалось, ничто не нарушит ее спокойствия. Но в полночь, лежа в своей спальне с

Обексой, полусонный от выпитого вина, Зотулла очнулся от чудовищного звона копыт, которые гремели и в портиках дворца, и на длинных галереях. Всю ночь дьявольские лошади носились туда сюда, грохот их копыт эхом отдавался под каменными сводами, а Зотулла и Обекса прислушивались, дрожа от страха среди покрывал и подушек.

И все обитатели дворца проснулись от этого звона и тряслись в ужасе, но не осмелились выйти из своих спален. Незадолго до рассвета демоны внезапно исчезли, а при свете дня бессчетные следы копыт, глубокие и черные, словно выжженные огнем, были обнаружены на мраморных плитах галерей и балконов.

Лицо императора побелело, когда он увидел испещренный следами пол. И с тех пор страх постоянно преследовал его, даже во хмелю, ибо он не знал, когда начнутся набеги невидимых коней. Его женщины шептались, некоторые хотели бежать из Уммаоса. Казалось, прежнее веселье никогда не вернется во дворец, словно над его обитателями нависли темные крылья, тень от которых отражалась в золотистом вине и на позолоте светильников. И снова с наступлением ночи сон Зотуллы прервался стуком подков,

звеневших по крыше и во всех коридорах дворца. Всю ночь до рассвета демоны наполняли дворец железным топотом, глухо грохотали по самым высоким куполам, как будто боевые кони богов мчались по небесам громозвучной кавалькадой.

Ужасные копыта загрохотали у самых дверей спальни Зотуллы, где он лежал в объятиях Обексы. Слыша этот грохот, они не могли предаваться любви и наслаждаться своей близостью. Когда предрассветное небо посерело, они услышали сильный удар по запертой на засов бронзовой двери в спальню, как будто могучий жеребец стучал по ней копытом. Вскоре топот стих, и воцарилась тишина, словно затишье перед страшной бурей. Позднее следы копыт, изуродовавших яркие мозаики, были найдены повсюду в залах дворца. В тканых золотом, серебром и киноварью коврах зияли черные дыры. И высокие белые купола пестрели пятнами, словно пораженные черной оспой. А на бронзовой двери императорской опочивальни глубоко отпечатались следы лошадиных копыт.

Сначала в Уммаосе, а затем и по всему Ксилаку распространились слухи об этих набегах. Люди видели в них знамение, хотя толковали по-разному. Некоторые считали, что это предупреждение

Намирры, утверждающее его превосходство над всеми королями и императорами. Другие полагали, что это послание от нового колдуна, который объявился далеко на востоке в Тинарате, и хочет вытеснить Намирру. А жрецы Ксилака говорили, что боги послали это испытание, карая за то, что в храмы им приносят мало жертвоприношений.

Тогда в тронном зале, пол которого, выложенный сердоликом и яшмой, был изуродован отпечатками копыт, Зотулла созвал жрецов, чародеев и предсказателей. Он попросил их назвать причину знамения и найти средство против набегов коней. Но увидев, что между ними нет согласия, Зотулла одарил жрецов деньгами на жертвоприношения богам и отослал их прочь. А чародеям и ясновидящим заявил, что они должны посетить Намирру в его колдовском дворце и узнать, чего он хочет, если набеги коней его рук дело, в случае отказа угрожая казнью.

С неохотой согласились на это маги и прорицатели, ибо боялись Намирру и не хотели вторгаться в ужасный и таинственный его дворец. Но воины императора подняли над ними кривые клинки и заставили идти к дворцу Намирры. Так, один за другим, беспорядочной толпой, они направились к воротам и вошли в дьявольский дом.

Еще до заката чародеи и маги вернулись к императору, бледные, дрожащие и обезумевшие от страха, словно они заглянули в ад и увидели там свою судьбу. Они сказали, что Намирра учтиво принял их и отослал назад с таким посланием:

— Пусть Зотулла знает, что эти набеги — напоминание о деле, давно им забытом; причина будет открыта ему в час, назначенный судьбой. И час этот близок, ибо Намирра приглашает императора и его двор завтра днем на большой праздник.

Передав это послание удивленному и напуганному Зотулле, чародеи просили разрешения удалиться. Несмотря на расспросы императора, они не пожелали оглашать подробности своего визита к Намирре и отказались описать баснословный дом колдуна. Зотулла разрешил им уйти. Когда они удалились, он долго сидел один, размышляя о приглашении Намирры, которое не хотел принимать, но и боялся отклонить.

В этот вечер он напился еще сильнее, чем обычно, и заснул мертвым сном; этой ночью его не тревожил стук копыт над дворцом. А в тишине ночи прорицатели и чародеи тайно, словно тени, покидали Уммаос. Никто из жителей города не видел, куда они ушли. К утру все они покинули

Ксилак, отправившись в другие страны, чтобы никогда не возвращаться… В тот же вечер Намирра сидел в одиночестве в большом зале своего дома, отпустив прислужников.

Перед ним на гагатовом алтаре стояла огромная черная статуя Тасайдона, которую вдохновленный дьяволом скульптор давным-давно изваял для грешного короля Тасууна по имени Фарнок. Архидемон был изображен в облике вооруженного воина с мечом в поднятой руке. Статуя долго лежала в засыпанном песком дворце Фарнока, ставшем прибежищем бездомных бродяг. Намирра с помощью ворожбы нашел ее, заколдовал адское изображение и с тех пор с ним не расставался. И часто, устами статуи, Тасайдон давал предсказания Намирре или отвечал на его вопросы. Перед черным идолом висели семь серебряных ламп, отлитых в форме лошадиных черепов. Пламя вырывалось из их глазниц, меняя цвет от голубого до пурпурно-красного. Странным и внушающим страх был этот свет, вызывающий игру зловещих теней на лице демона под украшенным гребнем шлемом. Намирра сидел в кресле, облокотившись на подлокотники, вырезанные в виде змей, и мрачно разглядывал статую. Он спросил нечто у Тасайдона, но демон,

говорящий устами идола, отказался отвечать. И в душе Намирры поднялся бунт. Чародей обезумел от гордыни, вообразив себя повелителем всех колдунов и царем над всеми князьями дьявольского мира. После долгих раздумий он повторил свой вопрос вызывающим и надменным тоном, обращаясь к Тасайдону, как равный к равному, словно тот не был его всемогущим сюзереном, которому он поклялся в верности.

— До этого я помогал тебе во всем, — ответил идол, звучно и веско, и голос его эхом отозвался под сводами дворцового зала — Да, бессмертные демоны огня и тьмы армиями приходили на зов твоих заклинаний, и крылья адских духов поднимались и заслоняли солнце по твоему зову. Но сейчас я не буду помогать в задуманном тобой мщении, потому что император Зотулла не делал мне зла. Напротив, он верно служил мне, сам того не ведая. И люди Ксилака, погрязшие в пороке, не последние из моих земных почитателей. Поэтому, Намирра, лучше тебе жить в мире с Зотуллой и забыть ту давнюю обиду, которую он причинил попрошайке Нартосу. Потому что пути рока неисповедимы, и смысл его законов подчас непонятен. Воистину, если бы копыта коня Зотуллы не ударили тебя, твоя жизнь сложилась бы

иначе: имя и слава Намирры все еще спали бы в забвении, как никем не увиденный сон. Да и ты сам так бы и остался уммаосским попрошайкой, никогда бы не стал учеником мудрого и ученого Умфалока. И я, Тасайдон, потерял бы величайшего из всех некромантов, которые когда-либо служили и подчинялись мне. Подумай хорошенько об этом, Намирра. Похоже, мы оба в долгу у Зотуллы за тот удар, который он тебе нанес.

— Да, в долгу, — непримиримо прорычал Намирра. — Я заплачу этот долг завтра… И мне помогут те, кто откликнется на мои заклинания вопреки твоей воле.

— Не стоит мне перечить, — промолвил идол, помолчав немного. — Не стоит призывать тех, о ком ты упомянул. Я вижу ясно твои намерения. Ты слишком горд, упрям и мстителен. Что ж, поступай как знаешь, но не порицай меня за то, что получишь.

Статуя умолкла, и в зале, где сидел Намирра, воцарилась тишина. Только огни мрачно мерцали, меняя цвет, в лошадиных черепах, и неугомонные тени то взлетали, то падали на лик идола и лицо Намирры. Затем, уже за полночь, волшебник встал с кресла и поднялся по винтовой лестнице на самую высокую башню, на вершине

купола которой было единственное маленькое круглое окно. Намирра с помощью магии устроил так, что на последнем витке лестницы казалось, будто он спускается, а не поднимается, и, достигнув последней ступени, он смотрел через окно вниз, а звезды мерцали под ним в головокружительной бездне. Там, встав на колени, Намирра коснулся тайной пружины в мраморной стене, и круглое стекло беззвучно отошло назад. Лежа ничком на изогнутом потолке купола лицом к бездне, свесив бороду, которая тихо колыхалась на ветру, он прошептал древние руны и воззвал к неким созданиям, которые не принадлежали ни аду, ни земле, и вызывать их было еще страшнее, чем подземных дьяволов или духов земли, воздуха, воды и огня. Он заключил с ними соглашение, нарушив волю Тасайдона, и воздух вокруг него застыл от их голосов, иней покрыл его черную бороду от холода их дыхания, когда они склонились над землей…

С неохотой пробудился император от пьяного сна, и дневной свет показался ему тьмой, ибо вспомнил он о приглашении, которое боялся как принять, так и отвергнуть. Но, несмотря на страх, Зотулла сказал Обексе:

— В конце концов, кто он такой, этот шакал,

что я должен бежать на его зов, как попрошайка, призванный с улицы каким-нибудь надменным господином?

Обекса, золотокожая девушка с Уккастрога, острова Палачей, нежно поглядела на императора раскосыми глазами и ответила:

— О Зотулла, ведь в твоей воле принять предложение или отказаться. Повелитель Уммаоса и Ксилака сам решает, идти ему или остаться, и ничто не может поколебать его власть. Так почему бы тебе не пойти?

Обекса, хотя и боялась колдуна, смело разглядывала дьявольский таинственный дом, о котором никто ничего не знал. И снедаемая любопытством, свойственным всем женщинам, желала увидеть знаменитого Намирру, чей облик был поводом для догадок и легенд.

— В твоих словах есть смысл, — признал Зотулла. — Но император всегда должен учитывать благо народа. Разве женщина может понять важность государственных дел?

Итак, после обильного завтрака, он созвал придворных и советников, чтобы обсудить с ними приглашение Намирры. Одни советовали ему отказаться, другие считали, что приглашение нужно принять, что это будет меньшим злом, чем

набеги дьявольских коней, грохочущих копытами по всему дворцу и городу.

Затем Зотулла призвал всех жрецов и велел найти магов и ясновидящих, не зная еще, что они очью тайно покинули город. Никто из них не откликнулся, и это вызвало великое удивление. Однако явилось множество жрецов, заполнивших тронный зал так, что животы стоящих впереди касались императорского помоста, а зады стоящих сзади были прижаты к дальним стенам и колоннам. Они утверждали, как и прежде, что Намирра никоим образом не связан со знамением, а его приглашение не предвещает никакого вреда императору. И это ясно следует из послания. Зотулле будет дан оракул, и этот оракул, если Намирра действительно великий маг, укрепит их совместную мудрость и установит божественный источник знамений, а боги Ксилака снова будут прославлены.

Услышав заявления жрецов, император велел своим казначеям сделать новые пожертвования храмам, и жрецы удалились, льстиво призывая благословение богов на Зотуллу и его двор. День неспешно тянулся, солнце миновало зенит, медленно катясь по небесам, под которыми расстилались доходящие до моря пустыни. Но Зо-

тулла все еще пребывал в нерешительности. Он призвал своих виночерпиев и велел им налить ему самого крепкого и благородного вина, но и в вине он не нашел ни уверенности, ни достойного решения.

Сидя в тронном зале, он вдруг услышал громкие крики у дворцовых ворот. Это были вопли мужчин и визг женщин и евнухов, как будто ужас передавался от одного к другому, наполняя залы и комнаты. Страшный крик поднялся по всему дворцу, и Зотулла, очнувшись от дремы, хотел уже послать слуг, выяснить, в чем дело.

Но не успел. В зал вошла шеренга высоких мумий, одетых в королевские пурпурные саваны и в золотых коронах на иссохших черепах. А за ними, словно слуги, вошли гигантские скелеты в набедренных повязках из отливающей перламутром оранжевой ткани, и на их черепах, от лба до темени, извивались живые змеи цвета шафрана и эбенового дерева. Мумии склонились перед Зотуллой и произнесли тонкими, слабыми голосами:

— Мы, властвовавшие прежде над огромным царством Тасуун, посланы к императору Зотулле, чтобы сопровождать его в качестве почетной стражи, когда он отправится на праздник, устро-

енный Намиррой.

Потом, сухо щелкая зубами и шипя, словно воздух вырывался сквозь потрескавшуюся слоновую кость, заговорили скелеты:

— Мы, великие воины забытых народов, павшие на поле брани вдавние времена, посланы Намиррой, чтобы охранять придворных императора от всякого зла, когда они последуют за ним на праздник.

Увидев это чудо, виночерпии и другие слуги распростерлись у императорского трона или спрятались за колоннами, а Зотулла с налитыми кровью глазами и бледным, как мрамор, лицом застыл на троне, не находя в себе силы ответить посланникам Намирры.

Затем, подойдя к нему, мумии возвестили:

— Все готово, празднество ожидает Зотуллу.

Саваны мумий, колыхнувшись, приоткрылись у них на груди, и из выеденных сердец, словно крысы из нор, выскочили, сверкая мерзкими алыми глазками, маленькие зубастые чудовища, черные, как асфальт, и визгливо повторили эти же слова. Скелеты в свою очередь произнесли торжественное приглашение, и черные и шафрановые змеи, вторя им, зашипели у них на черепах. Те же самые слова, наконец, повторили

с ужасным громыханьем какие-то мохнатые, непонятного вида чудовища, сидевшие под ребрами скелетов, как будто заточенные в белых плетеных клетках.

Как во сне, подчиняясь велению невидимого владыки, император поднялся с трона и направился к выходу, а мумии окружили его, словно почетный эскорт. И каждый скелет вынул из красно-желтых складок набедренной повязки старинную серебряную флейту необычной формы. Они заиграли сладкую, томную и греховную мелодию, под звуки которой император вышел из дворца. В этой музыке заключалось гибельное заклятие, и все приближенные Зотуллы — вельможи, женщины, стражи, евнухи, даже повара и поварята — двинулись за скелетами, словно процессия лунатиков, из комнат, спален, коридоров, кухонь, где они тщетно пытались спрятаться. Направляемые флейтистами, они против воли последовали за Зотуллой. Странно было видеть эту огромную толпу людей, идущих к дворцу Намирры, сопровождаемую кортежем из мумий королей и скелетов, чье мертвенное дыхание извлекало звуки из серебряных флейт. Зотулле стало немного легче, когда он увидел рядом с собой Обексу. Она двигалась, как и он, объятая

сверхъестественным ужасом, а остальные женщины следовали за ней.

Открытые ворота дома Намирры охранялись огромными тварями с малиновыми, как у индюков, серьгами. Эти полудраконы-полулюди склонились перед Зотуллой, когда он подошел к воротам, подметая серьгами, как кровавыми метлами, темные ониксовые плиты. И император прошел с Обексой мимо этих неуклюжих чудовищ, а мумии, скелеты и все придворные последовали за ним. Вся процессия представляла собой необычайно пышное зрелище. Зотулла вошел в огромный зал с множеством колонн, где мрачные огни тысяч ламп рассеяли дневной свет, робко просочившийся сквозь открывшиеся двери.

Даже объятый страхом, Зотулла подивился огромному залу, который явно не соответствовал размерам дворца. Капители колонн терялись где-то в вышине, бесчисленные ряды столов ломились от яств. Все это было освещено светом ламп, но дальше зал погружался в темноту, как в беззвездную ночь.

В широких проходах между столами непрестанно сновали приближенные Намирры и множество странных слуг, как будто перед им-

ператором наяву предстала фантасмагория горячечного бреда. Трупы королей в истлевших одеждах, с червями, выглядывающими из глазниц, наливали вино, похожее на кровь в кубки из опаловых рогов единорогов. Ламии с тремя хвостами и четырехгрудые химеры проходили мимо, неся дымящиеся блюда в бронзовых когтях. Собакоголовые демоны, изрыгая пламя, сновали туда и сюда, прислуживая гостям. Перед Зотуллой и Обексой появилась странная тварь с толстыми ногами и бедрами огромной негритянки и лишенным плоти костяком громадной обезьяны. И это чудовище показало неописуемыми жестами своих костлявых пальцев, что император и его наложница должны следовать за ним.

Воистину, Зотулле показалось, что они проделали нескончаемо долгий путь по какой-то адской нечестивой пещере, пока не достигли конца зала. Здесь, в стороне от остальных, стоял стол, за которым в одиночестве сидел Намирра, освещаемый пламенем семи светильников в виде лошадиных черепов. Покрытый броней черный идол Тасайдона возвышался на гагатовом алтаре по его правую руку. А рядом с алтарем сверкало бриллиантовое зеркало, которое держали в когтях железные василиски.

Намирра поднялся и приветствовал их с торжественной и мрачной учтивостью. Его бесцветные глаза смотрели холодно, как далекие звезды, из глазниц, воспаленных от бессонных ночей, заполненных ворожбой и общением с демонами. На бледном лице губы были словно бледно-красный отпечаток на сухом пергаменте, а борода завивалась в тугие черные напомаженные локоны, ниспадавшие по ярко красной одежде, словно черные змеи. Кровь застыла в жилах у Зотуллы, и сердце его замерло, словно заледенело. И Обекса, глядевшая на Намирру из-под опущенных ресниц, смущенная и напуганная, чувствовала необъяснимый ужас, который окружал этого человека, как величие — короля. Но несмотря на страх, ее снедало любопытство, каков он с женщинами.

— Добро пожаловать, о Зотулла, будь моим гостем, — сказал Намирра. Как будто железный похоронный колокол звучал в его бесцветном голосе. — Прошу тебя, садись к столу.

Зотулла заметил кресло черного дерева, стоявшее напротив Намирры. Другое кресло, поменьше, для Обексы, стояло по левую руку. Они сели, и все приближенные Зотуллы тоже уселись за столами, а пугающие слуги Намирры застыли,

ожидая знака, чтобы прислуживать им, словно черти, поджидающие в аду грешников.

Черная, покрытая трупными пятнами рука, налила для Зотуллы вина в хрустальный кубок. И на этой руке красовался перстень с печаткой, принадлежавшей императорам Ксилака, украшенный огромным огненным опалом, который был вставлен в рот золотой летучей мыши. Точно такой перстень Зотулла всегда носил на указательном пальце. Повернувшись, он увидел справа от себя фигуру, в которой узнал своего отца Питаима, каким он стал, после того как змеиный яд распространился по его членам, сделав их пурпурными и распухшими. И Зотулла, приложивший руку к тому, чтобы гадюка оказалась в постели Питаима, задрожал от страха. Создание, которое так походило на Питаима, чей труп или дух был вызван заклинанием Намирры, подошло и встало за спиной Зотуллы, сцепив черные распухшие пальцы. Зотулла видел его выпученные невидящие глаза и серовато-багровый рот, запечатанный смертным молчанием, и пятнистую гадюку, которая временами высовывалась из складок отцовского рукава и смотрела на него холодными глазами, когда тот наклонялся над ним, чтобы наполнить кубок или нарезать мясо.

И сквозь ледяной туман ужаса император смутно разглядел фигуру вооруженного воина, словно движущуюся копию неподвижной, мрачной статуи Тасайдона, которую Намирра богохульно оживил, чтобы она прислуживала ему. И смутно, бессознательно, он отметил страшного прислужника, который стоял рядом с Обексой: лишенный кожи и глаз труп ее первого любовника, юноши из Цинтрома. Когда-то он был выброшен на берег острова Палачей после кораблекрушения. Обекса нашла его, лежащего в волнах отлива, и, приведя в чувство, спрятала в тайной пещере и приносила ему еду и воду. Она держала его там для собственного удовольствия, а позднее, охладев к нему, предала Палачам и получила новое удовольствие, наблюдая пытки и мучения, которые причиняли ему эти жестокие, безжалостные люди, пока тот не умер.

— Пей, — молвил Намирра и сам отпил глоток странного вина, красного и темного, словно наполненного пагубным закатом потерянных лет. Зотулла и Обекса выпили вина, но не почувствовали тепла, разливающегося по венам, а только медленно подбирающийся к сердцу холод, как от наркотического зелья.

— Воистину, прекрасное вино, — сказал Нам-

ирра. — Такое вино достойно того, чтобы поднять тост за продолжение нашего знакомства. Это вино было сделано давным-давно, когда умер король, и закрыто в похоронных урнах из темной яшмы. Мои оборотни нашли его, когда раскапывали могилы в Тасууне.

Язык Зотуллы примерз к небу, как мандрагора замерзает зимой в покрытой инеем почве, и он не смог ответить на учтивость Намирры.

— Прошу тебя, отведай мяса, — промолвил Намирра, — не пожалеешь, ведь это мясо того вепря, которого Палачи Уккастрога откармливали хорошо измельченными останками людей, погибших на их дыбах и виселицах. Более того, мои повара сдобрили его травами, собранными на могилах, и нашпиговали его сердцами гадюк и языками черных кобр.

Император ничего не ответил, и Обекса молчала, пораженная изуродованным подобием того, кто некогда был ее любовником. Страх ее перед магом рос с каждой минутой. Для нее самым весомым доказательством зловещей силы колдуна являлось то, что он знал об этом давно забытом убийстве и оживил труп.

— Однако я боюсь, — молвил Намирра, — что мясо тебе кажется недостаточно вкусным, а вино

недостаточно крепким. Чтобы пробудить аппетит, я позову моих певцов и музыкантов.

Он произнес слово, неизвестное Зотулле и Обексе, которое прогремело по огромному залу, подхваченное множеством голосов. Тут же появились певицы-оборотни с бритыми телами и волосатыми ногами, скаля длинные желтые клыки, на которых налипла падаль, и стали виться, как гиены, перед гостями. За ними вошли, топая ослиными ногами, черти, которые держали в обезьяньих лапах лиры, сделанные из костей и сухожилий каннибалов с Наата; за ними следовали волосатые сатиры, игравшие, надувая щеки, на гобоях, сделанных из бедренных костей молодых ведьм и волынках из грудей негритянских королев.

Они склонились перед Намиррой в поклоне. Затем оборотни завыли печально и отвратительно, как шакалы, почуявшие падаль, а сатиры и черти заиграли мелодию, похожую на стон пустынных ветров, гуляющих в покинутом гареме. И Зотулла задрожал, ибо пение наполнило его душу ледяным холодом, а музыка оставила в его сердце страшную пустоту, как от разрушенных и растоптанных коваными копытами времени империй. В этой музыке он слышал шум песка

в увядших садах и шелест истлевших шелков на некогда роскошных ложах, и шипение змей, свернувшихся вокруг поверженных колонн. Так исчезала навсегда слава Уммаоса, словно унесенная самумом.

— Какая веселая мелодия, — произнес Намирра, когда музыка стихла и певицы перестали выть. — Но мне кажется, что тебе мои развлечения скучноваты. Сейчас танцоры станцуют для тебя.

Он повернулся к залу и правой рукой начертал в воздухе загадочный знак. Тут же с потолка спустился бесцветный туман и на короткое время скрыл зал, словно упавший занавес. За занавесом раздался гомон голосов и приглушенные крики, которые вскоре стихли.

Потом пелена вдруг спала, и Зотулла увидел, что накрытые столы исчезли. В широких проемах между колоннами на полу лежали, связанные ремнями, его придворные, евнухи, вельможи, наложницы и все остальные, словно попавшие в сети птицы с великолепным оперением. Над ними под музыку лир и флейт танцевали скелеты, слегка прищелкивая костями, тяжело подпрыгивали мумии, и остальные приближенные Намирры скакали и ужасающе дергались всеми

своими членами. Они носились по телам людей императора в ритме дьявольской сарабанды, с каждым шагом становясь выше и тяжелее, пока мумии не стали похожи на мумии Анакима, а скелеты не превратились в колоссов. И все громче звучала музыка, заглушая слабые крики людей. И все громаднее становились танцоры, головы которых уже достигали капителей огромных колонн, шатавшихся от их топота. А лежавшие у них под ногами люди, которых да вили, как виноград для получения вина, стонали и кричали, и пол весь был забрызган их кровью, будто кровавым суслом. Император, словно попавший ночью в зловонное болото, услышал голос Намирры:

— Похоже, тебе не нравятся мои танцоры. Тогда я покажу тебе по-настоящему королевское зрелище. Поднимайся и пойдем со мной, ибо ты увидишь всю свою империю.

Зотулла и Обекса поднялись с кресел, словно лунатики. Не оглядываясь ни на сопровождающих их призраков, ни на зал, где прыгали танцоры, они последовали за Намиррой к алькову за алтарем Тасайдона. Оттуда по винтовой лестнице они поднялись на высокий балкон, с которого был виден дворец Зотуллы и обагренные закатом крыши города.

Похоже, пока шло это адское празднество, прошло несколько часов, и солнце клонилось к закату, опускаясь за императорский дворец и окрашивая бескрайние небеса кровавыми лучами.

— Смотри, — молвил Намирра, прибавив странное заклинание, на которое камни здания откликнулись, словно гонг.

Балкон слегка качнулся, и Зотулла, выглянув наружу, увидел, что крыши Уммаоса уменьшаются. Он взлетел на балконе в небо на невероятную высоту и увидел купола своего собственного дворца, городские дома, вспаханные поля, и пустыню, и огромное солнце, садившееся за горизонт. У Зотуллы закружилась голова, и холод охватил его от ледяного ветра, подувшего в лицо. Но Намирра произнес другое слово, и балкон перестал подниматься.

— Смотри внимательно, — произнес колдун, — на империю, которая была твоей и которая, больше твоей не будет.

Затем он простер руку к закату и бездне под ним и произнес двенадцать имен, на которые было наложено проклятие, а затем страшное заклинание: Qna padambis devompra thungis furidor avoragomon.

В тот же момент черные грозовые тучи закрыли солнце и, заслонив горизонт, приняли форму огромных чудовищ с лошадиными головами и телами. С яростным ржанием дьявольские кони затоптали солнце, и мчась, словно на титаническом ипподроме, стали подниматься все выше в огромное небо, направляясь к Уммаосу. Громкий гибельный грохот сопровождал их бег, и содрогнулась земля, и понял Зотулла, что это не облака, а живые создания, явившиеся в мир из космической бездны. Отбрасывая тени на много лиг вперед, кони ворвались в Ксилак, будто пришпоренные дьяволом, и копыта их опустились, словно падающие скалы, на оазисы и города.

Они налетели, как ужасающий шторм, и казалось, мир утонул в бездне под их огромной тяжестью. Окаменев, Зотулла стоял и смотрел, как рушится его империя. А гигантские жеребцы приближались с невероятной скоростью, и громче становился стук их копыт, которые уже топтали зеленые поля и фруктовые сады, раскинувшиеся к западу от Уммаоса. И тень от коней продвигалась, словно дьявольское затмение, пока не накрыла весь Уммаос. Посмотрев вверх, император увидел между землей и небом их огненные глаза, сверкающие сквозь парящие

облака, словно гибельные солнца.

В сгущающейся тьме он услышал перекрывающий невыносимый грохот голос Намирры, который кричал в безумном триумфе:

— Знай, Зотулла, что я призвал коней Тамогоргоса, повелителя бездны. И эти кони сокрушат твою империю, как твой скакун когда то сбил с ног нищего мальчишку по имени Нартос. И знай также, Зотулла, что я был тем мальчишкой.

Глаза Намирры, наполненные тщеславием безумия и злобы, горели, словно гибельные звезды в час их зенита.

Для Зотуллы, ошеломленного ужасом и грохотом, слова колдуна прозвучали, как гул светопреставления; он их не понял. С громовым топотом, срывая крыши и разнося по крошкам каменную кладку, жеребцы ворвались в Уммаос. Храмы были раздавлены, как хрупкие ракушки, каменные здания разрушены и втоптаны в землю, как тыквы. Дом за домом город был сровнен с землей с таким ужасающим треском, словно весь мир погрузился в хаос. Далеко внизу, на темных улицах, люди и верблюды метались, словно муравьи, но им некуда было бежать. Копыта скакунов неумолимо поднимались и опускались, пока город не превратился в щебень и пыль, покрывшую все

черным покрывалом. Дворец Зотуллы был снесен до основания, и теперь копыта коней мелькали рядом с балконом Намирры, а головы их возвышались далеко наверху. Казалось, они разрушат и дом волшебника, но в тот момент, когда печальный свет заката проник сквозь облака, они разделились на два табуна и понеслись в разные стороны. Кони умчались, неся разрушение на восток от Уммаоса. Перед Зотуллой, Обексой и Намиррой лежали развалины города, как куча мусора, и затихал страшный грохот копыт, удаляющийся в сторону восточного Ксилака.

— Прекрасное зрелище, — изрек Намирра. Затем, повернувшись к императору, он злобно добавил: — Не думай, что это все. Я еще не закончил.

Балкон вернулся в свое прежнее положение и стал казаться еще выше и величественнее над руинами города. Намирра схватил императора за руку и повел его с балкона во внутренние покои, а Обекса без слов последовала за ними. Сердце императора сжималось от вида бедствий, постигших его страну, и отчаяние охватило его, как греховный инкуб, повисший на плечах человека, затерянного в стране проклятой ночи. И он не заметил, что при входе с ком нату Обексу

похитили приспешники Намирры, появившиеся, словно тени, и, заткнув ей рот кляпом, увлекли вниз по ступеням.

Эту комнату Намирра использовал для особо греховных ритуалов и заклинаний. Шафранно-красный свет светильников, освещавших покои, был, словно гноящаяся дьявольская пасть, и отражался в стеклянных трубках возгонных сосудов, котлах и перегонных кубах, предназначение которых было недоступно простому смертному. Колдун подогрел в одном из сосудов темную жидкость, полную холодных огней, как будто в ней плескались звезды, но Зотулла, равнодушный и отрешенный, смотрел на него без всякого интереса. Когда жидкость закипела и от нее спиралью пошел пар, Намирра налил ее в железные, украшенные золотом кубки и дал один Зотулле, а другой оставил себе. Затем приказал Зотулле:

— Выпей это.

Зотулла, опасаясь, что это яд, колебался. Тогда маг смерил его холодным взглядом и громко вскричал:

— Ты боишься? Делай, как я.

И поднес кубок к губам. И когда император выпил зелье, как будто под принуждением ангела смерти, темнота пала на все его чувства.

Но прежде чем погрузиться во тьму, он видел, что и Намирра выпил свой кубок до дна. Затем в неописуемой агонии император скончался, а его душа вырвалась на свободу. Тогда он снова увидел комнату, но уже потусторонним взором. Его бестелесный дух стоял в алом свете, а тело лежало, словно мертвое, на полу рядом с распростертым Намиррой.

Стоя так, он увидел странную вещь: его собственное тело, облаченное в короткую мантию из лазурного шелка, расшитого черным жемчугом и красными рубинами, шевельнулось и встало, а мертвое тело колдуна все еще оставалось на полу. Зотулла посмотрел себе в лицо. В его глазах горел темный огонь злобы. Тут он услышал, как его оживший труп говорит сильным и высокомерным голосом Намирры:

— Следуй за мной, бестелесный фантом, и делай все, что я тебе прикажу.

Словно невидимая тень, Зотулла двинулся за колдуном. Они спустились по ступеням в зал для пиршеств и подошли к алтарю Тасайдона, где стояла облаченная в броню статуя и горели семь светильников в форме лошадиных черепов. На алтаре у ног Тасайдона лежала связанная ремнями любимая наложница Зотуллы Обекса,

единственная из женщин, имевшая власть над его пресыщенным сердцем. Но зал был пуст, и ничто не напоминало о дьявольских празднествах, кроме останков его людей, плавающих в темных лужах крови.

Намирра, пользуясь телом императора, как своим, остановился перед черным идолом и сказал духу Зотуллы:

— Ты будешь заключен в этом образе. Ты не сможешь ни освободиться, ни даже шевельнуться.

Полностью подчиняясь воле колдуна, дух Зотуллы воплотился в статую. Император почувствовал на себе холодную тяжесть брони, которая давила, словно саркофаг. Он стоял, не в силах двинуться, и лишь смотрел тусклыми глазами, прикрытыми забралом шлема на те изменения, которые происходили с его телом по воле Намирры. Под короткой лазурной мантией его ноги превратились в ноги черного жеребца, копыта которого блестели красным светом, словно накаленные адским огнем. Пока Зотулла наблюдал за этим чудом, копыта накалились добела и стали прожигать пол.

Затем чудовище надменно подошло к Обексе, навзничь лежащей на черном алтаре и беспомощно взирающей на него глазами, похожими

на озера застывшего ужаса. Там, где оно ступало, оставались дымящиеся следы. Остановившись рядом с девушкой, чудовище подняло копыто и поставило его между ее украшенными золотом и рубинами грудями. Обекса страшно закричала под ужасающей тяжестью, как грешная душа кричит в аду. И копыто засверкало нестерпимым блеском, словно только что вынутое из горна, где куется оружие демонов.

В это мгновение в запуганном, сокрушенном и усталом духе императора, заключенном в огромной статуе, проснулось мужество, которое беспробудно дремало до крушения его империи и гибели свиты. Одновременно в его душе ожили ненависть и великий гнев. Зотулле страстно захотелось, чтобы его правая рука, держащая меч, повиновалась ему.

И вдруг с ним заговорил голос, холодный, бесцветный и ужасный, как будто принадлежащий самой статуе. Этот голос произнес:

— Я Тасайдон, повелитель семи кругов подземного ада и надземных кругов ада человеческого сердца, которых семь раз по семи. На миг, о Зотулла, моя сила станет твоей ради обоюдной мести. Слейся с моей статуей, когда дух един с плотью. Смотри! Вот адамантовая булава в моей правой

руке. Подними ее и бей.

Зотулла почувствовал в себе великую мощь и огромную силу, послушно повинующуюся его воле. Он почувствовал в закованной в броню руке рукоять огромной, унизанной шипами булавы. И хотя эту булаву не смог бы поднять ни один смертный, она была как раз Зотулле по руке. Тогда, подняв оружие, как воин на поле битвы, он нанес сокрушительный удар по твари, имеющей его тело и ноги дьявольского скакуна, И тварь рухнула на пол, а ее мозги разбрызгались из размозженного черепа на сверкающий гагат. Дергающиеся ноги вскоре затихли, а копыта, медленно остывая, из ослепительно белых превратились в алые.

В наступившей тишине слышались только слабые стоны Обексы, обезумевшей от боли и страха. Затем в душе Зотуллы, разрывающейся от этих стонов, снова зазвучал холодный ужасающий голос Тасайдона:

— Будь свободен, ибо тебе нечего здесь больше делать.

И дух Зотуллы вышел из идола Тасайдона и нашел в небесах свободу небытия и забвения.

Но для Намирры еще не все кончилось. Его безумная, обуреваемая гордыней душа освобо-

дилась из тела Зотуллы и вернулась, хотя это не входило в планы чародея, в собственное тело, лежащее на полу комнаты, предназначенной для дьявольских ритуалов и запретных переселений душ. Там Намирра пришел в чувство в страшном смущении, к тому же частично потеряв память, ибо из-за богохульства на нем лежало теперь проклятие Тасайдона.

Он не понимал ничего, кроме злобной неумолимой жажды мести, но и сама причина мести, и ее объект стали теперь лишь призрачными тенями. Но все еще побуждаемый тайным духом, он встал, и, опоясавшись заколдованным мечом с рукоятью, покрытой руническими сапфирами и опалами, спустился по ступеням и подошел к алтарю Тасайдона, где вооруженная статуя стояла бесстрастно, как и прежде, держа булаву в правой руке. Рядом с ней на алтаре лежали две жертвы.

Вуаль колдовской тьмы окутывала Намирру, который не видел чудовища с медленно остывающими копытами и не слышал стонов все еще живой Обексы. Его глаза были прикованы к бриллиантовому зеркалу, которое держали в бронзовых когтях василиски за алтарем. В нем он увидел лицо, которое уже не принадлежало ему. Глаза были замутнены, мозг опутан паутиной об-

мана, и он принял свое отражение за императора Зотуллу. Ненасытная, словно адское пламя, месть его снова возгорелась. Он поднял заколдованный меч и начал рубить отражение. Временами ему казалось, что он — Зотулла, борющийся с магом, а иногда, в своем безумии, он был Намиррой, рубящим императора, а потом снова, став неизвестно кем, он крушил безымянного врага. И скоро волшебный клинок, хотя и укрепленный могущественными заклинаниями, сломался у рукояти, но противник Намирры оставался цел и невредим. Тогда, выкрикнув полузабытые руны особо страшного проклятия, обезумев от своего беспамятства, он начал бить тяжелой рукояткой меча по стеклу, пока рунические сапфиры и опалы не раскололись и не упали к его ногам бесполезными стекляшками.

Обекса, умирая на алтаре, видела, как Намирра бьется со своим отражением, и это зрелище вызвало у нее безумный хохот, звучащий как звон колоколов из треснутого стекла. Перекрывая ее хохот, заглушая проклятья Намирры, возник, словно грохот бури, гром копыт скакунов Тамогоргоса, возвращающихся в космос из Ксилака через Уммаос, чтобы растоптать дворец, который они прежде пропустили.

Некромантия в Наате

О, как сладка загробная любовь
Меж мертвых, что не знают больше горя.
Как терпкое вино, она их ледяную кровь
Волнует в Наате, за бурным морем.
Песня галерных рабов.

Ядар, принц кочевого народа полупустынного края, называемого Зирой, обошел уже многие и многие земли. Его путеводная нить зачастую была эфемернее разорванной паутинки. Вот уже тринадцать лун он искал Далили, свою нареченную. Работорговцы Ша Карага стремительно и коварно, словно пустынные стервятники, похитили ее из родового стойбища вместе с девятью другими девушками, пока Ядар со своими людьми охотился на черных зиранских газелей. Страшным было горе Ядара и ужасен гнев, когда вечером он вернулся к опустевшим палаткам. Принц дал великий обет найти Далили где угодно: на невольничьем рынке, в публичном доме или в гареме — живую или мертвую, потратив один день или же долгие годы.

Юноша переоделся торговцем коврами и в

сопровождении четырех слуг в подобающих одеждах объехал все столицы Зотика, жадно прислушиваясь к слухам на базарах. Шло время, один за другим от неведомых болезней и трудностей пути умерли его спутники. Наконец, после долгих бесплодных блужданий в одиночестве, он вступил в Орот — порт на западном побережье Зилака.

Здесь переодетый принц услышал сплетни, которые могли иметь отношение к его невесте. Жители Орота до сих пор судачили об отплытии богатой галеры с прекрасной чужеземной девушкой, по описанию похожей на Далили. Император Зилака купил ее и отправил в подарок правителю далекого южного королевства Йорос в честь заключения между двумя странами дружеского договора.

Вновь обретя надежду найти возлюбленную, Ядар сел на корабль, идущий в Йорос. Это была маленькая торговая галера с зерном и винами. Она плавала на север и на юг, но никогда не отваживалась выйти в открытое море, а тесно прижималась к извилистым западным берегам Зотика. Ясным летним днем мореплаватели покинули порт в предвкушении неторопливого, безмятежного плавания. Но на третий день с низ-

ких берегов, вдоль которых они шли, вдруг задул бешеный ветер, небеса омрачились тучами. На корабль опустилась непроницаемая мгла, подобная ночи, буря подхватила суденышко и понесла в непроглядную бушующую даль.

Только через два дня ветер умерил свой гнев и превратился в еле уловимый шелест, а небеса очистились, являя светлый лазурный свод. Но нигде не было видно земли, и тишину нарушал только шум воды, все еще беспокойно волнующейся, несмотря на отсутствие ветра. Волны стремились на запад таким сильным потоком, что галера не могла противостоять ему. И это странное течение, больше похожее на подводный ураган, пленило судно.

Ядара, единственного пассажира, просто потрясли бледные от ужаса лица капитана и команды. Всматриваясь в морскую даль, он заметил необычное потемнение воды, принимавшее оттенок запекшейся крови. С каждой минутой море становилось все более и более темным, хотя солнце сияло ярко, не затеняемое ни единым облачком. Принц обратился к капитану — почтенному седобородому старику родом из Йороса по имени Агор, который сорок лет бороздил океан. Ответом ему были слова:

— Я предчувствовал худое, когда шторм понес нас на запад; мы стали пленниками ужасного течения, которое мореплаватели называют Черной Рекой. Все сильнее и быстрее поток стремится к месту последней стоянки солнца, пока, наконец, не низвергнется с края земного диска. Сейчас между нами и этой последней гранью стоит только зловещая земля Наата, ее называют еще островом Некромантов. Я не знаю, какая судьба страшнее: быть выброшенными в никуда или попасть на этот остров. Живому человеку нет пути назад из бездны за краем земли. И никто никогда не покидал остров Наат, кроме злых колдунов, населяющих его, и мертвых, которых они воскрешают и над которыми властвуют. У некромантов есть волшебные корабли — они могут бороться с течением Черной Реки. Колдуны путешествуют всюду, и мертвые, находящиеся под их чарами, в течение многих дней и ночей без устали плывут туда, куда прикажут проклятые хозяева.

Ядар почти ничего не слышал о колдунах и некромантии, поэтому несколько недоверчиво отнесся к рассказу капитана. Но он видел, как темнеющие воды все более бурно и стремительно уносятся к горизонту, и оставалась поистине ничтожная надежда на то, что корабль сможет

вернуться к прежнему курсу на юг. Принц терзался: неужели он никогда не достигнет Йороса, где мечтал отыскать прекрасную Далили?

Весь день суденышко неслось, словно по волшебству, под безветренными и безоблачными небесами, увлекаемое бешеными морскими водами. Свет дня сменился оранжевым закатом, за которым последовала ночь. Огромные немигающие звезды озарили небо и вновь погасли с наступлением янтарного рассвета. Но течение все еще не замедлилось, и в бескрайнем просторе не было видно ни земли, ни облачка.

Ядар не слишком много разговаривал с моряками после того, как те не смогли объяснить, отчего так потемнела вода. Им овладело отчаяние, но он стоял у фальшборта и всматривался в небо и волны с терпеливым ожиданием, которому научила его кочевая жизнь. К полудню юноша разглядел вдалеке странное судно с мрачными фиолетовыми парусами, плывущее к востоку против могущественного течения. Он обратил на него внимание Агора, и капитан, сквозь зубы бормоча морские ругательства, сказал, что это корабль некромантов Наата.

Вскоре фиолетовые паруса пропали из вида, но немного позже Ядар различил в высоких волнах с

подветренной стороны галеры что-то, очень похожее на человеческие головы. Ни один смертный не мог плыть в таком бурлящем течении. Принц припомнил слова капитана о мертвых пловцах с Наата и ощутил тот трепет перед сверхъестественным, который охватывает даже храбреца. Он промолчал об увиденном, а его спутники, казалось, ничего не заметили.

Галера все плыла вперед, но гребцы праздно сидели на веслах и капитан равнодушно стоял у бесполезного руля.

Близилась ночь, солнце садилось над бурным и черным, как смоль, океаном. А на западе возникла огромная гряда грозовых облаков, длинная и поначалу низкая, но быстро вздымавшаяся к небесам своими громадными верхушками. Она делалась все выше и выше, предупреждая об угрозе затаившихся за ней скал или мрачных, устрашающих рифов, но, странное дело, облака не меняли формы. Наконец Ядар догадался, что там, вдали, в длинных лучах заходящего солнца вздымается остров. Он отбрасывал тень на многие лиги, еще более затемняя мрачные воды, на которые словно опустилась преждевременная ночь. Пенные гребешки волн, игравших на подводных рифах, в этой тени казались белыми,

словно оскаленные зубы смерти. Испуганные пронзительные возгласы моряков подтвердили догадку, что впереди был ужасный остров Наат.

Течение со страшной скоростью несло путешественников к ощеренному утесами побережью. Рокот безжалостного прибоя заглушил голоса моряков, громко взывавших к своим богам. Ядар, стоя на носу корабля, возносил немую молитву грозному, мрачному божеству своего племени. Взгляд принца, словно взгляд морского орла, цепко следил за растущими очертаниями острова, замечая и наводящие ужас обнаженные скалы, и сползающие к морю пески, и белые чудовищные буруны у сумрачного берега.

Остров словно был накрыт какой-то зловещей завесой, предвещающей беду. Сердце Ядара упало, как кусочек свинца погружается в темные морские воды. Когда течение подтащило суденышко ближе к острову, принц смутно различил передвигающихся по низкому пляжу людей: их силуэты мелькали в просветах между волнами, то и дело исчезая среди пены и брызг. Прежде чем принц смог разглядеть их, галеру с оглушительным грохотом и скрежетом бросило на риф, скрытый под стремительно несущимися водами. Камни проломили нос и днище, и, когда

следующий вал поднял судно с рифов, корабль стремительно заполнился водой и затонул вместе с командой. Один Ядар успел выпрыгнуть прежде, чем корабль погрузился в воду. Будучи не очень искусным пловцом, принц быстро ослабел и пошел ко дну, увлекаемый водоворотами этого жестокого моря.

Чувства, казалось, покинули его. В меркнущем сознании, словно потерянное прошлогоднее солнце, ослепительно сверкнул образ Далили. Будто в яркой фантасмагории, промелькнула череда счастливых дней, проведенных с возлюбленной. Видения исчезли, и отчаянным усилием юноша заставил себя очнуться, ощутил во рту горечь морской воды, ее неумолчный шум в ушах и ее стремительную темноту повсюду вокруг себя. Немного придя в себя, он различил какую-то фигуру, плывущую рядом и поддерживающую его над водой.

Принц поднял голову, и сквозь пелену увидел бледную шею и длинные черные волосы, струящиеся по волнам. Коснувшись тела, он понял, что это была женщина. Удары волн мешали думать, но он смутно почувствовал что-то знакомое: когда-то очень давно, в прежней жизни, он встречал девушку с этими черными волосами

и такой линией щек. Силясь вспомнить, Ядар еще раз дотронулся до спасительницы и ощутил странную холодность ее обнаженного тела.

Поистине сверхъестественными были сила и искусство бесстрашной союзницы, ибо она с легкостью рассекала вздымающиеся и вновь опадающие волны. Внезапно с вершины вала стал виден стремительно надвигающийся берег. Казалось, что ни один пловец, как бы искусен он ни был, не сможет живым выбраться на песок сквозь эти бешеные буруны. Наконец их с головокружительной скоростью подбросило кверху, как будто прибой собирался швырнуть их на самый высокий утес. Но волна медленно и лениво опала и откатилась назад, будто усмиренная каким-то неведомым заклятием. Ядар и его спасительница, невредимые, оказались на изрезанном уступами пляже.

Девушка молча поднялась на ноги, знаком приказала принцу следовать за ней и пошла прочь в губительные синие сумерки, даже не обернувшись, чтобы взглянуть на спасенного. Ядар направился следом, но вдруг услышал зловещее песнопение, заглушавшее рев разъяренного моря. Невдалеке во тьме вырисовывался странный костер из принесенных морем обломков дерева.

Спутница двигалась прямо на свет и голоса. Когда глаза принца привыкли к неверным сумеркам, он различил, что огонь разведен в полузатопленной расщелине между утесами, окружавшими берег. У костра сгрудились три высокие жуткие фигуры в темных одеяниях. Они пели.

Из глубин памяти принца опять всплыли слова капитана галеры о некромантах Наата и их черной магии. Даже самый звук этого мрачного песнопения, пусть и на незнакомом языке, заставлял стыть кровь в жилах и сковывал сердце могильным холодом. И хотя Ядар почти ничего не понимал в волшебстве, ему почудилось, что звучавшие слова обладали колдовским смыслом и силой.

Выйдя вперед, девушка низко, точно рабыня, склонилась перед поющими. Три колдуна, не прерываясь, продолжали заклинание. Костлявые, как истощенные стервятники, огромного роста, они точь-в-точь походили друг на друга. Глаза можно было заметить лишь по красным искрам отраженного в них пламени костра. И когда они пели, их взгляды, казалось, устремлялись вдаль, на чернеющее море и на то, что скрывали сумрак и расстояние. Подойдя поближе, Ядар мгновенно ощутил тошнотворный ужас и отвращение, как

будто очутился в склепе, охваченном всепоглощающим разложением.

Пламя взметнулось ввысь. Его извивающиеся языки напоминали переплетающихся разноцветных змей. Яркий свет заиграл на лице девушки, спасшей Ядара от смертоносных вод Черной Реки. Теперь принц понял, отчего в его груди зашевелились смутные воспоминания: это была его потерянная любовь, Далили!

Забыв о присутствии мрачных колдунов, он бросился к любимой, в исступленном порыве выкрикивая ее имя. Но Далили молчала и лишь легким трепетом отозвалась на его объятие. Пораженный Ядар ощутил, как исходящий от ее тела гробовой холод сковывает его руки и проникает даже через одежду.

Смертельно бледными и безжизненными были уста, которые он целовал, дыхание не пробивалось сквозь сомкнутые губы. Не волновалась грудь, прижатая к его груди. В прекрасных, широко распахнутых глазах возлюбленной промелькнула бледная тень узнавания и опять сменилась пустотой забытья. Так на миг пробудившийся спящий вновь быстро ускользает в долину снов.

— Ты ли это, о Далили?

И она ответила сонно, безразличным голосом:

— Да, я Далили.

Исстрадавшемуся Ядару показалось, будто ее голос доносится из страны более далекой, чем весь путь, пройденный им в поисках невесты. Страшась осознать перемену, произошедшую с ней, он нежно промолвил:

— Ты же знаешь меня, Далили. Я — твой возлюбленный, принц Ядар. Я прошел за тобой полмира и переплыл ради тебя безбрежное море.

Бездумным эхом она повторила его слова, словно опоенная зельем:

— Я знаю тебя.

Такой ответ еще более взволновал юношу. Его насторожило то странное отражение его собственных слов, каким дважды отвечала Далили.

Трое поющих прекратили свое колдовство, но принц не заметил этого, он забыл об их присутствии. Он крепко прижимал девушку к своей груди, когда некроманты подошли и один из них коснулся руки Ядара. Незнакомец окликнул юношу по имени и обратился к нему, хотя и несколько неуклюже, на распространенном на Зотике языке:

— Мы приветствуем тебя на острове Наат.

Ядар, предчувствуя самое страшное, резко спросил его:

— Что вы за существа? Как Далили попала сюда? Что вы с ней сделали?

— Я — Вакарн, некромант, а эти двое — мои сыновья, Вукол и Альдал, тоже некроманты. Мы живем в доме за скалами, и нам служат утопленники, которых мы своим колдовством вызываем из морских пучин. Среди них и эта девушка, Далили, а с ней вся команда корабля, на котором она плыла из Орота Как и твою галеру, их судно унесло далеко в море, его тоже подхватила Черная Река и выбросила на рифы Наата. Мы с сыновьями владеем могущественным заклинанием: оно не требует ни магических кругов, ни пентаграмм. Волшебное пение призвало к нам всех, кого поглотило в тот раз ненасытное море. Точно так же мы вызвали теперь команду твоей галеры, из которой ты один был спасен мертвой Далили.

Вакарн умолк и застыл, внимательно вглядываясь в синюю мглу, и Ядар услышал за спиной звук медленных шагов по прибрежной гальке, приближающихся от линии прибоя. Обернувшись, он увидел возникшего из фиолетовых сумерек старого Агора, позади капитана шли матросы и гребцы. Ступая словно лунатики, они приблизились к костру, а с их одежды, волос и даже изо рта

текла вода. Некоторые были в синяках, другие едва тащились на переломанных о подводные скалы ногах, а на лицах лежала печать жребия тех, кому суждено найти свою кончину на морском дне.

Утопленники безучастно кланялись Вакарну и его сыновьям, покоряясь тем, кто вызвал их из долины смерти. Их остекленевшие глаза, казалось, не узнавали Ядара и не видели ничего, что происходило вокруг. Речь была лишь тупым повторением нескольких незнакомых слов, с которыми к ним обращались некроманты.

Юноше даже почудилось, что и он вместе с ожившими мертвецами попал в темный, бесконечный кошмар.

Колдуны повели их сквозь мрачное ущелье, которое, петляя, поднималось к гористой части На-ата. Ядар шел рядом с Далили, но в его сердце не было радости от встречи с возлюбленной: любовь сплеталась с отчаянием.

Вакарн освещал путь головней, вынутой из костра. Вскоре над бушующим морем взошла огромная луна, красная, словно смешанная с гноем кровь. Прежде чем ее диск приобрел обычную смертельную бледность, они вышли из ущелья на каменистый холм, где стоял дом магов.

Дом был построен из темного гранита, длинные низкие крылья утопали в густой листве. Сзади возвышался утес, а над ним виднелись в лунном свете мрачные горные склоны и острые хребты, простирающиеся вдаль.

Обитель некромантов казалась местом, опустошенным смертью: в окнах не горело ни огонька, а стоявшая тишина могла соперничать с безмолвием темного неба. Ступив на порог, Вакарн произнес какое-то слово, эхом прокатившееся по внутренним залам. В ответ повсюду засияли лампы, заполняя дом своими чудовищными желтыми глазами и в воротах, словно почтительные тени, появились слуги. Но их лица заливала гробовая бледность, а некоторые были тронуты зелеными пятнами тления или изъедены червями.

Ядара пригласили в главный зал, где обычно в одиночестве трапезничали Вакарн, Вукол и Альдал. На возвышении из гигантских плит стоял стол магов, а внизу, за другими столами, собралось около двухсот утопленников. Среди них была и Далили, ни разу за все время не взглянувшая на жениха. Принц хотел присоединиться к девушке, не желая больше расставаться с ней, но внезапно на него навалилась страшная уста-

лость. Казалось, какие то незримые цепи сковали члены, он не мог сдвинуться с места и понуро сидел рядом с угрюмыми, неразговорчивыми колдунами. Маги же настолько привыкли все время жить с безмолвными мертвецами, что переняли изрядную часть их манер. Наблюдая за ними, Ядар еще более отчетливо, чем раньше, увидел, насколько эти трое похожи друг на друга: они казались скорее родными братьями, нежели отцом и сыновьями и словно не имели возраста, они не были ни молодыми, ни старыми. И все сильнее и сильнее он ощущал исходящее от них злое колдовство, могущественное и отвратительное, будто скрытое дыхание смерти.

В странном оцепенении Ядар почти не удивлялся тому, как проходил этот странный ужин: еда возникала прямо на тарелке и бокалы сами собой наполнялись винами. Лишь еле слышный шелест шагов да мимолетное холодное дуновение выдавали присутствие невидимых слуг.

Мертвые за своими столами ели безмолвно и чопорно, но некроманты не притрагивались к пище, словно ожидая чего то. Неожиданно за столом магов появился еще один стул, и Вакарн пояснил принцу.

— К ужину мы ждем гостей.

Вскоре открылась одна из дверей, и оттуда вышел обнаженный мужчина, огромного роста, с невероятными мускулами, загорелый до черноты. Его облик был ужасен: глаза расширены, точно в приступе ужаса, на толстых фиолетовых губах клочья пены. За ним следовали двое мертвых моряков с тяжелыми ржавыми ятаганами — стражники, конвоирующие заключенного.

— Это людоед, — объяснил Вакарн. — Наши слуги поймали его в лесу за горами. Там обитает много подобных дикарей.

Затем он добавил:

— Только сильные и храбрые живут в этом доме. Не случайно, принц Ядар, и тебе оказана такая честь. Смотри внимательно на то, что сейчас произойдет.

Дикарь задержался на пороге, словно обитатели дома страшили его больше, чем ятаганы. Тогда один из конвоиров взмахнул рукой с ржавым лезвием — кровь хлынула из глубокой раны на теле людоеда, и он шагнул вперед. Конвульсивно содрогаясь, как испуганное животное, он отчаянно оглядывался по сторонам в поисках пути для побега. Второй удар заставил его подняться на возвышение и подойти к столу некромантов. Вакарн глухо произнес несколько слов, и

каннибал сел, все еще дрожа, на стул рядом с хозяином, напротив Ядара. За ним с занесенными ятаганами застыли наводящие ужас охранники, выглядевшие так, как будто умерли не меньше двух недель назад.

— Остался еще один гость, — промолвил Вакарн. — Он подойдет попозже, не будем его ждать.

Без дальнейших церемоний он принялся за еду, и Ядар, хотя и без особого желания, последовал его примеру. Принц едва ощущал вкус яств, наполнявших его тарелку, и вряд ли ответил бы, кислым или сладким было вино, которое он пил. Его мысли метались между Далили и опасностью собственного положения.

Несмотря на оцепенение тела, чувства Яда-ра странным образом обострились. Он заметил какие-то потусторонние тени, скользящие между лампами, и услышал холодный свистящий шепот, от которого кровь застыла в жилах. В нос ему ударили те запахи, что сопровождают смерть от часа ее прихода до окончания тления.

Вакарн и его сыновья набросились на еду с невозмутимостью людей, давно привыкших к такому окружению. Но каннибал, чей страх ощущался прямо-таки физически, не прикоснулся

к лежащей перед ним пище. Кровь из его ран струями стекала по груди, звонко капая на каменные плиты.

Наконец, по настоянию Вакарна, говорившего с людоедом на его родном языке, тот выпил глоток вина из кубка. Это вино отличалось от поданного всем остальным и было фиолетового цвета, темное, как цветки паслена, тогда как вино в других кубках было красным, подобно цветку мака. Едва дикарь пригубил свой бокал, как тут же откинулся на спинку стула, словно разбитый параличом. Его скрюченные пальцы неловко держали кубок, разливая остатки вина на пол. Даже легкой дрожи не пробегало по его телу, но глаза были широко открыты, и в них еще теплилось сознание.

Страшное подозрение охватило юношу, и угощение некромантов встало у него поперек горла. Он был поражен действиями своих хозяев, а те, тоже прекратив есть, привстали в своих креслах и внимательно вглядывались во что-то позади Яда-ра. Принц оглянулся и заметил в одной из плит пола маленькое отверстие. По величине оно подошло бы какому-нибудь небольшому животному, но Ядар не мог представить себе, какой зверь способен вырыть нору в гранитной плите.

Громким, чистым голосом Вакарн выкрикнул одно единственное слово:

— Эсрит!

Вскоре после этого в глубине норы сверкнули две маленькие искорки, и оттуда вынырнуло существо, своим видом и размером напоминающее ласку, но еще длиннее и тоньше. Это создание было покрыто ржаво-черным мехом, его лапы напоминали маленькие безволосые ручки, а горящие желтым пламенем глазки, казалось, вмещали всю гибельную мудрость и злобу демона. Быстро-быстро, извиваясь, точно волосатая змея, тварь проскользнула под стул людоеда, где уже натекла лужа крови, и начала жадно лакать.

Сердце Ядара сжалось от ужаса, когда жуткое существо заползло на колени дикаря, а оттуда перебралось на плечи и присосалось к еще кровоточащим ранам. Каннибал не шевелился в своем кресле, но его глаза медленно, с ужасным выражением расширились, щеки стали мертвенно-белыми, губы слегка разомкнулись, обнажая белые и крепкие, как у акулы, зубы.

Некроманты возобновили ужин, поглядывая на маленькое кровожадное чудовище, и Ядар догадался, что это тот самый гость, которого они ждали. Принц не знал, было ли создание

обыкновенной лаской или же духом хранителем колдуна, только гнев наполнил его сердце, и он занес над мерзкой тварью меч. Но Вакарн быстро начертил указательным пальцем в воздухе какой то странный знак, и рука юноши повисла на полпути, а пальцы стали слабыми, как у младенца, и меч выскользнул из его ладони, глухо звякнув о пол. Затем, повинуясь безмолвному приказу некроманта, он вернулся на свое место за столом.

Жажда похожего на ласку существа, казалось, была неутолима, ибо оно все сосало и сосало кровь. Могучие мускулы дикаря прямо на глазах странно съеживались, под сморщенными складками кожи начали вырисовываться туго натянутые жилы. Его лицо напоминало маску смерти, члены высохли, как у мумии, но присосавшаяся тварь увеличилась в размере не больше, чем раздувается живот горностая, напившегося крови домашней курицы.

По этому признаку Ядар понял, что существо действительно было демоном и, несомненно, хранителем Вакарна. Охваченный ужасом, он не мог оторвать глаз от происходящего. Наконец насытившееся чудовище отвалилось от людоеда, превратившегося к тому времени в мумию, и

убежало, скользя и извиваясь, в свою нору.

Странной была жизнь, которую Ядару приходилось вести теперь в доме некромантов. Рабская покорность, сковавшая его во время первого ужина, не проходила. Он двигался в каком-то полусонном оцепенении, как будто повелители живых мертвецов и его подчинили себе. Но не эти путы крепче всего привязывали юношу к колдовской обители — любовь к Далили удерживала его тут, хотя эта любовь и обернулась сейчас проклятьем отчаяния. Он даже кое-что узнал о некромантах и их жизни, хотя Вакарн разговаривал редко и только с угрюмой иронией, а его сыновья были молчаливы, словно слуги-мертвецы. Оказалось, что похожий на ласку демон Эсрит служит колдунам на определенных условиях: каждое полнолуние он получает в награду кровь живого человека, обязательно очень сильного и храброго. И принц понял, что если только не произойдет чуда и его не спасет колдовство более сильное, чем чары некромантов, то дни его сочтены и через месяц он погибнет. Ибо живыми во всем доме были только хозяева и он сам, все остальные уже прошли сквозь горькие врата смерти.

Одиночество царило в доме, далеко отстоящем

от всех прочих домов. На берегах Наата жили и другие некроманты, но они нечасто общались с хозяевами Ядара. А за пустынными горными хребтами, в темных сосновых и кипарисовых лесах, обитали лишь дикие племена каннибалов, постоянно воевавших друг с другом.

Мертвые ночами жили в подземных пещерах, где лежали в каменных гробах, а днем выходили наружу работать. Некоторые возделывали сады на укрытом от морских ветров склоне, другие пасли темных коз и коров, все остальные ныряли за драгоценными жемчужинами в морские глубины. Море так жадно лизало скалившиеся гранитными зубами выступы берега, что ни один живой человек не дерзнул бы потревожить его пучины. За свою жизнь, которая длилась уже много дольше жизни обычного смертного, Вакарн собрал великое множество таких жемчужин. Иногда он или один из сыновей снаряжали волшебный корабль, противостоявший Черной Реке, и с мертвой командой ходили к берегам Зотика. Там можно было продать драгоценности и купить что-то, чего не создавала магия.

Странно и горько было Ядару узнавать в расхаживающих по острову трупах своих бывших спутников, которые в ответ на приветствие лишь

бездумным эхом повторяли его слова. И еще горше, но с примесью смутной и скорбной сладости, было видеть Далили и говорить с ней. Напрасно принц старался возродить ее страстную любовь: душа невесты погрузилась в пучину забвения и не было оттуда возврата. С вечной безутешной тоской он искал ее душу в бездне более ужасной, чем бесконечный океан, омывавший остров Некромантов.

Далили с детства любила плавать в неглубоких озерах родного края, поэтому оказалась среди ныряльщиков за жемчугом. Ядар часто сопровождал ее на берег и глядел на бурные волны, терзаемый желанием броситься туда и найти, если это возможно, вечный покой смерти. Он непременно сделал бы так, но крепкие колдовские узы лишили принца прежней силы и решительности.

Отпущенный Ядару месяц подходил к концу, когда однажды вечером Вукол и Альдал нашли принца на скалистом берегу, где он, как обычно, ждал Да-лили, уплывшую далеко в стремительные воды. Не промолвив ни слова, они украдкой поманили юношу с пляжа, и тот последовал за ними, слегка заинтригованный. Головокружительно извилистая тропинка петляла с утеса на утес над изгибающимся берегом. До наступле-

ния темноты они пришли в укромную гавань, о существовании которой Ядар и не подозревал. В безмятежной бухте в тени скал пряталось судно с мрачными фиолетовыми парусами. Подобная галера, полным ходом идущая против течения Черной Реки, встретилась принцу по пути в Наат.

Юноша находился в недоумении: зачем его привели в эту тайную гавань и что означают странные жесты, которыми маги указывали на корабль. Наконец Вукол заговорил приглушенным шепотом, точно боясь, что его могут подслушать даже в этом удаленном месте:

— Если ты поможешь нам с братом исполнить один план, то сможешь покинуть Наат на этой галере. Более того, если пожелаешь, тебе будет позволено взять с собой красавицу Далили и несколько мертвых гребцов. Мы вызовем попутный ветер, который понесет твой корабль против течения Черной Реки и доставит к берегам Зотика. А откажешь нам — кровожадный Эсрит высосет твою кровь, всю до последней капли, а Далили навсегда останется презренной рабыней Вакарна. Днем она будет нырять за жемчугом для него, а ночью утолять его гнусную страсть.

Ядар почувствовал, что вновь обретает надеж-

ду и мужество. Слова Вукола вызвали в его душе бурю негодования против старого колдуна, а возможность спасти любимую и себя разрушила оковы гибельного колдовства старого некроманта, так долго державшие его в бездействии. Он быстро ответил:

— Я помогу в исполнении вашего плана, в чем бы он ни заключался, если только это будет в моих силах.

Альдал таким же шепотом продолжил речь брата, боязливо оглядываясь вокруг:

— Мы думаем, что Вакарн чересчур зажился на свете и слишком долго навязывает нам свою власть. Мы, его сыновья, стареем, и будет только магическую силу отца прежде, чем годы лишат нас удовольствия наслаждаться ими. Ты поможешь нам.

После недолгих размышлений Ядар рассудил, что убийство некроманта будет во всех отношениях праведным делом и не запятнает его честь. Поэтому он без колебаний сказал:

— Да, я помогу вам.

Заметно ободренный согласием, Вукол раскрыл подробности:

— Все должно быть закончено до завтрашней ночи, когда полная луна придет в Наат с Черной

Реки и вызовет демона Эсрита из норы. Только завтра утром мы сможем застать Вакарна врасплох: по своему обыкновению, он войдет в магический транс. Волшебное зеркало в это время показывает отцу море с плывущими кораблями и далекие земли. Мы должны будем быстро умертвить его перед этим зеркалом, прежде чем он пробудится от транса.

В назначенный час братья, вооруженные длинными, холодно блестящими ятаганами, встретились с Ядаром в дальнем зале. Точно такой же ятаган Вукол принес принцу и объяснил, что оружие сначала закалили, прочитав смертоносные заклинания, а потом высекли на нем губительные руны. Ядар, предпочитавший собственный меч, отверг заколдованное оружие, и вся троица, крадучись, последовала в покои Вакарна.

Дом был пуст: все мертвецы ушли выполнять назначенные дневные работы. Не слышалось обычного шелеста невидимых шагов, не мелькали служили старому некроманту. В молчании заговорщики подошли к спальне, вход в которую преграждала темная шпалера с серебряными знаками ночи, окаймленная узором из многократно повторенных пяти имен архидемона Тусейдона.

Братья остановились, опасаясь прикоснуться к шпалере, но Ядар решительно отодвинул ее, и они последовали за ним быстро, словно стыдясь своей трусости.

Просторная, с высокими сводами комната была озарена тусклым светом, что пробивался сквозь единственное окно, выходящее между густыми кипарисами прямо в чернеющее море. Ни одна из множества ламп не горела, и зал наполняли тени, подобные призрачным флюидам, сквозь которые колдовские кадила, перегонные кубы и жаровни казались трепещущими, точно одушевленные существа. Вакарн сидел спиной к входу перед гигантским треугольным зеркалом на змеевидной медной подставке. Магическое зеркало из электрума ярко пылало в сумраке, словно освещенное из невидимого источника, и незваные гости, подойдя ближе, были ослеплены его сиянием.

Казалось, что колдун действительно полностью погружен в привычный транс, ибо он спокойно вглядывался в зеркало, неподвижный, словно мумия. Братья отступили назад, но Ядар не заметил этого и подкрался к некроманту с занесенным мечом. Тут он увидел лежащий поперек колен Вакарна огромный ятаган, мелькнула мысль,

что волшебник предупрежден. Несмотря на это, принц обрушил на его шею сильный удар. Но странный блеск ослепил в этот миг глаза юноши, словно луч солнца полыхнул из глубин зеркала через плечо колдуна. Лезвие меча отклонилось и наискосок вошло в ключицу, так что некромант, хотя и тяжело раненый, избежал обезглавливания. Очевидно, Вакарн предвидел попытку нападения и готовился драться, но был против воли зачарован колдовским сиянием зеркала и впал в забытье.

Теперь он очнулся, свирепый и молниеносный, словно раненый тигр, и бросился с ятаганом на принца. Тот, все еще ослепленный, не смог отразить удар, кривой кинжал глубоко рассек его правое плечо, и смертельно раненный юноша упал на пол у основания змееподобной руки, поддерживавшей зеркало.

Ядар чувствовал, как медленно угасает в нем огонек жизни, он видел, что Вукол выскочил вперед с отчаянием человека, идущего на неминуемую смерть, и мощным ударом рассек отцу шею. Почти отделенная голова опрокинулась и повисла на тоненькой полоске кожи, любой смертный упал бы замертво в то же мгновение, но Вакарн только пошатнулся. Магическая сила,

заключенная в его теле, двигала им, когда он кинулся на отцеубийц. Кровь фонтаном била из шеи колдуна, отмечая его путь, а голова болталась на груди, словно чудовищный маятник. Ни один его удар не попал в цель, ибо он больше не видел и не мог точно направить свой ятаган, а сыновья проворно уворачивались, многократно раня его. Иногда некромант спотыкался о лежащего Ядара или задевал кинжалом зеркало, заставляя его звучать, будто гулкий колокол. Периодически схватка перемещалась к выходящему на море окну и ускользала от взора умирающего принца. Тогда он слышал странный звон, точно ятаганы волшебников раскалывали какие-то магические вещи, и громкое дыхание сыновей Вакарна, и глухие звуки ударов. И вновь битва возвращалась ближе к Ядару, и тот следил за ней тускнеющими глазами.

Невыразимо жестоко было то побоище, и Вукол с Альдалом уже начали задыхаться. Но вскоре силы покинули старого некроманта вместе с кровью, текущей из его многочисленных ран. Его шатало на бегу из стороны в сторону, ноги спотыкались, а удары совсем ослабли. Одежда превратилась в окровавленные лохмотья, некоторые члены были наполовину отрублены, и все

тело искромсано, точно плаха под неумолимой секирой палача. Наконец ятаган Вукола перерезал тоненькую полоску, все еще соединявшую голову с телом, голова Вакарна упала и, подпрыгивая, покатилась по полу.

Тело некроманта задрожало, словно пытаясь удержаться на ногах, но стало оседать и рухнуло на пол. Как огромная безголовая туша, оно билось в конвульсиях, беспрестанно то приподнимаясь, то опять бессильно падая. Правая рука все еще крепко сжимала ятаган, и труп размахивал им направо и налево в надежде достать сыновей или упирался в пол, безуспешно пытаясь подняться. А голова все еще каталась по комнате и свистящим голосом сыпала проклятьями.

Внезапно что-то встревожило отцеубийц, они кинулись к выходу, намереваясь удрать. Но шпалера вдруг поднялась, из-под тяжелых складок выскользнуло черное змеевидное тело Эсрита и взметнулось в воздух. Одним бешеным скачком дух-хранитель добрался до шеи Вукола и вцепился в нее. Вонзив зубы в теплую плоть, демон высасывал кровь, пока несчастный метался по комнате, тщетно стараясь отодрать его дрожащими пальцами.

Альдал, казалось, хотел убить ужасное созда-

ние: он закричал, умоляя брата стоять спокойно, и занес меч в ожидании подходящего момента. Но Вукол не слышал или был слишком взбешен, чтобы внять его мольбам. В этот момент голова Вакарна в своем беспрестанном кружении подскочила к Альдалу, ухватилась зубами за подол его одеяния и, зверски рыча, повисла на нем. Тот, охваченный паническим страхом, пытался отогнать ее ятаганом, но зубы отказывались ослабить мертвую хватку. Тогда младший некромант сбросил одежду, оставив ее на полу и, обнаженный, выбежал из комнаты. В тот же миг сознание покинуло умирающего принца…

Из омута забвения Ядар неясно увидел сияние далеких огней и услышал приглушенное пение. Ему чудилось, что эти огни и песнопения зовут его словно сквозь тонкую прозрачную стену и он всплывает из темных морских глубин. Принц находился в комнате Вакарна и над ним склонился Альдал. Лицо его окутывал дым из колдовских плошек.

Наконец Альдал произнес.

— Восстань из мертвых и во всем повинуйся мне, как владыке!

Дьявольские ритуалы и заклинания некромантии вернули Ядара к тому подобию жизни,

которое возможно для воскресшего покойника. Он снова мог ходить, со сгустками черной запекшейся крови в ранах на плече и груди, мог отвечать некроманту-владыке так, как это делают живые мертвецы. Юноша вспомнил свою смерть и предшествовавшие ей обстоятельства равнодушно, как что-то, не имеющее значения. Он апатично оглядел подернутым дымкой взором разгромленную комнату и не нашел там ни отрубленной головы и тела Вакарна, ни трупа Вукола или демона Эсрита.

Потом до него снова донеслись слова Альдала:

— Следуй за мной.

И он пошел за некромантом на свет огромной красной луны, поднимавшейся из за Черной Реки над Наатом. Там, на холме перед домом, лежала огромная куча золы, в которой еще дотлевали угли, похожие на чьи-то горящие глаза. Альдал в задумчивости стоял над грудой, и Ядар стоял рядом с ним, не подозревая, что смотрит на догоревший погребальный костер.

Затем с моря неожиданно ворвался ветер, с пронзительным и заунывным воем он взметнул пепел в небо огромным облаком, а потом швырнул его в колдуна и юношу. Те едва устояли под порывами странного ветра; их волосы, бороды и

одежды были в золе погребального костра. Потом вихрь поднялся ввысь, таща облако пепла над домом, занося его в двери, окна и заполняя им все комнаты. И многие дни спустя маленькие смерчи из пепла возникали под ногами тех, кто проходил по залам, хотя Альдал повелел мертвым подметать полы каждый день. Казалось, золу никогда не удастся полностью вымести из дома.

Что касается Альдала, то не так много осталось о нем рассказать, ибо его власть оказалась недолговечной. Полное одиночество (если не считать мертвых слуг) наградило его злой меланхолией, быстро превратившейся в безумие. Колдун больше не видел в жизни ни цели, ни смысла. Смертельная усталость напоминала коварное темное море, полное тихого шепота и призрачных рук, что тянут ко дну. Скоро он стал завидовать мертвым и считать их судьбу самой желанной из всех.

Однажды одинокий некромант вошел в комнату своего отца, куда не приходил со дня воскрешения принца, в руке он сжимал меч. Там, перед ярким, как солнце, колдовским зеркалом, он отсек свою собственную голову и упал в покрывавшую все густым слоем пыль. И поскольку не было отца и брата, чтобы вернуть его хотя бы к по-

добию жизни, Альдал навечно обратился в тлен и лежал, не тревожимый никем. А в садах Вакарна мертвецы все так же продолжали работать, безразличные к исчезновению своих повелителей, разводя коз и коров, ныряя за жемчужинами в бушующее темное море. После долгих испытаний Ядар соединился с Далили, его влекла к ней призрачная тоска, и в ее близости он находил призрачное успокоение. Прошли и забылись горячая страсть, пытка разлуки и беспросветное отчаяние. Он разделил с Далили темную любовь и сумрачное наслаждение мертвых.

Черный аббат Патуума

Пурпурный огонь винограда
И любовь юных дев
Наши по праву:
Под черной луной безымянной земли
Мы убили Чудовище и весь его род.
Песня лучников царя Хоурафа.

Зобал-лучник и Кушара копейщик вместе прослужили в войске царя Хоурафа уже десять лет. Это было нелегкое десятилетие, за которое на их долю выпадали и яростные схватки, и встречи с невиданными опасностями. В борьбе с ними и завязалась между воинами крепчайшая дружба, во имя которой они пролили немало крови врагов Йороса и не раз поднимали кубки, наполненные кроваво-алыми винами этой страны. Ссоры редко омрачали их долгую и крепкую дружбу, то были только мелкие, быстро проходящие размолвки, в основном, по таким незначительным поводам, как дележ бурдюка с вином или спор из-за девушки. Два воина выделялись на фоне остального войска, и скоро молва об их доблести достигла ушей Хоурафа. Царь почтил Кушару и Зобала

своим вниманием, включив их в ряды избранных воинов, охранявших его дворец в Фарааде. Иногда им вместе поручали такие дела, для которых требовались люди выдающейся отваги, чья верность владыке не подвергалась сомнению.

Это поручение было именно таким, однако теперь с ними был евнух Симбан — главный поставщик образцового гарема Хоурафа. Они совершали утомительный переход через Издрель — пустыню, ржаво-бурым клином рассекающую надвое западную часть Йороса. Король послал их проверить, есть ли хоть какое-нибудь зерно истины в рассказах некоторых путешественников о деве небесной красоты, якобы живущей в одном из земледельческих племен за Издрелью. На поясе у Симбана висел кошель, полный золотых монет, которые должны были пойти в уплату за девушку, если ее красота будет хоть в какой то мере сравнима с той, о которой твердила молва. Король полагал что, послав с евнухом Зобала и Кушару, он снабдил его спутниками, которые смогут быть полезными в любых непредвиденных обстоятельствах. По общему мнению, Издрель была свободна от разбойников или, точнее, там попросту не жили люди. При этом, однако, говорили, что дорогу путешественникам там часто

прегражда́ли злобные, горбатые, как верблюды, гоблины великанского роста. Упоминали также и ламий — ведьм в облике прекрасных женщин, заманивавших путников навстречу ужасной смерти. Симбану вовсе не хотелось отправляться в такую дальнюю дорогу, и Зотик 287 он ехал с мрачным видом, покачиваясь в седле. Однако сердца лучника и копейщика были полны здорового скептицизма. Всю дорогу они болтали, делая объектом своих довольно непристойных шуточек то замкнувшегося в себе евнуха, то казавшихся пока такими далекими демонов.

Без каких-либо неприятностей, если не считать бурдюка, который прорвался под напором забродившего в нем молодого вина, они преодолели однообразную и скучную пустыню и оказались среди зеленых, поросших густой травой пастбищ. Здесь в глубоких долинах среднего течения Воза, жило племя скотоводов, которые каждые два года посылали Хоурафу дань от своих тучных стад скота и дромадеров. В деревушке на берегу Воза Сим-бан со спутниками встретили девушку, которую искали, и, увидев ее, даже евнух вынужден был признать, что они не зря проделали такой долгий путь.

Что касается Кушары и Зобала, то они были

мгновенно покорены красотой девушки. Ее звали Рубальса. Это была высокая, стройная как королева девушка с кожей светлой и нежной, как лепестки белого мака. Солнце играло тусклой медью в волнистой черноте ее тяжелых волос. Пока Симбан назойливо торговался со старой каргой — бабушкой девушки, воины с плохо сдерживаемым желанием разглядывали Рубальсу и отпускали в ее адрес самые смелые комплименты, какие могли позволить себе в присутствии евнуха.

Наконец сделка была заключена и деньги уплачены. Кошель евнуха изрядно уменьшился в объеме. Теперь Симбану не терпелось вернуться в Фараад с добычей и он, казалось, совершенно забыл о том страхе, который вызывала у него дорога через пустыню.

Не в силах терпеть до утра, евнух еще затемно поднял Зобала и Кушару, и, захватив не совсем проснувшуюся Рубальсу, все трое покинули спящую деревню.

Полдень с его раскаленным добела солнцем в темно-синем зените застал их глубоко посреди бурых песков и похожих на железные зубы скал Издрели. Дорожку, по которой они шли, едва ли можно было назвать тропой. Несмотря на то,

что в этом месте Издрель имела в ширину от силы тридцать миль, немногие путешественники отваживались преодолеть несколько лиг по этим кишащим демонами землям. Большинство предпочитали делать огромный крюк к югу от опасного запустения и шли по дороге, следовавшей вдоль Воза почти до самого его устья на берегу Индаскийского моря. Этой дорогой часто пользовались пастухи, и она считалась безопасной.

Кушара был великолепен в своих бронзовых чешуйчатых доспехах. Он ехал впереди небольшого отряда на рослой пегой кобыле в обшитом медными пластинами кожаном нагруднике. За ним на черном мерине, которого ей послал Хоураф, ехала Рубальса, облаченная в красный домотканый плащ. Сразу позади нее следовал Симбан. Евнух боялся лошадей и верблюдов, и поэтому для своих поездок всегда использовал серого неопределенного возраста осла. Он и сейчас тяжело и внушительно восседал на нем в пестром наряде, окруженный со всех сторон пухлыми переседельными сумками. В руке Симбан держал поводья другого осла, который буквально падал под тяжестью нагруженных на него бурдюков с вином, сосудов с водой и других

припасов. В арьергарде на нетерпеливом жеребце, который непрестанно беспокоился и фыркал в удилах, ехал Зобал. Стройный и жилистый, он сидел в седле в легкой кольчуге. Лук он снял с плеча и держал в руках. За его спиной был колчан со стрелами, которые придворный маг Амдок пытался подготовить для схватки с демонами, читая над ними какие-то странные заклинания и вымачивая в сомнительного вида жидкостях. Зобал скорее из вежливости учтиво принял стрелы, но позже с удовлетворением заметил, что колдовство Амдока нисколько не повредило их железным наконечникам. Кушаре Амдок тоже предложил заколдованное копье, но тот наотрез отказался от подарка, сказав, что и со своим собственным испытанным оружием сможет противостоять козням какой угодно нечисти.

Из за Симбана и двух ослов отряд двигался с черепашьей скоростью. Однако они надеялись к ночи преодолеть самую заброшенную и дикую часть Издрели. Хотя Симбан и продолжал смотреть с сомнением на мрачное запустение, его теперь больше занимала ценная добыча, чем воображаемые бесы и ламии пустыни. Погруженные в любовные мечтания Зобал и Кушара почти не обращали внимания на то, что творилось по

сторонам.

Всю утреннюю часть пути Рубальса провела в молчании. Вдруг она закричала. Ее приятный нежный голос дрожал от тревоги. Все натянули поводья своих скакунов, и Симбан засыпал девушку вопросами. Рубальса ничего не ответила, только указала рукой на юг к горизонту, где, как только сейчас заметили путешественники, собиралась странная непроглядно черная тень. Она уже совсем скрыла от взгляда дальние холмы и закрыла значительную часть небосвода. Это было не похоже ни на облако, ни на песчаную бурю. Развернувшись полукругом, тень стремительно приближалась к путешественникам. Через минуту или даже меньше она черным туманом легла на тропу спереди и позади них, и два крыла тени, двигаясь на север, сомкнулись и заключили их в кольцо. После этого тьма остановилась и замерла на расстоянии не меньше сотни футов от них. Непроницаемой отвесной стеной она окружила путников, и только над их головами оставалось небольшое отверстие, через которое внутрь проникали лучи солнца — далекого, маленького и бесцветного, словно смотришь на него со дна глубокого колодца.

— Аи! Аи! Аи! — завыл Симбан, пытаясь поглуб-

же укрыться среди своих мешков. — Я так и знал, что с нами обязательно приключится какая-нибудь чертовщина!

В тот же момент громко заревели оба осла, и лошади с неистовым ржанием и визгом задрожали под своими седоками. Только жестоким ударом шпор Зобал смог заставить своего жеребца приблизиться к кобыле Кушары.

— Может, это просто какой-нибудь дурацкий туман, — сказал Кушара.

— Что то я никогда раньше такого тумана не видел, — с сомнением ответил Зобал. — Пару здесь неоткуда взяться, но мне кажется, так должен выглядеть дым семи адских кругов, о которых люди рассказывают, что они будто бы лежат под Зотиком.

— Давай подъедем чуть-чуть поближе, — сказал Кушара. — Я хочу посмотреть, выдержит ли эта тень удар копья.

Сказав пару слов утешения Рубальсе, они попытались подъехать к мрачной стене но, сделав несколько шагов, лошади заартачились, захрапели, покрылись потом, и их никак нельзя было заставить сдвинуться с места. Кушаре и Зобалу пришлось спешиться и продолжить свой путь пешком.

Воины приближались к тени с осторожностью, ведь они не знали, с чем предстояло иметь дело — ни что это было, ни откуда оно взялось. Зобал наложил стрелу на тетиву, а Кушара выставил перед собой тяжелое копье с бронзовым наконечником, как будто шагал навстречу готовым к бою рядам противника. Когда они подошли вплотную, мрак не расступился перед ними, как обычный туман, а стоял непрозрачной завесой.

Кушара уже был готов метнуть свое копье, как вдруг без какого-нибудь предупреждения прямо перед ним из темноты раздался вселяющий ужас грохот барабанов, рев труб, звон цимбал и звяканье доспехов, грубые голоса, топот множества закованных в броню ног по каменистой земле. Изумленные Кушара и Зобал отпрянули, но грохот продолжал расти и шириться, пока его воинственные звуки не заполнили все пространство, в котором странная ночь заперла путешественников.

— Воистину, мы окружены! — крикнул Куша-ра своему спутнику, когда они вернулись к лошадям. — Похоже, какой то король с севера наслал на Йорос целую армию своих приспешников.

— Да, — сказал Зобал, — но странно, что они никак не обнаруживали себя. Эта тьма… Клянусь,

это совсем не простая темнота!

Прежде, чем Кушара успел возразить, воинственные крики и шум резко прекратились. Теперь, казалось, все пространство было заполнено грохотом бессчетного количества трещоток, шипением тысяч огромных змей, хриплыми криками птиц, пророчащими несчастье. Затем к наводящим ужас звукам прибавилось непрекращающееся ржание лошадей и безумный рев ослов, на фоне которых еле слышны были крики Рубальсы и Симбана.

Кушара и Зобал тщетно пытались усмирить своих скакунов и успокоить сходящую с ума от страха девушку. Было ясно, что никакая армия смертных не могла угрожать им. Звуки же за завесой тьмы продолжали меняться, злобные завывания и рев исчадий ада оглушали их своей мощью.

Стена мрака оставалась непроницаемой, однако круг тьмы начал быстро перемещаться на север. Для того, чтобы оставаться в его центре, воинам и их спутникам пришлось, забыв о тропинке, мчаться, не разбирая дороги, через каменистые гребни и глубокие овраги. Стоило приблизиться к непроницаемой для взгляда завесе на определенное расстояние, и неизменно

слышались исполненные злобы и ненависти звуки, которые продолжали вселять в них ужас.

Лучи склонившегося к западу солнца больше не проникали в этот несущийся непонятно куда колодец, и глубокие сумерки окутали людей. Зобал и Кушара скакали, держась так близко к Рубальсе, как только позволяла каменистая почва, по которой пролегал их путь. Напрасно напрягали они глаза, пытаясь рассмотреть какие-нибудь признаки окружавших их когорт противника. Оба воина были полны самых мрачных предчувствий — они прекрасно понимали, что какая-то сверхъестественная сила уводит их неизвестно куда по нехоженой пустыне.

Казалось, каждую минуту завеса тьмы приближается, и монстроподобные формы, вихрем проносящиеся за ней, становятся осязаемыми. Лошади спотыкались о булыжники и острые, как бритва, осколки камней, а тяжело навьюченные ослы должны были развивать невиданную скорость, чтобы не отставать от этого бурлящего круга, шум которого так их пугал. Рубальса перестала кричать, как будто совсем обессилела от страха, а тонкие повизгивания евнуха превратились в исполненные ужаса сипение и сдавленный хрип.

Время от времени представлялось, что огромные, горящие яростью глаза свирепо смотрели из окружающего мрака, то летя прямо над землей, то возносясь на немыслимую высоту. Каждый раз, когда они появлялись, Зобал одну за другой посылал в них свои колдовские стрелы. Каждую стрелу встречал громовой взрыв сатанинского хохота и улюлюканья.

Путники совсем потеряли меру времени и чувство направления, но продолжали нестись вперед. Ноги животных были сбиты, Симбан — едва жив от страха и усталости, Рубальса безжизненно обмякла в седле, а воины, сбитые с толку обстоятельствами, в которых их оружие оказалось совершенно бесполезным, поникли от глухой усталости.

— Никогда больше я не усомнюсь в легендах, что рассказывают об Издрели, — мрачно произнес Кушара.

— По моему разумению, сейчас у нас нет времени на то, чтобы верить или сомневаться, — возразил Зобал.

Вдобавок ко всем несчастьям, местность изменилось — начался длинный неровный подъем. Беглецам приходилось карабкаться на пологие холмы и спускаться в бесконечно глубокие до-

лины. Вскоре они вышли на покрытое щебнем плоское пространство. И сразу же адское столпотворение подалось в стороны и назад, удаляясь и затихая до слабого, еле уловимого шепота, который замер где-то очень далеко. Одновременно окружающая их непроглядная мгла поредела, на небе показались звезды, и острые гребни безжизненных холмов пустыни расплывчато проявились в красноватом свете вечерней зари. Путешественники остановились и изумленно посмотрели друг на друга в полумраке, который на этот раз был обычными предзакатными сумерками.

— Что это еще за новая чертовщина? — спросил Кушара, едва веря в то, что адские легионы оставили их в покое.

— Не знаю, — ответил лучник, вглядываясь в окружающие их сумерки. — Но, похоже, один из этих дьяволов еще здесь.

В этот момент все увидели приближавшуюся к ним фигуру в просторной одежде, которая скрывала очертания. Она несла зажженный фонарь, сделанный из полупрозрачного рога какого — то животного. Позади странной фигуры внезапно зажглось множество огней, и путешественники только сейчас заметили темную угловатую массу,

которая оказалась большим зданием с множеством окон.

Фигура приблизилась, и в тусклом желтоватом свете фонаря стало видно, что это темнокожий человек необыкновенного роста и мощи, облаченный в просторную шафраново-желтую накидку, какие обычно носят члены некоторых монашеских орденов. На голове у него была украшенная двумя рогами пурпурная шапка аббата. Его появление было совершенно неожиданным. Если на выжженных бесплодных пространствах Издрели и существовали какие-нибудь монастыри, о большинстве из них никто во внешнем мире не знал. Однако, изрядно покопавшись в памяти, Зобал выудил оттуда полустершееся предание, которое слышал однажды. В нем говорилось о секте чернокожих монахов, процветавшей в Йоросе много веков назад. С тех пор о ней никто не слышал, и даже место, где стоял монастырь, забылось. Сейчас чернокожих в царстве почти не осталось, если не считать нескольких евнухов, которые несли службу в гаремах придворных и богатых купцов.

При приближении незнакомца животные стали нервничать.

— Кто ты? — спросил Кушара и крепче сжал в

руке древко своего оружия.

Черный человек широко улыбнулся, обнажив два ряда грязных зубов с мелкими, как у дикой собаки, резцами. От этой улыбки его огромные жирные щеки и подбородок собрались бесчисленными складками невообразимого размера. Его близко сидящие глаза непрестанно моргали в трясущихся студенистых мешках вокруг них. Огромные ноздри раздувались, с ярко красных дрожащих губ сочилась слюна. Прежде чем ответить на вопрос Кушары, человек облизнулся своим толстым красным языком.

— Я Уджук — аббат монастыря в Патууме, — произнес он густым и громким голосом, который, казалось, шел прямо из под земли. — Прошу воспользоваться нашим гостеприимством, потому что, похоже, ночь застала вас далеко в стороне от обычной дороги.

— Да, и притом она застала нас слишком рано, — сухо ответил Кушара. Вид похотливых и часто моргающих глазенок аббата, которые тот устремил на Рубальсу, совсем не нравился ни Зобалу, ни Кушаре. Больше того, сейчас они заметили непропорционально длинные ногти на его огромных руках и босых плоскостопых ногах — это были острые изогнутые трехдюймовые

когти дикого зверя или хищной птицы.

На Рубальсу и Симбана аббат или не произвел такого отталкивающего впечатления, или они просто не заметили того, что бросилось в глаза воинам. Они заявили, что с радостью примут предложение аббата и стали склонять к этому воинов, вид которых говорил, что им эта идея совсем не по нраву. Зобал и Кушара поддались уговорам, но про себя решили неотступно следить за аббатом. Держа светящийся рог над головой, Уджук повел путешественников к массивному зданию. Огромные ворота из темного дерева распахнулись настежь, и путники вошли в обширный внутренний двор, вымощенный стертыми булыжниками, тускло поблескивающими в неярком свете факелов, воткнутых в ржавые железные гнезда. Сначала двор казался совершенно пустынным, и тем больше было удивление и испуг путников, когда несколько монахов появились перед ними, как из под земли. Все они были необыкновенного роста и силы, в их чертах замечалось поразительное сходство с Уджуком. Монахов нельзя было бы отличить от аббата, если бы они носили такие же красные рогатые шапки, а не желтые капюшоны. Сходство дополнялось похожими на звериные когти

изогнутыми ногтями необыкновенной длины. Их движения были тихи и неуловимы. Не говоря ни слова, они взяли под уздцы лошадей и ослов. Зобал и Ку-шара нехотя решились доверить своих скакунов заботе этих не вызывающих доверия хозяев, однако Рубальса и евнух не разделяли их опасений.

Монахи также выразили готовность избавить Кушару и Зобала от забот о тяжелом копье и луке из железного дерева заодно с полупустым колчаном с заколдованными стрелами. Однако воины наотрез отказались расстаться со своим оружием.

Затем Уджук провел путешественников внутрь и, пройдя по темному коридору, они оказались в трапезной. Это была низкая просторная комната, освещенная медными лампами работы древних мастеров. Такие сейчас можно найти только в занесенных песком могильниках пустыни. С людоедской ухмылкой на лице аббат провел гостей к столу черного дерева и указал им места на стульях и лавках из того же материала.

Когда все расселись, Уджук сам сел во главе стола. Сразу после этого в трапезную вошли четыре монаха с тарелками пряно пахнущих яств и темными глиняными кувшинами, наполненными

питьем цвета темного янтаря. Эти монахи, как и предыдущие во дворе, были огромными, черными копиями своего аббата и повторяли его черты и повадки. Зобал и Кушара с осторожностью попробовали напиток, который, судя по запаху, был каким то особенно крепким сортом пива. Их опасения насчет Уджука и его монастыря росли с каждой минутой. Поэтому, несмотря на жестокий голод, они не притронулись к разложенной перед ними еде, состоящей из различных сортов печеного мяса непонятного происхождения. Симбан и Рубальса набросились на еду с аппетитом, усиленным долгим постом и необычными переживаниями прошедшего дня.

Воины обратили внимание, что перед Уджуком не поставили никакой еды, и предположили, что он уже обедал. Его жирное тело, развалившееся на стуле, похотливый взгляд маслянистых глаз, впившихся в Рубальсу, и не сходящая с губ ухмылка вызывали в воинах все большее отвращение. Скоро этот взгляд стал смущать девушку, а потом беспокоить и пугать ее. Она не могла больше есть, и Симбан, который до этого был целиком занят ужином, заметил эту перемену. Она явно обеспокоила его. Казалось, он впервые заметил совсем не монашеские взоры, которые аббат по-

стоянно бросал на Рубальсу. Придав своему лицу недовольное выражение, он громким резким голосом многозначительно заметил, что девушка предназначена для гарема Хоурафа. Услышав это, Уд-жук засмеялся, как будто Симбан только что рассказал занятную шутку.

Зобалу и Кушаре стоило больших усилий сдержать свой гнев. Оба они уже были готовы вонзить свое оружие в огромное жирное тело аббата, но тот, похоже, понял намек Симбана и отвел глаза от Рубальсы. Вместо этого он стал пристально рассматривать воинов. В его взоре на этот раз сквозила какая то странная отвратительная алчность, которая была нисколько не лучше тех влюбленных взглядов, которые он до этого бросал на Рубальсу. Потом не менее пристального внимания Уджука удостоился и наевшийся евнух. Во взгляде аббата сквозило нетерпение гиены, пожирающей глазами свою будущую добычу.

Симбану было явно не по себе, он испугался и попытался завести с аббатом какое-то подобие разговора, рассказывая все о себе, своих спутниках и приключениях, которые привели их в Патуум. Уджука эти рассказы, казалось, совсем не интересовали. Он ничему не удивлялся, и Кушара и Зобал еще больше утвердились во мнении, что

это никакой не аббат.

— Насколько мы отклонились от дороги в Фара-ад? — спросил Симбан.

— Я бы не сказал, что вы отклонились, — пророкотал Уджук своим подземным голосом. — Вы как раз вовремя пришли в Патуум. У нас тут не часто бывают гости, и нам всегда очень жаль расставаться с теми, кто отдает честь нашему гостеприимству.

— Добрый Хоураф с нетерпением ожидает нашего скорейшего возвращения с девушкой, — дрожащим голосом произнес Симбан. — Мы должны покинуть вас завтра рано утром.

— Завтра будет завтра, — сказал Уджук голосом наполовину елейным, наполовину зловещим. — Может случиться так, что к утру вы уже забудете об этой бесполезной, изматывающей спешке.

Остаток трапезы прошел в тишине и, похоже, даже Симбан потерял свой обычно зверский аппетит. Уджук все продолжал ухмыляться, как будто веселая шутка, которая занимала его, не имела никакого отношения к гостям. Неожиданно несколько монахов вошли без зова, чтобы убрать пустые тарелки, и только когда они уходили, Зобал и Кушара поняли, что на освещенном полу рядом с неотчетливыми движущимися

тенями сосудов, которые несли монахи, не было других теней! Рядом со стулом Уд-жука, однако, на полу распростерлась бесформенная и неуловимо уродливая тень.

— Кажется мне, мы попали в логово демонов, — прошептал Кушаре Зобал. — Ты и я, мы с тобой дрались со многими людьми, но только не с такими полупрозрачными тенями.

— Ты прав, — буркнул копейщик. — Да только этот аббат нравится мне еще меньше, чем его монахи, хотя из них только он один и отбрасывает тень.

Уджук поднялся со своего места и сказал: «Я полагаю, вы устали, а сейчас самое время поспать».

Рубальса и Симбан выпили изрядное количество крепкого эля Патуума и сейчас только сонно кивнули в знак согласия, а Зобал и Кушара, увидев, как быстро сон одолел их спутников, порадовались тому, что не очень налегали на странный напиток.

Мрак коридора, по которому аббат повел своих гостей, был рассеян только неровным светом факелов, пляшущим в сильном потоке неизвестно откуда дующего ветра. Тени беспокойно метались вокруг них, затеяв какой то дикий танец. По обе стороны прохода были видны двери келий,

завешенные только обрывками конопляной рогожи. Все монахи куда-то исчезли, кельи были темны, и в самом воздухе носилось ощущение многовекового запустения, к которому примешивался неотчетливый запах, как от груды костей, плесневеющих и гниющих где-то глубоко в тайном подземелье.

Внезапно Уджук остановился и приподнял завесу при входе в одну из келий, которая ничем не отличалась от других. Внутри на старой изъеденной ржавчиной цепи необычного плетения висела зажженная лампа. Комната была пустая, но довольно просторная. У дальней стены под открытым окном стояла кровать черного дерева со старомодным, но роскошным стеганым одеялом. Аббат дал понять, что эта комната предназначалась для Рубальсы, и, оставив ее там, предложил показать евнуху и мужчинам отведенные для них кельи.

Перспектива расставания с девушкой, за которую Симбан отвечал головой, как рукой сняла с него сон, и он стал бурно возражать против того, чтобы их разлучали таким образом. Уджук, казалось, был готов к этому. В комнате тотчас же появился монах с несколькими одеялами, которые он расстелил на плитчатом полу у входа в

келью. Симбан с готовностью растянулся на этой импровизированной постели, и Уджук с воинами удалились.

— Заходите, — сказал аббат, и его волчьи зубы при этом недобро блеснули в свете факела. — Вы хорошо выспитесь на постелях, которые я для вас приготовил.

Однако Зобал и Кушара решили простоять всю ночь на часах около двери в келью Рубальсы. Они сухо сообщили Уджуку, что несут ответственность перед Хоурафом за безопасность девушки, и должны все время наблюдать за ней.

— Желаю вам приятного дежурства, — сказал Уджук со смешком, напоминающим смех гиены, да еще и доносящийся из какой-нибудь подземной гробницы.

Когда он ушел, показалось, что черный мертвящий сон седой старины воцарился в здании. Рубальса и Симбан спали беззвучным сном, и из-за задернутой занавеси не доносилось ни звука. Два воина разговаривали только шепотом, боясь разбудить девушку. Оружие их было готово к бою, и они, не смыкая глаз, следили за темным коридором. Воины совсем не доверяли этой тишине вокруг них и были уверены, что орды грязного бесовского отродья притаились сейчас под ее

прикрытием и выжидают подходящего момента для нападения.

Однако пока их опасения ничем не подтверждались, и в сквозняке, который тянул вдоль стен, не чувствовалось ничего, кроме давно забытой смерти и тысячелетнего одиночества и запустения. Привыкнув к темноте, воины стали различать на стенах и полу признаки ветхости и разрушения, которых не замечали раньше. Какое то внутреннее чувство говорило, что надо ожидать худшего: им представлялось, что монастырь простоял на этом месте тысячи лет необитаемыми руинами, что сам аббат и его не отбрасывающие тени монахи не больше чем наваждение. Дьявольские голоса и чернота, которые привели их сюда, как овец, были не настоящими, а кошмаром, само воспоминание о котором постепенно исчезало, как исчезают днем воспоминания о дурном сне.

Скоро их начали беспокоить жажда и голод, ведь с раннего утра они ничего не ели, если не считать нескольких глотков вина или воды, которые им удалось в спешке перехватить днем. Несмотря на это, оба воина чувствовали, как их совершенно некстати начинает одолевать сонное оцепенение. Они клевали носом, проваливались в забытье и просыпались, и вскакивали для того,

чтобы осмотреться, но тишина голосом сирены из опиумных сновидений говорила им, что все опасности миновали и бояться нечего.

Прошло насколько часов, и через окно в западной стене коридора, где они несли свою стражу, проник свет восходящей луны. Зобал и так чувствовал себя немного бодрее Кушары, а внезапное смятение среди животных во дворе заставило его окончательно прийти в себя. Через окно его ушей достигала оглушающая какофония — к неистовому ржанию лошадей присоединялся низкий и грубый рев ослов. Казалось, страх переполнял животных. Кушара тоже проснулся.

— Смотри, не засни снова, — предупредил Зобал копейщика. — Я схожу туда и посмотрю, что могло поднять такой переполох.

— Это хорошая мысль, — согласился Кушара. — И, раз уж ты все равно идешь туда, посмотри, не попортил ли кто наш провиант. И захвати несколько абрикосов, пирогов с кунжутом и бурдюк вина.

Зобал мягко ступал по плитам коридора своими высокими сапогами на шнуровке, и звук его шагов разносился в глухой тишине, охватившей монастырь. В конце зала он увидел открытую дверь и прошел через нее во двор. Когда он по-

явился на улице, животные успокоились. Все факелы, кроме одного, догорели или были потушены, а молодая луна еще не поднялась над монастырской стеной, и Зобал мог различать только неясные очертания предметов. Во дворе он не заметил ничего странного: два осла спокойно стояли рядом с горами провизии и другой клади, которую везли днем, а сбившиеся в плотную группку лошади, казалось, тоже спали. Зобал решил, что, возможно, его жеребец и кобыла Кушары просто что-то не поделили.

Он прошелся немного по двору, чтобы еще раз проверить, не могло ли что-нибудь вызвать этот шум. Затем вернулся к бурдюкам, намереваясь перед тем, как вернуться к Кушаре с грузом провизии и питья, сначала освежиться, но не успел первый долгий глоток вина смыть дорожную пыль Издрели с его губ, как воин услышал неестественный резкий шепот. Зобал поначалу не смог определить, откуда он доносился. Временами казалось, что кто-то шепчет прямо на ухо, потом вдруг голос удалялся, как будто погружаясь в непостижимо глубокие подземелья. Однако, изменяясь таким образом, шепот не прекращался ни на минуту, и в нем слышались слова, которые уже почти можно было разобрать — слова, на-

полненные безнадежной печалью и отчаянием мертвеца, согрешившего много лет назад и веками кающегося во мраке склепа.

Зобал вслушивался в безграничную боль, сквозившую в этом увядшем голосе, и волосы его вставали дыбом от страха, подобного он не испытывал даже в гуще самой жестокой схватки. И в то же время Зобал понимал, что печаль, охватывающая сейчас его сердце, была глубже и сильнее, чем боль от потери боевых товарищей. Голос умолял его о сочувствии, просил о помощи, пробуждая необычное стремление к действию, которому Зобал не смел противиться. Он не мог полностью понять все, о чем просил его голос, но знал, что должен хоть как-нибудь облегчить эту одинокую безграничную боль.

Шепот слышался то тише, то громче, а Зобал совсем забыл о Кушаре, которого он оставил в одиночестве на посту, окруженного всеми опасностями ада, забыл о том, что и сам голос мог быть дьявольской ловушкой — способом отвлечь его. Он насторожился, его зоркие глаза обшаривали двор в поисках источника звука, и после некоторого раздумья он решил, что шепот доносился из под земли в противоположном от ворот углу двора. Здесь, в углублении стены, в брусчатке

он обнаружил большую плиту с ржавым металлическим кольцом в центре. Его догадка быстро подтвердилась: шепот стал громче и разборчивей, и Зобалу показалось, что тот произнес:

— Подними плиту.

Лучник обеими руками ухватился за кольцо и неимоверным усилием, от которого, как ему показалось, хребет чуть не переломился пополам, смог немного сдвинуть назад и наклонить плиту. Под ней открылось темное отверстие, и Зобала накрыла волна такого невыносимого могильного зловония, что он должен был отпрянуть в сторону, чтобы его не вырвало. Но преисполненный печали голос из темноты внизу сказал Зобалу.

— Спускайся.

Зобал вырвал все еще горевший факел из его гнезда. В свете мечущегося багрового пламени он увидел под собой пролет истертых каменных ступеней, ведущих в зловонный мрак склепа. Он решительно сошел по лестнице и оказался в вырубленной в земле камере. По обе стороны от него вдоль стен в темноту уходили ряды глубоких каменных полок, на которых грудами были навалены человеческие кости и мумифицированные тела. Очевидно, раньше это место было подземным монастырским кладбищем.

Шепот прекратился, и Зобал начал в страхе и замешательстве вглядываться в темноту.

— Я здесь, — зазвучал снова сухой шелестящий шепот. На этот раз он доносился из горы беспорядочно наваленных останков на полке прямо рядом с ним. Зобал вздрогнул и почувствовал, как волосы снова поднимаются на его спине. Он поднес факел к полке и взглянул на говорившего: в узкой нише среди множества беспорядочно разбросанных костей он увидел полуразложившиеся останки. Это был черный, как эбеновое дерево, труп негра гигантского роста. Его вытянутые члены и иссохшее тело были прикрыты несколькими почти истлевшими лоскутами желтой ткани. Увидев их, Зобал сразу вспомнил желтые накидки монахов Патуума. Он просунул факел немного дальше в углубление и увидел иссушенную голову мумии. Над ней кучей праха и плесени лежало то, что раньше было рогатой шапкой аббата. Видно было, что он лежал в склепе с незапамятных времен, однако от него исходил тяжелый запах разлагающейся плоти, от которого и стало плохо Зобалу, когда он приподнял плиту над входом в подземелье.

Воин стоял и смотрел на эти останки, и ему вдруг привиделось, что труп пошевелился, как

будто не в силах привстать на своем ложе. Он уловил блеск сидящих глубоко в темных глазницах глаз, болезненно изогнутые губы обнажали два ряда зубов: из них-то и исходил тот леденящий шепот, который привел Зобала в подземелье.

— Слушай внимательно, — зазвучал голос мертвеца. — Я должен много тебе рассказать, а ты должен будешь много сделать, когда я закончу… Я Альдор, аббат Патуума, больше тысячи лет назад я пришел со своими монахами в Йорос из Илькара — черной империи на севере. Император Илькара изгнал нас потому, что наши обеты безбрачия и культ девы богини Оджалы были ненавистны ему. Здесь, среди песков Издрели, нашли мы тихое прибежище и построили монастырь… Сначала нас было много, но шли годы, и одного за другим клали мы наших братьев в склеп, который вырыли под землей. Они уходили, и некому было заменить их. В конце концов остался я один. Святость, которой я сподобился, удлинила дни моей жизни. Я стал могущественным волшебником, и самый страшный демон — время так и не одолело меня — я как будто стоял в магическом круге. Силы не покидали меня, и могущество не уменьшалось, пока я жил отшельником в монастыре… Одиночество поначалу не тяготило, и я

был погружен в изучение тайн природы. Потом этого мне показалось мало, я начал осознавать свое одиночество, меня окружали демоны пустыни, которые до этого не причиняли никаких неприятностей. Прекрасные, но несущие гибель суккубы, пьющие кровь младенцев ламии, с их мягкими округлыми телами красивых женщин, приходили во время безотрадных ночных бдений и искушали меня. Я вынес все, но была среди них одна особенно коварная и изобретательная дьяволица. Она пробралась в мою келью в обличье девушки, которую я любил очень давно, еще до того, как принял обет безбрачия и дал клятву верности Оджале. И я уступил, поддался силе ее чар, и от этого греховного союза появилось на свет чудовище — изверг Уджук, назвавший себя позднее аббатом Патуума. Совершив этот грех, я захотел умереть, и это желание многократно возросло, когда я узрел плоды греха. Тяжело оскорбил я Оджал, и ужасным было постигшее меня наказание. Я жил, но каждый день меня преследовал и мучил безобразный монстр Уджук. Он рос сильным и сладострастным, как и положено плоду такого дьявольского союза. Когда он достиг вершины своего развития, на меня нашла неодолимая слабость, и я с надеждой подумал, что смерть

близка. Уджук воспользовался моим бессилием и на руках, мощи которых я не мог противиться, отнес меня в подземелье и положил среди мертвых. Здесь я и гнил заживо целые тысячелетия, вечно умирающий, но и вечно живой. И все это время меня непрерывно мучила жесточайшая боль раскаяния без надежды на искупление… Обладая способностью магического видения, я был обречен наблюдать за грязными делами, адскими беззакониями, творимыми Уджуком. Он веками царил в Патууме, облачась в сутану аббата и пользуясь данной ему преисподней властью и бессмертием. Благодаря его чарам о монастыре не знал никто, кроме тех, кого он сам заманивал для того, чтобы удовлетворять свой чудовищный голод и отвратительную страсть. Мужчин он пожирал, а женщин заставлял служить утехой его похоти. Я был свидетелем всех его бесчинств, и это было самым тяжелым наказанием.

Зобал слушал, охваченный суеверным страхом. Шепот умолк, и лучник забеспокоился, не умер ли Альдор. Потом сухой шепот зазвучал вновь:

— Лучник, я прошу тебя о милосердии, а взамен хочу предложить тебе то, что поможет справиться с Уджуком. В колчане у тебя за спиной лежат заклятые стрелы. Мудр и могуществен был тот,

кто выковал их. Такой стрелой можно поразить самые темные силы зла. Ими можно поразить и Уджука, и даже то зло, которое живет во мне, мучит и не дает умереть. Лучник, умоляю тебя, пронзи стрелой мое сердце, а если этого будет недостаточно, всади по стреле в правый и левый глаз. Оставь стрелы в ране — тебе нет надобности беречь их. Для Уджука будет достаточно и одной стрелы. Что касается монахов, которых ты видел в монастыре, то я должен открыть тебе одну тайну. Всего их двенадцать, но…

Зобал ни за что не поверил бы тому, что рассказал Альдор, если бы удивительные приключения предыдущего дня не перевернули все его представления о невероятном. Аббат продолжал:

— Когда я умру, возьми с моей груди талисман. Он сможет развеять чары, которые заставляют тебя видеть и осязать то, чего на самом деле нет. Надо только приложить талисман к обманчивому видению.

На провалившейся груди Альдора Зобал увидел талисман — простой овальный камень серого цвета на почерневшей серебряной цепочке.

— Торопись, лучник, — умолял голос.

Зобал воткнул факел в груду покрытых плесенью костей рядом с Альдором. Со странным

чувством сопротивления принуждению он вытянул из колчана за спиной стрелу, наложил ее на тетиву и твердой рукой направил в сердце Альдора. Стрела точно поразила цель. Зобал ждал, и скоро с растянутых губ черного аббата сорвался слабый шепот:

— Еще, еще одну стрелу!

Опять он натянул свой лук, и стрела неотвратимо устремилась в пустую правую глазницу. И снова через некоторое время послышались еле уловимые слова мольбы:

— Еще одну стрелу, лучник!

Еще раз в тишине склепа пропел лук железного дерева, и в левом глазу Альдора затрепетала от неизрасходованной мощи стрела. На этот раз больше ни звука не сорвалось с истлевших губ, но Зобал услышал странное шуршание и шелест осыпающегося песка. На его глазах огромное черное тело быстро оседало, голова и лицо провалились, а две стрелы покосились, так как теперь они стояли всего лишь в груде пыли и осколков костей.

Зобал, как его и просил Альдор, оставил стрелы в этой куче праха, и стал искать талисман, погребенный под обрушившимися останками. Найдя камень, он осторожно повесил его на пояс рядом

с длинным прямым мечом.

«Возможно, — подумал он, — эта штука пригодится еще до того, как кончится ночь».

Он быстро развернулся и взбежал по ступенькам во двор. Похоже, прошло уже слишком много времени с тех пор, как он покинул Кушару на его посту. Луна успела подняться высоко и висела над стеной кривобоким оранжево-желтым пятном. Однако все, казалась, было спокойно: сонных животных никто не тревожил, монастырь оставался темным и беззвучным. Захватив бурдюк вина и кое-что из провизии, Зобал поспешил обратно в коридор.

Как только он вошел в здание, чудовищный грохот и шум разорвал надвое завесу тишины перед ним. Среди этой какофонии он разобрал вопли Рубальсы, высокий визг Симбана и яростный рев Кушары, но господствовал непрерывно возрастающий, жуткий и непристойный смех, как будто темные подземные воды, густые и зловонные, вырвались из глубоких колодцев, чтобы затопить все вокруг.

Зобал уронил бурдюк и мешок с продуктами и, срывая с плеча лук, побежал на звук. Крики его спутников не утихали, но теперь их едва можно было расслышать из-за безмерно разросшегося,

наполнявшего монастырь дьявольского смеха. Приблизившись ко входу в келью Рубальсы, он увидел, что Кушара, вооруженный только древком копья, кидается на глухую стену, в которой больше нет занавешенного рогожей прохода. За стеной визг Симбана сменился булькающим стоном зарезанного теленка, но усиленный страхом крик девушки еще пробивался сквозь оглушительный хохот.

— Эту стену сделали демоны, — неистовствовал копейщик, понапрасну обрушивая мощные удары на гладкую кладку. — Я не спал и смотрел в оба, но они выстроили ее за моей спиной, и все это в полной тишине! Грязные дела творятся за ней сейчас.

— Умерь свою ярость, — сказал Зобал, пытаясь прийти в себя и побороть страх, грозящий перейти в безумие. В этот момент он вспомнил об овальном сером камне Альдора, который на черной серебряной цепочке свешивался с перевязи. Его осенило, что каменная стена, возможно, всего лишь наваждение, которое можно разрушить с помощью талисмана, как об этом говорил Альдор.

Он быстро взял камень и приложил его к непроницаемой стене там, где раньше была дверь.

Кушара смотрел на него в изумлении, думая, очевидно, что лучник сошел с ума. Но как только талисман с тихим стуком прикоснулся к стене, она начала растворяться, оставляя после себя только занавесь, которая клочьями падала на пол, как будто тоже была не больше чем колдовской иллюзией. Странное преображение ширилось, стена таяла, оставляя на своем месте несколько поврежденных временем плит, в комнату проник свет почти полной луны, и под ней аббатство беззвучно превращалось в груду развалин.

Все это произошло не мгновенно, но у воинов не было времени обдумывать происшедшее. Луна наклонила к земле свой лик, напоминающий обглоданное червями лицо мертвеца, и в ее багровом свете Кушаре и Зобалу предстала картина настолько ужасная, что они забыли обо всем на свете. Перед ними на растрескавшемся полу, сквозь щели которого проросла чахлая трава пустыни, раскинувшись, лежал мертвый Симбан. Его одеяние лежало рваными полосами, и кровь темной струей струилась из его растерзанного горла. Кожаные кошели, которые он носил на поясе, лежали разорванные, и золотые монеты, флаконы с лекарствами и другие мелочи рассыпались по полу.

Поодаль, около полуразвалившейся внешней стены, на груде истлевших тканей и дерева, которая раньше была роскошной, богато убранной кроватью эбенового дерева, лежала Рубальса. Вытянув руки вверх, она пыталась оттолкнуть от себя невероятных размеров тень, которая горизонтально нависала над ней. Воинам показалось, что тень держится в воздухе благодаря крылообразным складкам желтой рясы, и они сразу признали аббата Уджука.

Всепоглощающий хохот черного чудовища стих, и он повернул искаженное дьявольской похотью и яростью лицо. Его глаза горели докрасна раскаленным железом, он громко щелкнул зубами, и гигантской туманной тенью встал в полный рост посреди руин.

Не успел Зобал наложить первую стрелу на тетиву, как Кушара уже устремился к Уджуку с копьем наперевес. Но как только копейщик пересек порог, показалось, что неимоверно раздувшееся тело Уджука вдруг распалось на двенадцать одетых в желтое фигур, которые по спешили отразить натиск Кушары. Словно по какому то адскому волшебству, монахи Патуума собрались вместе и пришли на помощь своему аббату.

Криком Зобал пытался предупредить Куша-ру,

но тени были повсюду вокруг него. Они ловко уклонялись от ударов его оружия и пытались пробить его броню своими страшными когтями. Кушара доблестно сражался, но через некоторое время исчез, погребенный под грудой тел.

Зобал помнил о секрете, который ему открыл Алъдор, и не тратил стрел на монахов. С луком наготове он стоял и ждал, пока из за сцепившегося в жестокой схватке клубка тел, беспорядочно перекатывающегося над поверженным Кушарой, не появится Уджук. Когда борьба немого утихла, монстра. Тот, казалось, был целиком занят кипящей перед ним яростной схваткой. Уджук как будто управлял ею, ни словом, ни жестом не выдавая своего участия. Верно направленная стрела с ликующим пением понеслась точно в цель. Колдовство Амдока не подвело: Уджук завертелся на месте и упал. Его неуклюжие отвратительные пальцы напрасно пытались ухватиться за древко стрелы, которая вошла в тело чудовища почти по самое оперение из орлиных перьев.

А потом случилось что-то странное: когда пораженный монстр упал и забился в конвульсиях, все двенадцать монахов свалились с Кушары и тоже начали корчиться на полу в предсмертных судорогах. Они были всего лишь неверными

тенями того страшного существа, которое только что умерло. Зобалу показалось, что их формы стали размытыми и прозрачными, сквозь них он увидел трещины в плитах пола. Их агония слабела одновременно с агонией Уджука и, когда он наконец замер, очертания его слуг пропали, как будто их никогда и не было. Ничего, кроме зловонной отвратительной кучи, не осталось от выродка, плода греховной связи аббата Алъдора и ведьмы ламии. С каждым мгновением эта груда заметно уменьшалась под оседающей одеждой. Тяжелый запах гниющей плоти поднимался над ней, как будто все, что было человеческого в этом исчадии ада, быстро разлагалось.

Кушара тяжело поднялся на ноги и с оглушенным видом осмотрелся вокруг. Его тяжелая броня уберегла его от когтей напавших чудищ, но теперь ее от наголенников до шлема покрывали бесчисленные глубокие царапины.

— Куда подевались монахи? — спросил он. — Еще минуту назад они облепили меня с ног до головы, как дикие собаки, терзающие павшего зубра.

— Монахи были всего лишь тенями, двойниками Уджука, — сказал Зобал. — Это просто призраки, фантомы, которых он усилием воли

выпускал и призывал обратно. Без него они не могли существовать, и после его смерти стали даже меньше, чем тенями.

— Это воистину удивительно, — сказал копейщик.

Наконец воины обратили внимание на Рубальсу, сидящую среди обломков кровати. Обрывки истлевших одеял, которыми она стыдливо прикрылась при их приближении, были слабой зашитой и не могли скрыть ее округлого обнаженного тела цвета слоновой кости. Она была напугана и смущена, как человек, которого разбудили посреди тяжелого ночного кошмара. — Чудовище не навредило тебе? — обеспокоено спросил Зобал.

Ее слабое «Нет» успокоило его. Трогательный беспорядок ее девичьей красоты заставил его опустить глаза. Зобал почувствовал глубокое и сильное влечение, какого не испытывал никогда раньше. Чувство нахлынуло на него с такой нежностью, какой он и не знал в спешных, страстных увлечениях своей полной опасностей жизни. Украдкой посмотрев на Кушару, он со страхом понял, что те же чувства владеют сейчас и его товарищем.

Воины немного отошли в сторону и скромно

отвернулись, пока Рубальса одевалась.

— Я полагаю, — сказал Зобал тихо, чтобы девушка не могла его слышать, — что сегодня мы с тобой встретились и одолели такое чудовище, о котором даже и речи не было, когда мы нанимались на службу к Хоурафу. И я думаю, ты согласишься, что мы оба слишком сильно привязались к девушке, чтобы позволить ей служить утехой капризной похоти пресыщенного царя. Таким образом, мы не можем вернуться в Фараад. Если тебя это устроит, мы бросим жребий и определим, кто будет обладать девушкой, а проигравший будет сопровождать победителя как верный товарищ до тех пор, пока мы не преодолеем Издрель и не пересечем границу какой-нибудь страны, на которую не распространяется власть Хоурафа.

Кушара согласился. Когда Рубальса оделась, воины стали осматриваться в поисках предмета, который мог бы пригодиться в предполагаемом состязании. Кушара предложил подбросить одну из монет с изображением Хоурафа, которые рассыпались из разорванного кошелька Симбана. Зобал отрицательно покачал головой, так как нашел нечто, по его мнению, подходящее для выбранной цели гораздо больше монет. Это были

когти чудовища, чей труп изрядно уменьшился в размерах и ужасно разложился. Его голова омерзительно сморщилась, а все члены укоротились. При этом когти на руках и ногах монстра отвалились и лежали в беспорядке на плитах пола. Зобал снял шлем, наклонился, подобрал пять когтей с правой руки аббата, (коготь с указательного пальца был самым длинным) и положил в шлем.

Он энергично встряхнул металлическую шапку, как обычно трясут стаканчик с игральными костями, раздался резкий стук когтей. Затем он протянул шлем Кушаре и сказал:

— Тот, кто вытянет коготь с указательного пальца, заберет девушку.

Кушара опустил руку в шлем и быстро вынул ее, подняв над головой тяжелый коготь большого пальца — самый короткий. Зобал вытянул средний коготь, а Кушара со второй попытки достал коготь с мизинца. Потом, к глубокой досаде копейщика, Зобал добыл из глубины шлема такой вожделенный самый длинный коготь.

Рубальса все время следила за странным действом с нескрываемым любопытством и спросила:

— Что вы делаете? Зобал начал объяснять, но не успел он закончить, как девушка в негодовании

вскричала:

— Никто из вас не спросил о моем мнении! Никто не спросил, кто нравится мне!

И с милой гримаской она отвернулась от смущенного лучника и обвила руками шею Кушары.